

0. 122 884.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ЯРЫЙ ГОДЪ

МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

ВЪ САНКТОПЕТЕРБУРГѢ

41
22514

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ЯРЫЙ ГОДЪ.

РАВСКАЯ.

3787P

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.
1916.

ПРАВДА СЕРДЦА.

I.

Лѣто 1914 года въ Орго, маленькой эстонской деревушкѣ на южномъ берегу Финскаго залива, проходило пріятно и спокойно. Въ началѣ лѣта никто здѣсь и не думалъ о близости большой европейской войны. Все время стояла прекрасная погода, ясная теплая, съ рѣдкими дождями. Датчанки, — дѣмцы изъ Юрьева и изъ Ревеля, да русскіе интеллигенты изъ столицы, — развлекались какъ умѣли. Тѣ, которые жили здѣсь уже нѣсколько лѣтъ, хвалили очень это мѣсто, широкій видъ на море, великолѣпный шаркъ, закаты, — все, что можно хвалить. Пославше сюда первый разъ, — потому что знакомые зимою часто хвалили Орго, — жаловались на скуку.

Въ самомъ дѣлѣ Орго — глухое захолустье дѣтъ ни кургауза, ни музыки. Общество благоустройства дачной мѣстности Орго только-что было основано и успѣло только вывѣсить двѣ надписи о запрещеніи велосипедистамъ

Видать по пѣшеходной дорожкѣ въ деревнѣ, да еще устроило школьный теннисъ-троуддѣ. Даже станци жельзной дороги въ семи верстахъ,— не погуляешь по платформѣ, встрѣчая и провожая поѣзда. Только и было утѣшене, что купанье въ морѣ,—пляжъ очень хорошій почти такой же, какъ въ Усть-Наровской купальной мѣстности, — да лаунъ-теннисъ, устроенный на полянѣ надъ моремъ.

Изъ-за лаунъ-тенниса молодежь ссорилась съ аптекаремъ: не хотѣли платить денегъ за право игры на теннисѣ, а аптекаръ, казначей общества благоустройства дачной мѣстности Орго, грозилъ, что сниметъ сѣтку. Онъ старался быть очень аккуратнымъ, чтобы оправдать свою нѣмецкую фамилию, и чтобы его не сочли за эстонца.

Молодые люди говорили:

— Мы не обязаны платить вамъ за игру въ теннисъ. У васъ и сѣтка виситъ старая.

Аптекарь упрямо твердилъ:

— Нѣтъ, обязаны. Общество не имѣетъ суммъ на то, чтобы покупать сѣтку.

— Съ нашей дачи,—говорилъ веселый студентъ Бубенчиковъ,—вы уже выскали три рубля.

— А съ нашей,—говорилъ мрачный Козоваловъ,—даже пять.

Аптекарь объяснялъ:

— Ну такъ это же за доставку корреспонденци,—вы же сами знаете, что въ нашей мѣстности нѣтъ почтоваго отдѣленія. А мы хлопочемъ и въ будущемъ году мы будемъ имѣть почтово-телеграфное отдѣленіе. Чего же вы хотите?

— Это намъ все равно,—говорили молодые люди—нельзя же платить безъ конца.

Долго пререкались. Наконецъ аптекаръ сѣтку снялъ,

и около теннис-группа вывесить на столбик записку с надписью: «Игра без разрешения правления общества благоустройства запрещается».

В отместку за это легкомысленные молодые люди в следующую же ночь прибили на дверях аптеки записку: «Ходить в аптеку без рецепта врача строго воспрещается».

Многие дачники, запасшись старыми сигаретками нарочно заходили в аптеку справиться, почему входить без рецепта воспрещено. В аптеку дачники ходили, как водится, не столько за лекарствами сколько за открытками с видами местности, за фонариками для иллюминаций, за мылом и одеколоном, и за прочими разнообразными вещами.

Аптекарь возмущался, уверял что можно ходить и без рецепта, и, отпуская свои товары, жаловался всем на молодых людей.

Раза два-три в лето устраивались любительские спектакли и балы в помещении местного пожарного общества—вот и все веселье. Приходилось в остальное время довольствоваться домашними развлечениями, а днем гулять и любоваться видами—занятие, молодежи мало свойственное.

II.

Лиза Старкина, юная дочь морского офицера плавающего где-то в далеком море, была в нерешительности, на ком из двух молодых людей остановить ей свое внимание. Бубенчиков и Козолов, два студента, юрист и математик—оба были очаровательны, каждый в своем роде.

Лизина мать, Анна Сергеевна предпочитала любезного и веселого Бубенчикова. Лиза тоже одинокими его превосходными качествами но и в мрачном Козоваловъ были свои очарования. Онъ не лишень былъ остроумия и находчивости, и хотя говорилъ ей иногда дерзости, но всегда готовъ былъ услужить, тогда какъ любезный и веселый Бубенчиковъ былъ эгоистъ, и отъ оказанія услугъ часто увиливалъ.

Впрочемъ, порою оба юноши казались Лизѣ скучноватыми. И казалось даже ей, что и живутъ они не настоящему, а такъ, между прочимъ до окончания курса, — а настоящая жизнь ихъ начнется потомъ когда они выдержатъ свои государственные экзамены и пристроятся болѣе или менѣе хорошо.

Но Лизѣ уже хотѣлось кого-то любить. Такой уже возрастъ. И потому на пляжѣ она почти каждый день, сбросивъ юбочку и сандали, танцевала Дунканскіе танцы то для одного, то для другого, то для обоихъ вмѣстѣ. Лиза, какъ водится, училась на какихъ-то драматическихъ курсахъ. Она была очаровательна въ платьяхъ своихъ танцахъ, стройная, тонкая, весело загорѣлая, легкая надъ гладью мелкаго, сѣрвато-золотистаго песка.

Былъ еще и третій, склонный ухаживать за Лизою усерднѣе и самоотверженнѣе первыхъ двухъ. Это былъ мѣстный Пауль Септъ, но для Лизы онъ былъ пока только комическимъ элементомъ.

Паулю Септу было двадцать восемь лѣтъ. Онъ былъ красивый, высокій, сильный, широкоплечій, очень сдержанный человѣкъ, добродушный и немного мѣшковатый. У него были ясные голубые глаза и свѣтлые волосы. Онъ не пилъ водки, не курилъ. Не зналъ никакого разврата. Кончилъ какое-то сельскохозяиственное училище. Много читалъ, по-русски и по-нѣмецки. Очень любилъ

литературу и философию. Игралъ на роялѣ. Пѣлъ баритономъ. Двѣ его сестры, молоденькія дѣвушки, недавно кончили учиться въ гимназій.

Съ весны онъ былъ влюбленъ въ Лизу Старкину,—съ перваго же раза какъ увидѣлъ ее на обрывѣ надъ моремъ, въ туникѣ, веселую, бѣлую, еще не успѣвшую загорѣть. Но онъ былъ простой крестьянинъ эстонецъ, и самъ работалъ на своемъ полѣ, вмѣстѣ со своими двумя сестрами. У него было тридцать десятинъ земли, и въ томъ жилищѣ нѣсколько работниковъ и работницъ.

Онъ былъ еще холостъ и непороченъ какъ мальчикъ. Зимомъ онъ мечталъ о далекихъ красавицахъ. Каждое дѣло онъ влюблялся въ русскую барышню. — теперь влюбился въ Лизу. Въ нѣмокъ онъ почему-то не влюблялся ни разу.

И вотъ было трое влюбленныхъ въ одну Лизу. Лиза никогда еще въ жизни не чувствовала себя такою гордою и счастливою. Лиза и Паули Сеппа не совѣймъ отворачивали на страхъ двумъ другимъ. Поддразнивая ихъ, она говорила:

— Захочу и выйду за эстонца.

И въѣхъ трехъ выпучивала, весело и мило, какъ все, что она дѣлала.

Анна Сергѣевна очень сердилась, когда Лиза говорила съ нею объ эстонцѣ. Она восклицала.

— Лиза! Твой отецъ—капитанъ перваго ранга, а ты говоришь о простомъ эстонцѣ.

Лиза хохотала. Говорила:

— Мы съ Паулемъ будемъ косить траву, сѣять хлѣбъ, пасти свои стада, и разговаривать о Шеллерѣ и о Кантѣ.

— Ужасъ, ужасъ!—воскликнула Анна Сергѣевна.

Лиза продолжала дразнить мать:

— Я буду доить коровъ и каждое утро носить для тебя парное молоко. Ты увидишь, какое оно будетъ вкусное, густое и чистое.

Анна Сергѣевна затыкала уши пальцами, и уходила.

III.

Лиза съ мамой, Бубенчиковъ и Козоваловъ гуляли въ паркѣ. Паркъ принадлежалъ остзейскому барону, и на входъ туда надобно было брать билеты. За билетами приходилось ходить къ управляющему, чистенькому нѣмцу изъ Риги.

Любовались на великолѣпный, бѣлый, военсенный надъ сиклурійскимъ обрывомъ, домъ барона. Одинъ только Козоваловъ упрямо говорилъ, что домъ ему не нравится, что онъ годится развѣ только для устройства въ немъ музея дурного вкуса. Съ нимъ спорили. Но онъ былъ, конечно, правъ. У него былъ хороший вкусъ, и эта дурно-слаженная постройка, совсѣмъ не гармонировавшая съ мѣстностью, не могла его удовлетворить.

Когда уже видно было синее море, Козоваловъ сказалъ, указывая на отдѣльно стоящее громадное дерево:

— Вотъ то самое дерево.

— Какое?—спросила Лиза.

Козоваловъ мрачно улыбнулся и промолчалъ. У него былъ въ эту минуту таинственный и значительный видъ. Лиза вдругъ заглялась любопытствомъ. Бубенчиковъ рассказавъ:

— На этомъ деревѣ весной повѣсился баронскій конюхъ. Онъ выстегнулъ кнутомъ глазь одной лошади. Управляющій ему сказалъ, что выщеть триста рублей и посадить въ тюрьму. Ну, онъ пошелъ сюда ночью, и по-

вѣсилъ. Утромъ нашли. Молоденькій былъ совѣтъ, очень скромный, и у него была невѣста, здѣшняя естонка Эльза,—она живетъ въ горничныхъ у Левенштейна.

Анна Сергѣевна заахала:

— Ахъ какой ужасъ! Зачѣмъ вы насъ здѣсь повели! Мнѣ этотъ эстонецъ ночью будетъ снится. И зачѣмъ вы это рассказали!

Лиза сказала досадливо:

— Мама, какъ же ему не рассказать, когда его объ этомъ просить!

Лизу всегда утомляла дѣланная экспансивность и кокетливость ея матери.

Бубенчиковъ говорилъ оживленно, какъ что-то радостное:

— Многие теперь боятся ходить въ паркъ вечеромъ.

— Да и днемъ жутко,—сказала Анна Сергѣевна.— Знала бы, такъ не стала бы и билета брать.

— Ну, и бы и сама взяла,—отвѣчала Лиза.

Козоваловъ сказалъ злобно:

— И молодая баронесса не прѣехала нынче лѣтомъ.

— Почему?—спросила Лиза.

— Боятся, что эстонцы развалятся и станутъ встать,—объяснилъ Козоваловъ.— Потому и билеты надо брать,—боятся пускать всѣхъ.

— Совсе не потому.— заспорила Лиза.— прежде всѣхъ пускали, такъ подходили къ самому замку, и всѣ цѣпты обрывали.

— Ну, ужъ ты, спорщица!—сказала Анна Сергѣевна.— всегда все лучше всѣхъ знаешь.

Вечеромъ, встрѣтившись съ Паулемъ Сеппомъ, Лиза спросила его:

— Почему повѣсился этотъ конюхъ? Неужели изъ-за какой-то баронской лошади?

— Да, изъ-за лошади,—отвѣчала Пауль Септъ.
— Но неужели же это правда?—спрашивала Лива.—Что же съ нимъ могли сдѣлать? Вѣдь мы же не во времена крѣпостного права живемъ!
Пауль Септъ спокойно отвѣчалъ:
— Управляющій—нѣмецъ.
— Ну такъ что же? — съ удивленіемъ спросила Лива.
— Нѣмцы народъ аккуратный, не простить—сказалъ Пауль Септъ.
И ясные глаза его зажглись мгновенною злобою.

IV.

Какъ-то совсѣмъ неожиданно стали говорить, что скоро будетъ война. Съ жадностью читали газеты. Злое нападеніе Австріи на Сербію и явное потворство ей со стороны Германии раздражали многихъ. Возрастало негодованіе противъ Германии. Припоминали, что Германия держала уже много лѣтъ всю Европу въ состояніи неуверенности въ завтрашнемъ днѣ, и заставляла всѣхъ дѣлать чрезмѣрные усилія для вооруженій. Вскрылась нарастающая въ теченіе долгихъ лѣтъ вражда къ надменнымъ и заносчивымъ пруссакамъ. Уже и мѣстные штаблы, аптекарь и булочникъ (онъ же содержатель пансіона) объявили, что они — не нѣмцы, а эстонцы; до сихъ поръ они это тщательно скрывали.

Появились указы о мобилизаціи, сначала частичной, а потомъ и общей. Дачники читали расклеванныя объявленія, и толковали ихъ, кто какъ умѣлъ.

Вотъ и война объявлена. Въ газетахъ, которыя пришли вечеромъ, было напечатано о германскомъ наглѣмъ.

ультиматумъ Россіи. А къ ночи Бубенчиковъ съѣздилъ на велосипедъ на станцію, привезъ важныя новости. Онъ вошелъ торопливо на закрытую стеклянную террасу дачи Старкиныхъ, гдѣ сидѣли за чайнымъ столомъ Лиза, Анна Сергѣевна и Козоваловъ со своею матерью. Здороваясь, онъ объявилъ испуганно и радостно:

— Германцы объявила намъ войну. Францъ-Иосифъ умеръ.

Анна Сергѣевна всплеснула руками, и воскликнула:

— Ну, вотъ, дождалось, досидѣли! Ужасъ, ужасъ!

— Нѣмцы, можетъ быть, вѣдь высадятся, — говорить Бубенчиковъ, — вѣдь въ крѣпости нѣтъ, и флота у насъ нѣтъ: они сюда и пойдутъ, и отсюда на Петербургъ.

Говорить это, какъ что-то радостное.

— Ужасъ, ужасъ! — повторила Анна Сергѣевна. —

Что же съ нами будетъ?

Козоваловъ говоритъ:

— Нѣтъ, нѣмцы придутъ съ юга, и разрушатъ желѣзную дорогу. А что съ нами будетъ, это покрыто мракомъ неизвѣстности. Впрочемъ, кто уплѣтеть отъ неприятельскихъ снарядовъ тому, надо полагать, нѣмцы ничего особенно-плохого не сдѣлаютъ: народъ культурный.

Лиза не вѣрила ни въ десантъ, ни въ разрушене желѣзной дороги. У нея было спокойное и смѣлое сердце чисто-русской дѣвушки. Она любила Россію, и потому вѣрила, что Россія побѣдитъ. Она говорила:

— Нѣмцамъ здѣсь не дадутъ высадиться. И до нашей желѣзной дороги имъ не дойти.

Мать спорила:

— Какъ же не дойдутъ, Лизочка, если изъ Восточной Пруссіи на насъ три арміи двигаются! Вѣдь это во всѣхъ газетахъ написано!

Лиза спокойно возражала:

— Да вѣдь и наши армии есть!

— Ну, гдѣ же наши? — говорила мать — нѣмцы сильнѣе, у нихъ всѣ мужчины на войну пошли.

Бубенчиковъ говорилъ:

— Нѣмцы быстротой возьмутъ. Наши не успеютъ опомниться, какъ уже нѣмцы подойдутъ къ Петербургу. Не даромъ же вокругъ Петербурга окопы роютъ, и всѣ деревья рубятъ.

— Такъ-таки всѣ? — насмѣшливо спросила Лиза. — Зачѣмъ же это?

— Ну, это по военнымъ соображеніямъ — сказалъ Бубенчиковъ. — Ну, я пойду. Надо нашимъ сказать и Лихутинымъ.

Бубенчиковъ наскоро попрощался со всѣми, и побѣжалъ по дорожкѣ темнаго сада.

— Газета! — досадливо сказала Лиза.

Бубенчиковъ обошелъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Дачники заволновались. До утра ходили по деревнѣ, и сообщали другъ другу новѣсть откуда пришедше слухи, одинъ другого невѣроятнѣе.

На другой день съ утра Анна Сергѣевна говорила о томъ, что надобно поскорѣе уѣхать въ Петербургъ. Лизѣ не хотѣлось. Она говорила:

— Такая хорошая погода! Что мы будемъ дѣлать въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, укладываться и уѣзжать! — съ выраженіемъ растерянности и ужаса на лицѣ говорила Анна Сергѣевна. — Пока еще выпускаютъ въ Петербургъ, а потомъ ужъ ни выпускать, ни выпускать не станутъ. А если сейчасъ поѣдемъ, такъ успедемъ еще, дастъ Богъ, и изъ Петербурга уѣхать.

Лиза досадливо спрашивала:

— Куда же еще ѣхать, мама?

Анна Сергѣевна отвѣчала:

— Въ Вологду, въ Нижний, подальше куда-нибудь.

Лиза засмѣялась. Спросила:

— Что же, ты думаешь они и въ Москву придутъ?

Анна Сергѣевна сказала упавшимъ голосомъ:

— Ахъ, Лизанька, это—только вопросъ времени.

Лиза съ удивленіемъ всмотрѣлась въ испуганное лицо матери. Сказала укоризненно:

— Ну, мама, и трусиха же ты!

Анна Сергѣевна заплакала и сказала:

— Лиза, я не хочу, чтобы прусскій солдатъ меня прикладомъ прашивъ.

Лиза покачала плечами, и подошла къ окну.

Ясное небо, простодушные пѣвцы на клумбахъ, невозмутимый миръ высоко-зеленѣющихъ деревьевъ,—ясная, мелкая жизнь и влитая въ нее мудрая близость успокоительной, глубокой смерти,—а рядомъ здѣсь, эта необходимая, жалкая трусость! Какъ странно!

Лиза увидѣла изъ окна проходившаго мимо сада поузкой межѣ за рожью ихъ хозяина. Онъ смиренный и добродушный. Любитъ пиво, но никогда не буянить. Бойтся онъ войны или нѣтъ?

Лиза быстро вышла къ нему. Спросила:

— Андрей Ивановичъ, вы на войну идете?

Хозяинъ снялъ шляпу, поклонился. Сказалъ:

— Нѣтъ, я—ратникъ, до меня еще не дошла очередь. Безъ меня много народу.

— Андрей Ивановичъ, а что, если нѣмцы придутъ?—спросила Лиза.

Толстый, рослый эстонецъ засмѣялся, и сказалъ:

— Мы ихъ сюда не пустимъ. И возьму ружье и одинъ сто нѣмцевъ убью.

Лиза закричала матери в окно:

— Мама, мама, послушай, что онъ говорить!

Анна Сергѣевна только махнула рукою.

Когда Лиза вернулась, Анна Сергѣевна ходила по комнатамъ и повторяла:

— Ужась, ужась! Все равно, здѣсь жить нельзя. Наши или чужіе, все равно, придутъ солдаты, поселятся въ нашей дачѣ, а намъ велеть уходить.

V.

Пошли гулять передъ вечеромъ, — Лиза съ матерью, молодые люди. Зашли въ эстонскую лавочку, подъ предлогомъ купить Жоржъ-Бормановскаго шоколада. На самомъ же дѣлѣ Аннѣ Сергѣевнѣ хотѣлось доказать Лизѣ, что оставаться здѣсь нельзя, потому что всѣхъ лошадей вонмуть и у лавочника тоже и не на чемъ будетъ товаръ возить, да и до станціи не на чемъ добратся: опоздаешь уѣхать теперь, — сиди и умирай съ голода.

Хитрый эстонецъ лавочникъ, какъ всегда, посмѣивался. Онъ увѣрялъ, что за лошадей даютъ меньше, чѣмъ онъ ему самому стоили. Лиза не вѣрила.

— Зато; — говорила она, — вамъ ихъ зимой кормить не надо, а весной новыхъ купите.

Эстонецъ говорилъ, хитро посмѣиваясь:

— У кого шлохія лошади, тому выгодно, а я поте-
рять.

— А товаръ-то есть? — спросила Анна Сергѣевна.

— Теперь есть. Скоро не будетъ, — отвѣчалъ эстонецъ.

Анна Сергѣевна съ торжествомъ поглядѣла на дочь. Бубенчиковъ предлагалъ купить побольше шоколаду:

— Будемъ варить шоколадный супъ.

— Нѣтъ, не надо,—сказала Козваловъ,—у насъ воронъ много, я стрѣлять буду.

Анна Сергѣевна обидѣлась.

— Сами и кушайте, я воронину ѣсть не привыкла.

Выйдя изъ лавочки, читали расклеенныя тутъ же объявленія о мобилизаціи, и комментировали ихъ. Анна Сергѣевна говорила:

— Даже аммуниціи нѣтъ. Просить, чтобы съ собою солдатика сапоги приносили. Несчастные люди! Опять будетъ, какъ въ японскую войну.

Лиза сердилась и спорила. Она говорила съ досадою:

— Мама, ты — жена военнаго, а рассуждаешь совсѣмъ, какъ ничего не понимающая.

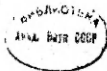
— Ты много понимаешь!—отвѣчала Анна Сергѣевна обычно стариковскою отвѣдкою дѣтямъ.—Ты бы посмотрѣла на запасныхъ, — у нихъ совсѣмъ сумасшедше глаза.

— Ну, этого я ни у кого не видѣла,—отвѣчала Лиза.

VI.

Вечеромъ опять сошлись у Старкиныхъ. Говорили только о войнѣ. Кто-то пустил слухъ, что призывъ новобранцевъ въ этомъ году будетъ раньше обыкновеннаго, къ восемнадцатому августу; и что отсрочки студентамъ будутъ отменены. Поэтому Бубенчиковъ и Козваловъ были угнетены:—если это вѣрно, то имъ придется отбывать воинскую повинность не черезъ два года, а нынче.

Воевать молодымъ людямъ не хотѣлось.—Бубенчиковъ слишкомъ любилъ свою молодую и, казалось ему, цѣнную и прекрасную жизнь, а Козваловъ не любилъ

чтобы что бы то ни было вокруг него становилось слишком серьезнымъ.

Козоваловъ говорилъ уныло:

— Я уѣду въ Африку. Тамъ не будетъ войны.

— А я во Францію,—говорилъ Бубенчиковъ,—и перейду во французское подданство.

Лиза досадливо всыпнула. Закричала:

— И вамъ не стыдно! Вы должны защищать насъ, а думаете самъ гдѣ спрятаться. И вы думаете, что во Франціи васъ не заставятъ воевать?

— Да, и правда!—невесело сказалъ Бубенчиковъ.

Мать Козовалова, полная, веселая дама, сказала добродушно:

— Это они нарочно такъ говорить. А если ихъ позовутъ, такъ и они покажутъ себя героями. Не хуже другихъ будутъ сражаться.

Гримасничая и ломаясь, по обыкновенью, Бубенчиковъ спрашивалъ Лизу:

— Такъ вы не совѣтуете мнѣ ѣхать во Францію?

Лиза отвѣчала сердито:

— Да, не совѣтую. Васъ по дорогѣ могутъ взять въ плѣнъ, и расстрѣлять.

— За что же?—дурашливо спрашивалъ Бубенчиковъ.

Анна Сергѣевна сказала сердито:

— Имъ еще надо учиться, поддерживать своихъ матерей. На войнѣ имъ нечего дѣлать.

Бубенчиковъ обрадовавшись поддержкѣ, нахмурился и сказалъ важно:

— Я о войнѣ и говорить больше не хочу. Я хочу заниматься своими дѣлами, и этого съ меня достаточно.

— Да мы въ герои и не просимся,—сказалъ Козоваловъ.

— И отчего его женщины на войну не берут!— воскликнула Лиза.— Вѣдь были же въ древности амазонки!

— Была и у насъ дѣвица-кавалерница Дурова— сказала Козовалова.

Анна Сергѣевна съ кислою усмѣшкой посмотрѣла на Лизу, и сказала:

— Она у меня патриоткой оказалась!

Слова ея были, какъ порицаніе. Козовалова засмѣялась и сказала:

— Сегодня утромъ въ теплыхъ ваннахъ я говорю банщицѣ: Смотрите, Марта! когда придутъ нѣмцы, такъ вы съ ними не очень любезничайте. Она какъ рассердилась, бросила шайку, говорить: «Да что вы, барыня! Да я ихъ кипяткомъ ошпарю!»

— Ужась, ужась!—повторяла Анна Сергѣевна.

VII.

Изъ Орго призывали шестнадцать запасныхъ. Былъ призванъ и ухаживающій за Лизою эстонецъ, Пауль Сепшъ. Когда Лиза узнала объ этомъ, ей вдругъ стало какъ-то неловко, почти стыдно того, что она посмѣивалась надъ нимъ. Ей вспомнились его ясные дѣтски-чистые глаза. Она вдругъ ясно представила себѣ далекое поле битвы,—и онъ, большой сильный, унадесть сраженный вражескою пулею. Бережная, жалостливая нѣжность къ этому, уходящему, поднялась въ ея душѣ. Съ бояливымъ удивленіемъ она думала:

«Онъ меня любить. А я,—что жъ я? Прыгала, какъ обезьянка, и смѣялась. Онъ пойдетъ сражаться. Можетъ быть, умереть. И когда будетъ ему тяжело, кого онъ вспомнить, кому шепнуть: «прощай, милая»? Вспомнить русскую барышню, чужую, далекую».

И такъ грустно стало Лизѣ—плакать хотѣлось.

Въ тотъ день, когда запаснымъ надобно было идти, утромъ Пауль Септъ пришелъ къ Лизѣ прощаться. Лиза смотрѣла на него съ жалостливымъ любопытствомъ. Но глаза его были ясны и смѣлы. Она спросила:

— Пауль, страшно идти на войну?

Пауль улыбнулся и сказалъ:

— Все великое страшно. Но умереть—не страшно. Было бы страшно, если бы я зналъ, что буду бояться въ рѣшительную минуту. Но этого не будетъ, я знаю.

— Какъ вы можете это знать?—спросила Лиза.

— Я себя знаю,—сказалъ Пауль.

Лиза спросила:

— Но вѣдь вы, востонцы, не хотите войны?

Пауль Септъ спокойно отвѣчалъ:

— Кто же ее хочетъ? Но если насъ вызвали, мы будемъ воевать. И мы побѣдимъ. Россія не можетъ не побѣдить.

Лиза хотѣла сказать:

— Вѣдь вы—не русскіе.

Но не рѣшилась или не успѣла. Пауль какъ бы угадывая ея мысль, сказалъ:

— Мы, востонцы, очень не любимъ нѣмцевъ. Это—наслѣдственное. Много они здѣсь дѣлали жестокостей.

Лиза говорила:

— Да вѣдь это были вѣршіе нѣмцы, а не германскіе. А германскіе что же вамъ сдѣлали? и вѣдь вы же любите Бетховена и Гете?

— Они всё одинаковые,—жестокіе, хитрые, коварные,—сказалъ Пауль.—Съ тѣхъ поръ, какъ они побѣдили французовъ и отняли Эльзасъ и Лотарингію, они точно отраву какою-то опились. И ужъ какъ-будто это не тотъ народъ, изъ котораго вышли Бетховенъ и Гете.

Возьмите хоть то, что нигдѣ на всемъ свѣтѣ, кромѣ Германіи, нѣтъ закона о двойномъ подданствѣ.

Лиза не знала, что такое двойное подданство. Пауль Септъ растолковалъ. Лиза слушала съ удивленіемъ.

— Но вѣдь это—подлый обманъ!—воскликнула она.

Пауль Септъ пожалъ плечами.

— Это—германскій законъ,—сказалъ онъ.—Конечно, они считаютъ себя правыми, но намъ трудно стать на ихъ точку зрѣнія. Намъ непонятна ихъ правда, и кажется намъ она ложью. Будемъ надѣяться, что среди нихъ найдутся люди, писатели, рабоче, которые возвысятъ свой голосъ противъ германскаго безумія.

VIII.

Призванныхъ провожали торжественно. Собралась вся деревня. Говорили рѣчи. Игралъ мѣстный любительскій оркестръ. И дачники почти всѣ пришли. Дачницы пріянарядились.

Пауль шелъ впереди, и пѣлъ. Глаза его блистали, лицо казалось солнечно-свѣтымъ—онъ держалъ шляпу въ рукѣ, — и легкій вѣтерокъ развѣвалъ его свѣтлыя кудри. Его обычная мѣлковатость исчезла и онъ казался очень красивымъ. Такъ выходили нѣкогда въ походѣ викинги и ушкуйники. Онъ пѣлъ. Эстонцы съ одушевленіемъ повторяли слова народнаго гимна.

Анна Сергѣевна шла тутъ же, и повторила тихоюко:

— Ужасъ, ужасъ! Вы посмотрите, у нихъ у всѣхъ безумные глаза. Они знаютъ, что ихъ всѣхъ убьютъ.

— Ну, что ты, мама!—возражала Лиза.—Гдѣ ты это видишь? Всѣ они идутъ съ одушевленіемъ. Такой подъемъ духа—развѣ ты не видишь?

Должны до леса за деревнею. Дачницы стали возвращаться. Призываемые рассаживались на экипажи. Настыла тучка. Стало небо хмуриться. Свѣрелькіе ветри завивались и бѣжали по дорогѣ, маля и дразня кого-то. Анна Сергѣевна сказала:

— Пойдемъ, Лиза, домой. Ужъ дождь накрапываетъ.

Лиза тихо отвѣтила:

— Подожди, мама.

— Ну, чего тамъ ждать!—досадливо сказала Анна Сергѣевна.—Проводили, утѣшили, сколько могли, и довольно. Пусть останутся одни поплачуть, можетъ быть, все-таки легче будетъ.

Лиза засмѣялась и сказала весело:

— Нѣтъ, мама, они не заплачутъ. Они не думаютъ о смерти. А если и думаютъ—такъ на міру и смерть красна.

Лиза остановила Сеппа:

— Послушайте, Пауль, подойдите ко мнѣ на минутку.

Пауль отошелъ на боковую тропинку. Онъ шелъ рядомъ съ Лизою. Походка его была рѣшительная и твердая, и глаза смѣло глядѣли впередъ. Казалось, что въ душѣ его ритмично бились торжественные звуки воинственной музыки. Лиза смотрѣла на него влюбленными глазами. Онъ сказалъ:

— Ничего не бойтесь, Лиза. Пока мы живы, мы нѣмецъ далеко не пустимъ. А кто войдетъ въ Россію, тотъ не обрадуется нашему приему. Чѣмъ больше ихъ войдетъ, тѣмъ меньше ихъ вернется въ Германію.

Вдругъ Лиза очень покраснѣла и сказала:

— Пауль, въ эти дни я васъ полюбила. Я поѣду за вами. Меня возьмутъ въ сестры милосердія. При первой возможности мы повѣщаемся.

Пауль вспыхнул. Онъ наклонился поцѣловать Лизину руку, и повторялъ:

— Милая, милая!

И когда онъ опять посмотрѣлъ въ ея лицо, его ясные глаза были влажны.

Анна Сергѣевна шла на нѣсколько шаговъ сзади, и роптала:

— Какая нѣжности съ естонцемъ! Онъ Богъ знаетъ что о себѣ вообразить. Можете представить—цѣлуетъ руку, точно рыцарь своей дамѣ!

Бубенчиковъ передраивалъ походку Пауля Сеша. Анна Сергѣевна нашла, что очень похоже и очень смѣшно, и засмѣялась. Козваловъ сардонически улыбался.

Лиза обернулась къ матери, и крикнула:

— Мама, пооди сюда!

Она и Пауль Сешъ остановились у края дороги. У обоихъ были счастливыя, сияющія лица.

Вмѣстѣ съ Анною Сергѣевною подошли Козваловъ и Бубенчиковъ. Козваловъ сказалъ на ухо Аннѣ Сергѣевнѣ:

— А нашему естонцу очень къ лицу воинственное воодушевленіе. Смотрите, какой красавецъ, точно рыцарь Парсифаль.

Анна Сергѣевна съ досадою проворчала:

— Ну ужъ красавецъ! Ну, что, Лизанька?—спросила она у дочери.

Лиза сказала, радостно улыбаясь:

— Вотъ мой женихъ, мамочка.

Анна Сергѣевна въ ужасѣ перекрестилась. Воскликнула:

— Лиза, побойся Бога! Что ты говоришь!

Лиза говорила съ гордостью:

— Онъ—защитникъ отечества.

Анна Сергѣевна растерянно смотрѣла то на Пауля, то на Лизу. Не знала, что сказать. Придумала наконецъ:

— Такое ли теперь время? Объ этомъ ли ему надо думать?

Бубенчиковъ и Козоваловъ насмѣшливо улыбались. Пауль горделиво выпрямился и сказалъ:

— Анна Сергѣевна, я не хочу пользоваться минутнымъ порывомъ вашей дочери. Она свободна, но я никогда въ моей жизни не забуду этой минуты.

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричала Лиза,—милый Пауль, я люблю тебя, я хочу быть твоею!

Она бросилась къ нему на шею, обняла его крѣпко, и зарыдала. Анна Сергѣевна восклицала:

— Ужасъ, ужасъ! Но вѣдь это же—чистая психопатія!

ОБРУЧАЛЬНОЕ.

ОБРУЧАЛЬНОЕ.

Мама и Сережа долго спорили.

— Всѣ наши знакомыя дамы такъ сдѣлали,—говорила мама.—И я такъ сдѣлаю.

— Нѣтъ, мама,—возражала Сережа,—ты такъ не должна дѣлать.

— Почему я не должна, если другія дѣлаютъ?—спрашивала мама.

— Онѣ не хорошо дѣлаютъ,—спорилъ Сережа,—и я не хочу, чтобы ты это сдѣлала.

— Да это—не твое дѣло, Сережа!—говорила мама, досадливо краснѣя.

Тогда Сережа принимался плакать. Мама стыдила:

— Четырнадцатилѣтній мальчикъ, а плачешь, какъ оловянкѣмъ маленькій.

И такъ продолжалось нѣсколько дней,—все изъ-за кольца обручальнаго. Мама хотѣла его пожертвовать въ пользу раненныхъ. Говорила Сережѣ:

— Такъ всѣ дѣлаютъ. Изъ этаго большія деньги можно собрать.

Сережа настойчиво требовалъ, чтобы его мама такъ не дѣлала.

— Папа сражается, а ты его кольцо отдашь!—кричал онъ.

— Пойми, для раненыхъ,—уговаривала мать.

— Отдай что-нибудь другое, а не кольцо обручальное,—говорилъ Сережа.—Деньгами дай.

Мать пожимала плечами.

— Сережа, ты знаешь, у насъ не такъ много денегъ. Штабсъ-капитанское жалованье. — на него не раскутишься.

— Не покупай яблоковъ, накопишь побольше, чѣмъ за колечко дадутъ; да и мало ли на чемъ можно сберечь!

Спорили, спорили. Мама почему-то не рѣшалась сдѣлать по-своему, отдать кольцо,—ужъ очень горящими глазами смотрѣла на нее Сережа, когда объ этомъ заходила рѣчь.

Каждый разъ, когда мама уходила, Сережа рѣшительно говорилъ ей:

— Мама, безъ кольца не смѣй приходиться.

Наконецъ, рѣшили написать отцу,—какъ онъ скажетъ, такъ и сдѣлать. Мама написала, а Сережа въ своемъ письмѣ отцу ничего о кольцѣ не писалъ: что-то скажетъ самъ папа?

Перестали спорить. Но Сережа все посматривалъ на мамини руки. Изъ гимназiи придетъ,—къ мамѣ: блеститъ колечко? блеститъ—и успокоится Сережа. Мама откуда-нибудь вернется, Сережа бѣжитъ къ ней навстрѣчу, нетерпѣливо смотритъ, какъ мама снимаетъ перчатки: блеститъ колечко? блеститъ,—и успокоится Сережа.

Прошло нѣсколько дней, пришли отвѣты изъ армии отъ Сережина отца, и Сережѣ, и мамѣ. Почтальонъ принесъ письма вечеромъ, когда сидѣла мама съ Сережею за чаемъ. Сережа свое письмо распечаталъ, а читать не можетъ: сердце бьется отъ нетерпѣнiя узнать, что въ

томъ письмѣ написано, которое мама читаетъ. Мама письмо прочла, обрадовалась, улыбнулась.

— Папа согласенъ.

Покраснѣлъ Сережа, стоитъ передъ мамою потупясь.

— Вотъ, читай самъ—говоритъ мама.

Сережа читаетъ:

«Насчетъ кольца дѣлай, какъ хочешь. Дѣло, конечно, не въ кольцѣ, я знаю, что ты меня любишь, ты обо мнѣ тоже знаешь, а все остальное—ерунда, не суть важно».

И дальше о другомъ.

Сережа прочелъ, улыбнулся. Спросилъ:

— Тебѣ, мама, этого достаточно?

Мама слегка повела плечомъ сказала:

— Ну вотъ видишь, папа согласенъ.

— А ты, мама, умѣешь между строчекъ читать?—спросилъ Сережа.—Невесело было падѣ тебѣ такъ писать о колечкѣ. Онъ свое носить, не снимаетъ.

Посмотрѣлъ Сережа на маму внимательно. Мама покраснѣла, но все-таки спорила:

— Да вѣдь согласился же папа!

— Мама, пойми,—убѣждающимъ голосомъ говоритъ Сережа,—вѣдь если и кольцо, и всякая памятная вещь—ерунда, не суть важно, то подумай, что же въ душѣ-то у человѣка должно быть! Милая была вещичка памятная,—ерунда! Хорошій былъ соборъ въ Рейксѣ,—не суть важно!

— Сережа,—строго сказала мама,—нельзя сравнивать: тамъ всенародная святыня много поколѣний.

— Мама!—воскликнулъ Сережа, перебивая ее,—то для всѣхъ свято, а это свято только для насъ, но свято, свято! Если въ каждомъ домѣ нѣтъ святого, заветнаго, такъ какъ же оно для всего народа вырастетъ, изъ чего?

Все—ерунда, не суть важно,—изъ чего же большее, ве-
ликое набоится! Ты думаешь, когда папа это писалъ,
что онъ чувствовалъ?

— Что чувствовалъ!—нерѣшительно сказала мама.

— Чувствовалъ, что я для раненныхъ...

— Нѣтъ, мама—горячо говорилъ Сережа,—очень
ему горько было. Шутливыя слова писалъ нарочно, что-
бы не показатъ тебѣ, и другимъ не показатъ. Пойдетъ въ
сражене, подумаетъ: ну, что жъ, у вдовы моего колечка
не будетъ, кто-нибудь надѣнетъ ей на пальчикъ другое.

Мама вскрикнула:

— Сережка, противный, не смѣй такъ говорить!

И заплакала горько. Сережа стоялъ передъ нею на
колѣняхъ, пѣловалъ ей руку,—гдѣ еще блестяю обру-
чальное,—и говорилъ:

— Мама, милая мы бережемъ для раненныхъ на
другомъ. Можно вмѣсто бѣлаго хлѣба ѣсть черный, не
покупай мнѣ новыхъ башмаковъ, я дома босикомъ хо-
дить буду; можно мало ли какой расходъ сократить, но
колечка не смѣй отдавать.

— Хорошо, не отдавай,—тихо сказала мама.—Толь-
ко о раненныхъ надо же подумать?

— Подумаемъ, мама—весело сказалъ Сережа.

Сберегли колечко для себя, сберегли для раненныхъ
на другомъ. Мама съ Сережею сильно сократили всѣ
свои расходы и каждый мѣсяцъ удавалось имъ не мало
отдавать на раненныхъ. Маленькая, домашняя святыня
теплизалась на вымяной рукѣ, радовала Сережу, и утѣ-
шала его за маленькія лишения. Въ уютѣ милыхъ ком-
нать босыя Сережины ноги свѣтились, какъ восковыя
свѣчи, и радовали маму.

А отцу мама и Сережа написали въ тотъ же вечеръ,
что съ колечкомъ передумали и не отдадутъ его ни за что.

ТАНИНЪ РИЧАРДЪ.

ТАНИНЪ РИЧАРДЪ.

Было раннее утро въ началѣ августа. Таня Горная, молоденькая дочь полковника, проснулась радостная и счастливая. Ей было стыдно, что она такъ радостна, — ей отецъ и оба брата ушли на войну, и мама каждый день плакала, а обѣ старшия сестры ходили съ грустными и озабоченными лицами. Но Таня знала почему-то, что отецъ и братья вернутся благополучно и что ее самое ждетъ большое счастье. Знала она это по тому особенному чутью къ будущему, которое жило въ ней съ дѣтства и никогда не обманывало ее. Сестры смѣялись иногда надъ ея предвѣщательными снами, и она избѣгала рассказывать о нихъ.

Сегодня уже подъ утро Танѣ приснился свѣтлый, душистый сонъ. Въ озареніи необычайнаго свѣта предсталъ предъ нею воинъ въ блистающихъ латахъ, съ огненнымъ мечомъ въ рукѣ. У воина этого было лицо ея молодого друга, англичанина Ричарда Тайта. Воинъ приблизился къ ней, и сказалъ:

— Ничего не бойся, Таня.

— Я ничего не боюсь,—отвѣтила ему во снѣ Таня. Она привыкла къ постояннымъ спорамъ съ Ричардомъ, и потому и теперь не могла удержаться отъ того, чтобы не возразить на слова невѣдомаго воина, похожаго на Ричарда. Но сразу же вспомнивъ, что это—воинъ, а не инженеръ Ричардъ, и что онъ только похожъ на Ричарда, и догадавшись, что онъ посланъ возвѣстить ей нѣчто, она застыдилась того, что спорить, и стала на колѣни передъ свѣтлымъ воиномъ. Тогда воинъ, ласково улыбаясь ей, сказалъ:

— Мы побѣдимъ, и я принесу тебѣ великую радость. И на этомъ Таня проснулась и увидѣла въ незапамятномъ окнѣ своей спальни еще совсѣмъ низкое солнце.

Танѣ стало радостно. Она проворно одѣлась, заплела свои косы, и вышла босая въ садъ. Щеки ея горѣли, и ей весело было чувствовать, что она сильная и здоровая. Висело вспомнились вчерашнія нянины слова:

— Какъ ни молись, Танечка, а въ монастырь тебя не возьмутъ. Ты, что больше молишься, то толще дѣлаешься.

Таня весело подумала:

«Богъ меня любить, посылаетъ мнѣ здоровье».

И вдругъ опять ей стало стыдно этой хвастливой мысли. Она закрыла ярко-покраснѣвшее лицо полными загорѣлыми руками, стала на песокъ дорожки голыми колѣнями и молилась.

Уже она хотѣла подняться съ колѣнъ, какъ вдругъ подумала, что мысли ея о только что увидѣнномъ снѣ были грѣшныя. Грѣшными въ нихъ было то, что лицо свѣтлаго воина показалось ей похожимъ на лицо Ричарда. Она опять закрыла лицо руками, и молилась долго.

Когда она встала и пошла по сырмъ еще пескамъ дорожекъ къ садовой рѣшеткѣ, чтобы смотрѣть на ши-

рокую тамъ далеко внизу, рѣку, ей все же было весело и радостно, и лицо Ричарда припоминалось ей. И уже она не упрекала себя за это.

«Что жъ такое!—думала она.—Вѣдь я же его не люблю. А если онъ любить быть со мною, то это можетъ быть потому, что онъ любить спорить и дразнить меня, а я должна это терпѣть. Можетъ быть, потому у дивнаго война было Ричардово лицо, чтобы дать мнѣ понять, что я не должна такъ много съ нимъ спорить и такъ отстаивать правоту моей вѣры. Кротостью и смиренемъ я скорѣе достигну того, что онъ меня пойметъ,—вѣдь онъ очень добрый и милый человѣкъ».

Никого не было въ саду, и по дорогѣ за рѣшеткою никто еще не шелъ. Таня стояла долго и уже легкая дрема упала на ея глаза. И вдругъ за рѣшеткою сада послышались быстрые, увѣренные шаги, скрипнула калитка.—и, похожій на видѣние утренняго сна, въ свѣтлой лѣтней одеждѣ, передъ Танею стала, весело улыбаясь, Ричардъ.

— О, какъ вы рано сегодня встали!—сказала Таня, протягивая ему руку.

— Какъ всегда, милая Таня, раньше васъ,—отвѣчалъ Ричардъ.

— Ну,—начала было Таня спорить но вспомнила свои недавня мысли, стала еще румянѣе и засмѣялась.

— Что вамъ сегодня снилось?—спросилъ Ричардъ.

«Хочетъ надо мной посмѣяться?»—подумала Таня.— Ну и пусть смѣется».

Но, всмотрѣвшись въ его лицо, Таня увидѣла на немъ необыкновенное выраженіе серьезности и значительности. Сердце ея предвѣщательно забилось, и она почувствовала, что голодъ ея звенитъ трепетно, когда она говорила:

— Представьте себѣ, Ричардъ, я видѣла во снѣ вась въ свѣтлой одеждѣ, въ одеждѣ воина.

Ричардъ и не думалъ засмѣяться. Онъ смотрѣлъ на Таню очень удивленными глазами.

— Таня,—сказалъ онъ,—вы видите удивительные сны.—Я вѣдь затѣмъ и пришелъ къ вамъ чтобы разсказать вамъ новость,—я поступилъ добровольцемъ въ русскую армию.

Таня задрожала.

— Вамъ холодно?—участливо спросилъ онъ.

Она молча покачала головою. Сердце ея билось больно и тревожно. Она разсказала Ричарду, что сказала ей свѣтлый воинъ въ снахъ.

— Таня,—спросилъ Ричардъ, вѣжно заглядывая въ ея глаза—а больше ничего онъ вамъ не сказалъ?

— Нѣтъ, ничего,—тихо отвѣчала Таня.

Странно, стыдно и сладко стало. Знала, что онъ сейчасъ скажетъ ей.

— Не сказала, что я вась люблю?—опять спросилъ Ричардъ.

Танѣ стало вдругъ весело. Еще стыдящимися глазами она посмотрѣла на него, какъ смотреть на солнце, со страхомъ и съ радостью, и сказала:

— Ричардъ, мнѣ этого не надо говорить,—я это сама знаю.

Ричардъ покраснѣлъ. Воволнованнымъ голосомъ,—первый разъ такой голосъ слышала Таня у своего обычнаго флегматичнаго друга,—онъ спросилъ:

— А вы, Таня?

Она опустила глаза. Тихо, тихо сказала:

— А развѣ это надобно говорить? }

И сказала громко и смѣло:

— Ричардъ, мое сердце меня еще никогда не обма-

нивало. Я вѣрю въ Бога, и молюсь Ему, и Богъ ко мнѣ милостивъ—я знаю, что ты вернешься ко мнѣ, что тебя не убьютъ.

И вдругъ застыдилась, закрыла лицо локтемъ милой руки, подражая стыдливому движению деревенской дѣвушки.

«Что же это я говорю?»—подумала она.

И только теперь поняла, какъ взволнована и обрадована ея душа тѣмъ, что ея милый спорщикъ Ричардъ захотѣлъ сражаться за Россію, которую она такъ богомольно любитъ. Обрадована ея душа, и словно развязана, и теперь она смѣетъ и хочетъ его любить.

Смѣясь и плача—не отъ горя, отъ высокой радости—она почувствовала на своемъ жаркомъ локтѣ его сильную руку. Сопротивлялась было да недолго,—какъ она ни сильна, а онъ все-таки сильнѣе, отвелъ ея локоть, прямо въ радостные ея глаза смотреть.

Таня засмѣялась, протянула ему руку.

— Желаю тебѣ счастливаго пути и успѣховъ,—сказала она и сильно пожала его руку.

— Таня, а развѣ ты меня не поцѣлуешь?—спросилъ онъ, привлекая ее къ себѣ.

Она обвила его шею руками, заплакала разнѣженно и счастливо и цѣловала долго, долго. Безъ конца цѣловала бы, да послышались на ближнихъ дорожкахъ голоса и шаги сестеръ.

ТРИ ЛАМПАДЫ.

ТРИ ЛАМПАДЫ.

Съ тѣхъ поръ, какъ полковникъ Косоуровъ уѣхалъ на войну, въ квартирѣ Косоуровыхъ теплились каждый день три лампы. Теплились онѣ съ утра, а къ вечеру опять подливалось масло, такъ чтобы всю ночь лампы не гасли.

Первая лампада теплилась въ спальнѣ вдовы генеральши Анны Павловны Косоуровой, передъ темнымъ ликомъ Никола Угодника. У генеральши на войнѣ былъ сынъ; онъ былъ еще молодъ, но дѣлать хорошую карьеру, довольно рано получать полкъ, а теперь на войнѣ перѣдко бывалъ въ опасныхъ сраженяхъ, и скоро долженъ былъ получить генеральскій чинъ и бригаду.

Генеральша вставала рано, долго и старательно выполняла всѣ домашніе обряды, а послѣ завтрака выѣжала, сначала въ лазаретъ, потомъ въ попечительство, потомъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, чтобы не порывать давно налаженныхъ хорошихъ связей и отношеній. Что бы она ни дѣлала, она всегда думала о сынѣ, о томъ, что онъ въ опасности, что его могутъ убить. И потому на

ея красивомъ и умномъ лицѣ еще не старой женщины лежала печать особой значительности, которая заставляла всѣхъ ея знакомыхъ обращаться съ нею еще почтительнѣе, чѣмъ всегда.

Двойное чувство горѣло въ ней: скорбный страхъ за нѣжно любимого сына и великая гордость матери, сынъ которой совершаетъ подвиги. Если бы ей пришлось надѣть трауръ, ея горе было бы неутѣшно, но оно достойно и прекрасно наполнило бы остатокъ ея дней. У нея въ жизни было достаточно очастія и въ мѣру горя. Вся ея жизнь, въ мѣру трудная и въ мѣру радостная, научила ея мудрому, величавому спокойствію.

Въ первый же день, проводивъ на вокзалѣ сына, она призвала горничную Дашу, и дала ей обстоятельныя наставленія, когда и какъ теплить лампаду, какъ слѣдить за тѣмъ, чтобы огонь свѣтился ни слишкомъ ярко, ни слишкомъ слабо, и чтобы онъ никогда не погасалъ.

— Понимаешь, Даша,—негасимая лампада.

Горничная Даша, пожилая степенная дѣвица, сильная, какъ деревенская баба, и вышколенная долготѣною службою въ генеральскомъ домѣ, выслушала и запомнила твердо все, что генеральша ей говорила. Она знала, что генеральшу нельзя не слушаться, и что она не любитъ повторять одно и то же дважды. Даша заботилась о генеральшинѣй лампадѣ добросовѣстно, и каждый разъ, подливая въ нее масло, клала передъ темнымъ ликомъ строгаго Угодника три земные поклона,—каждый разъ съ чувствомъ своего недостойнства вспоминая свое бурное прошлое.

Генеральша молилась передъ своею лампадою съ тихою и смиренною надеждою,—Милостивый Богъ, быть можетъ до конца будетъ милостивъ къ ней, и вернетъ ей сына.

Жена полковника Косоурова. Евгения Алексеевна, теплила вторую лампаду, передь образом Спасителя, серебряная риза котораго блистала надь двумя кроватями, ея и мужа, на стѣнѣ посрединѣ. День Евгения Алексеевна проводила вѣдше такъ же, какъ и ея свекровь, но вся душа ея была возмущена страхомъ и тоскою. По ночамъ она долго не могла заснуть, плакала и молилась. Днемъ она старалась прилѣпиться къ кому-нибудь чаще всего къ старой генеральшѣ, чтобы хоть немного заглушить свою тоску, отогнать свой страхъ. Но стоило ей остаться одной, чтобы слезы неудержимо лились изъ ея глазъ. Только бесѣды съ дочерью Валентиною утѣшали ее, и послѣ нихъ было на время легко и счастливо.

За ея лампадою ходила тоже Даша. Но Евгения Алексеевна не довѣряла ей, постоянно ходила смотрѣть, не убываетъ ли масло, и часто звала Дашу поправлять огонь.

— Даша,—говорила она,—никакъ ты забыла сегодня о моей лампадкѣ? Мамочкину хорошо заправляешь, а мою какъ-нибудь.

— Простите, барыня,—степенно говорила Даша—я вашу лампадку никогда не забывала и она въ полной исправности. А если вы беспокоитесь, то я сейчас прибавлю масла,—мнѣ не въ трудъ.

Шла за масломъ, и сердито ворчала про себя:

— Нагрѣпишь только съ вами!

Валентинина лампада ясно и ровно горѣла передь иконою Божіей Матери Скоропослушницы. Валентина зажигала ее сама, и даже сама на свои деньги покупала для нея масло. Дашѣ не нравилась такая самостоятельность барышни. Даша каждый день поглядывала на Валентинину лампадку съ тайною надеждою увидѣть, что барышня забыла подумать о маслѣ или о фитилѣ. Но

явно и ровно горѣть огонь передъ кроткамъ ликомъ Скоропослушницы, и Даша думала завистливо, что ей такъ не заправить лампадокъ, какъ заправляетъ барышня. Если Даша замѣтитъ, что масла въ бутылкѣ остается уже очень мало, она говорила Валѣ:

— Забыла про масло, молитвенница. Дала бы мнѣ покупать масло, исправнѣе было бы.

Валѣ краснѣла и говорила:

— Спасибо, Даша, что напомнила.

И вынимала изъ кошелечка монеты на масло.

У Валентины въ арміи было двое, отецъ и женихъ, но Валентина не боялась ни за одного, ни за другого.

Валентина была веселая и здоровая дѣвушка. Ей мила была дружба стихій: она любила обжигающее поцѣлуи небеснаго Звѣзды-Солнца, и бурное вѣяніе морского вѣтра и объята ледяной холодной воды, и суровыя ощущенія земныхъ глинъ и песковъ подъ ногами. Она любила свое тѣло въ движеніи, въ работѣ, въ милыхъ ощущеніяхъ дружескихъ стихій, и любила свою мысль вѣчно дѣятельною и что-нибудь придумывающею. И очень любила молиться. Скоропослушница, юная и прекрасная увѣнчанная жемчужною короною, смотрѣла на нее благобно, и Младенецъ на ея рукахъ сидѣлъ прямой и спокойный, Господь бодрѣе и неунывающихъ.

Валентина знала, что все будетъ къ лучшему, надо только предаться волѣ Господней. Въ ней была увѣренность, что и отецъ и женихъ вернуться къ ней—но она не смѣла предаваться этой увѣренности, потому что будущее въ рукахъ Господнихъ, и Богъ не хочетъ, чтобы люди думали о будущемъ и знали. Эту увѣренность въ благополучномъ возвращеніи милыхъ Валентина таяла отъ самой себя въ глубинѣ души, но отъ этой увѣренности ей было всегда спокойно и радостно. И еще она

знала, что надобно имѣть непрерывное молитвенное общеніе съ Богомъ,—надобно, чтобы душа всегда открыта была передъ Господомъ и тогда молитва ея будетъ хранить ея милыхъ, такъ что если Господь и пошлетъ ангела брани по ихъ души, то все же смерть ихъ будетъ легка и непостыдна и легка-легка будетъ ея скорбь. И она плакала, молясь, но въ слезахъ ея была радость.

Она одна изъ трехъ была всегда ясна, терпѣлива, и всегда спокойно поддерживала домашній порядокъ, и заботилась о матери и о бабушкѣ. Ея ясное спокойствіе всегда успокаивало и утѣшало ту и другую, и когда матери или бабушкѣ было очень грустно, онѣ авали къ себѣ Валю, или чаще сами приходили посидѣть съ нею, посмотреть на ясный и ровный, молитвенный огонь лампы передъ благоутробными взорами Скоропослушницы.

Вечеромъ, помолвившись со слезами передъ своими лампадами, мать и бабушка ложились спать. Бабушка засыпала скоро, мать долго плакала, Валя приходила утѣшать ее. Иногда мать и въ самомъ дѣлѣ утѣшалась и засыпала, иногда притворялась, что засыпаетъ, и отсылала Валентину спать. Валентина шла къ себѣ, раздѣвалась и становилась на колѣни передъ Скоропослушницею,—молиться.

Наступалъ лучший, блаженный часъ ея жизни. Не отрывая тихо-мерцающаго взора отъ нѣжнаго лица вѣчно-юной Скоропослушницы, она шептала слова съ дѣтства знакомыхъ и всегда волнующихъ молитвъ. Ея бѣлая сорочка казалась торжественнымъ одѣяніемъ, эмблемою горней чистоты. Ея обнаженные ноги смиренно лежали на свѣтло-синемъ коврикѣ, какъ ноги молящагося на небесахъ свѣтлаго существа. Она поднимала руки къ благоутробному лицу, и всѣмъ тѣломъ тянулась къ нему, и улыбалась и плакала.

Вдруг вспоминала она:

«Мама спитъ ли? Пожалуй, опять плачетъ».

Она вставала съ колѣня и тихо шла къ матери. Почти всегда Валентина заставляла мать плачущею горька Валентина садилась къ ней на постель, и говорила ей утѣшныя слова. И унимались слезы, и утихала скорбь. Говорила мать:

— Валочка, иди, спи. Что ты босикомъ ходишь на холодному полу! еще простудишься.

— Приучена, мамочка,—отвѣчала Валя.

Мать улыбалась.

— Ты у меня сильная и крѣпкая, Валечка,—говорила она.—Безъ тебя мы съ мамочкой совсѣмъ бы отъ слезъ истаяли. Ты и молишься за насъ, ты и утѣшаешь насъ.

— Спи, мама, спи,—говорила Валентина.

Дожидалась Валя что мама заснетъ, крестила ее торопливымъ движеніемъ стройной руки, и шла опять къ себѣ. И опять молилась, и поднимала руки, и вслѣдъ тѣломъ тянулась къ пресвѣтлому лику, предаваясь на волю Господню. Иногда и засыпала тутъ же, свернувшись свѣтлымъ комочкомъ подъ образомъ.

Горничная Даша спала чутко. Комната Валина была рядомъ съ людскою. Всегда около двухъ часовъ ночи Даша просыпалась и шла взглянуть, спитъ ли барышня. Если Валя стояла еще на колѣняхъ, Даша подходила къ ней, молча брала ее за руку, и вела къ постели. Валентина не спорила, знала, что Даша непременно уложитъ ее. Иногда думала:

«Уйдетъ Даша, уснетъ, я еще помолюсь».

Но едва голова ея касалась подушки, какъ Валентина засыпала безмятежно-спокойнымъ сномъ.

Если Валя лежала бѣлымъ комочкомъ подъ образомъ, Даша пыталась поднять ее. Иногда Валя просыпа-

лась и шла спать. Иногда же, усталая за день, Валя продолжала спать. Тогда Даша, сердито ворча, трясла Вало за плечо, а иногда, если это не помогало, то она сильно рабочей рукою шлепала Валентину по крепкому тѣлу. Тогда Валентина, не открывая глазъ, поднималась и шла къ постели.

Ясно и ровно горѣлъ надъ ея постелью огонь лампы, и Скоропослушница благостно улыбалась и ясно-засыпающей дѣвушкѣ, и ея усердной служанкѣ. Даша крестилась на образъ, клала передъ нимъ земной поклонъ, и уходила къ себѣ.

Три лампы тѣшили передъ тремя иконами, и три ангела-хранителя бодрствовали надъ тремя изголовьями, навѣвая на спящихъ утѣшающе сны.

СЕРДЦЕ СЕРДЦУ.

Земля наша. 1

СЕРДЦЕ СЕРДЦУ.

I.

Вѣра Липинская весь день чувствовала какую-то неопределенную тревогу, тягостную тоску, и эти ощущения тоски и тревоги все усиливались и не давали ей ничѣмъ заняться. Весь день она была на людяхъ, какъ и всю эту недѣлю. Такъ случилось, что уже больше недѣли каждый вечеръ она куда-нибудь выѣзжала, и потому этотъ вечеръ она хотѣла провести дома, почитать. Но эти покойство и тоска такъ томилъ ее, что она и сегодня рѣшилась куда-нибудь уйти. Вѣра вспомнила, что старшая сестра ея, Надежда, звала ее сегодня на вечеръ къ Незнаевымъ. Вѣра отказалась ѣхать, но послѣ обѣда перемудала.

Она вошла къ сестрѣ, когда та уже одѣлась на вечеръ и внимательно смотрѣла въ зеркало, соображала прибавить ли губной помады или пудры. Ей приятно было смотрѣться въ зеркало—она была румяная, веселая, и знала, что сегодня за нею будетъ ужасивать адвоката Кадымовъ, будетъ наливать ей за ужинкомъ вино и гово-

рять забавные комплименты. Полные, приоткрытая Надеждина плечи почему-то были досадны Вѣрѣ, и она уже опять хотѣла передумать и остаться. Но сейчас же тоже больно схватила ее за сердце.

— И я поѣду съ тобой,—сказала Вѣра.

Надежда весело улыбнулась. Вдвоемъ пріятнѣе ѣхать, чѣмъ одной, туда. А обратно ей не захотѣлось, чтобы Кадымовъ провожалъ ее. Все-таки не надо, чтобы она слишкомъ много воображала о себѣ.

— И отлично, разлечешься!—сказала Надежда.

Бросила на Вѣру быстрый взглядъ. Сказала:

— Ты сегодня что-то очень блѣдна. Будешь переодѣваться?

— Нѣтъ,—сказала Вѣра.

— Какъ хочешь,—сказала Надежда,—только въ этомъ черномъ ты кажешься очень блѣдной.

— Ну и пусть,—упрямо говорила Вѣра.

— Какъ хочешь,—повторила Надежда.—Что-то ты сегодня неспокойна. Ну, ничего, дастъ Богъ, все обойдется хорошо и твой Сергѣй Николаевичъ вернется благополучно.

— Я ничего не думаю,—тихо сказала Вѣра.—Я только молюсь. А если убьютъ,—надо же кому-нибудь.

Губы ея дрогнули. Она съ трудомъ удерживалась отъ слезъ. Надежда весело говорила:

— Бери примѣръ съ меня—мой Володя тоже на войнѣ, а я носа не вѣшаю.

Вѣра засмѣялась невесело.

— Твой мужъ въ штабѣ, мой женихъ въ строю. Разница!

— Ну, не такая ужъ большая!—беззаботно сказала Надежда.

II.

Вечеромъ было весело и шумно. Много разговаривали, передавали разные неожиданные слухи, спорили, больше о войнѣ, о нашихъ интеллигентскихъ отношеніяхъ къ ней. Потомъ дочь Незнаемыхъ прошла нѣсколько романсовъ. Потомъ молодой человекъ съ длинными и прямыми волосами сыгралъ нѣсколько пьесъ Скрибина. Потомъ опять спорили.

Многие уже ушли, а Вѣра и Надежда оставались до самаго поздняго часа. Спорили спорили. О войнѣ, о культурѣ, о достоинствахъ германцевъ и о недостаткахъ русскяхъ. Одни говорили, что надобно побѣдить вѣчнаго врага, другіе говорили, что еще болѣе необходимо измѣнить то, что въ нашихъ порядкахъ осталось нахорошаго. Какъ всегда, люди искренне и слабые вскрикивали, восторгались и негодовали, а люди искренне и сильные старались разобраться въ томъ, чего намъ не достаегъ. Какъ всегда, холодные эгоисты базались пламенными патриотами, и произносили красивые слова.

Вѣра принимала горячее участие въ спорахъ.

— Четыре мѣсяца прошло,—говорила она,—пора и разобраться во многомъ.

Быль уже пятый часъ утра, почти всѣ гости ушли. Вѣра вдругъ почувствовала страшный приступъ тоски и слабости. Синій цѣпъ обоевъ и мебели прокинулся въ ея глазахъ фиолетовымъ дымомъ, и лица гостей мерпали велееновато-паловыми пятнами.

Точно кто-то сказалъ Вѣрѣ:

«Тебѣ-то что до всего этого, до этихъ споровъ и разговоровъ? Русскіе, германцы,—что тебѣ? Развѣ ты за-была о милomъ своемъ?»

И вдругъ темный глубинный голосъ сказалъ ей, что милый ея раненъ. Вѣра не повѣрила, но страшно поблѣднѣла и стала собираться домой.

Хозяйка, молодая полная дама, наклоня къ Вѣрѣ слишкомъ крупныя на бѣломъ лицѣ синіе глаза откуда полились на Вѣру фіалковые блестящія участливо спрашивала:

— Что съ вами? Вы такъ вдругъ поблѣднѣли.

Вѣра говорила что-то поблѣднѣвшими губами,—а что именно, и сама не помнила. Собрала всю себя, кое-какъ прогнала фиолетовыя думы. Надежда говорила:

— У тебя голова кружится. Поѣдемъ домой.

III.

Вѣринъ женихъ, поручикъ Сергій Николаевичъ Блатовъ, былъ ея женихомъ не потому, что былъ влюбленъ въ нее: онъ почти никогда не говорилъ Вѣрѣ о своей любви, ни въ чемъ ни увѣрялъ ее, и не давалъ ей никакихъ обещаній. И она не казалась безвѣрно влюбленною въ него. Они сошлись только потому, что на землѣ не было для него болѣе близкаго по душевному строю человѣка, чѣмъ Вѣра, и потому, что на землѣ не было для нея болѣе по душевному строю близкаго человѣка, чѣмъ Сергій.

Оставаясь наединѣ, они не горючились наговориться. Они улыбались другъ другу, и смотрѣли другъ на друга, и держали другъ друга за руки, и словно невидимый токъ перебивался отъ нея къ нему и отъ него къ ней.

Они молчали иногда подолгу, но имъ казалось, что они думаютъ объ одномъ и томъ же. Когда кто-нибудь изъ нихъ начиналъ говорить, это всегда было какъ бы отвѣтомъ на мысли другого. Ихъ даже не удивляло, что они могли читать мысли другъ у друга,—такое слыше душъ казалось имъ совершенно естественнымъ.

Случалось что онъ, приходя утромъ въ домъ Липинскихъ, рассказывалъ Вѣрѣ, что съ нею вчера случилось. И Вѣру не удивляло, что онъ говоритъ о ея дѣлахъ, мысляхъ, надеждахъ и мечтаніяхъ, словно читаетъ въ ея душѣ, какъ въ открытой книгѣ. Вѣдь и она такъ же свободно читала въ его душѣ.

IV.

Вѣра ѣхала на извозчикѣ, и краемъ уха слушала оживленную болтовню Надежды, которая перебирала все впечатлѣнія и сенсации вечера. Надежда изъ дѣтства, какъ все мы, была очарована Европою, и была рада тому, что многие изъ говорившихъ заступались за германцевъ.

Кто-то тихій и темный привикъ къ Вѣрѣ, и ей казалось, что она явственно слышитъ тихія слова:

«Тебѣ-то что до всехъ этихъ разговоровъ? Милый твой тяжело раненъ. Онъ умираетъ, а ты болтаешь и не хочешь удержать его на этой милой землѣ».

Вѣра вздрогнула, осмотрѣлась. Никого. Только оживленный Надеждинъ говоръ слышится.

— Да что съ тобой?—спросила Надежда.—Ты дрожишь? Тебѣ холодно? Ты простудилась?

— Нѣтъ,—сказала Вѣра.—спать хочется, только.

Но, какъ всегда, не слушая отвѣта Надежда быстро говорила:

— Какъ только прѣдемъ домой, примешь ванну. Если такъ плохо себя чувствовала, не надо было выѣзжать. Хотя тебѣ конечно, помыло иногда развлечься, — ты ужъ очень впечатлительна. И надо признаться, сегодня были довольно интересные разговоры. Миѣ, напримеръ очень понравилось что говорилъ Погорьельскій.

И опять полилась живая, веселая Надеждина рѣчь. А въ Вѣриноѣ сердце была своя тоска, и въ умѣ ея свой вопросъ:

«Воля наша къ жизни такъ ли сильна, чтобы могла была удержать уходящаго?»

V.

Вѣра спала тревожно. Тяжелые сны мучили ее. Ей снился идущій гдѣ-то на далекой галицкой желѣзной дорогѣ слабоосвѣщенный вагонъ съ ранеными. Кто-то стоялъ, кто-то бредилъ. Какой-то солдатъ, блестя яркими, лихорадочными глазами, худой и желтый, оживленно разсказывалъ стоявшему передъ нимъ чернобородому еврей-санитару о томъ, какъ его ранили.

— Спи, голубчикъ, спи, — уговаривалъ его санитаръ.

Выбѣгать на площадку, хвататься за голову, дышать тяжело и поспѣшно, словно запасаясь воздухомъ, и опять возвращался въ вагонъ.

И вотъ знакомое, милое лицо. Вѣра видитъ Сергѣя. Онъ лежитъ, прикрытый шинелью. Подъ его головою заботливая рука еврей-санитара положила подушку, но подушка измятая и томная. Сергѣевы глаза открыты, но сознание въ нихъ только иногда вспыхиваетъ. И тогда онъ чувствуетъ духоту вагона, истоми лихорадочной ночи, скрежетъ колесъ и толчки на стыкахъ. Потому въ его

озвнани тупо и медленно вползает боль плохо перевязанной раны. Эта боль возрастает, разгорается, становится остро-жгучею. Он стискивает зубы, и невольно самъ того не замѣчая, стонетъ. Измученное, блѣдное лицо санитаря наклоняется надъ нимъ. Чужой голосъ участливо спрашиваетъ его:

— Что съ вами, голубчикъ? Воды не хотите ли выпить?

Сергѣй смотритъ на него мутными глазами, и вдругъ вагонъ, ночь, санитарь,—все это тонетъ въ какомъ-то морѣ мрака и боль забита, и томления душею вагонной ночи отошли. Ему снится далекій, холодный, милый городъ на сѣверѣ, снится Вѣра. Онъ видитъ, какъ она мечется въ тоскѣ на своей постели. Вотъ она встаетъ, подходитъ къ образу, становится на колѣни, молится и плачетъ.

Сергѣю отдално смотрѣть на блѣтую ризу образа, на слабый огонекъ голубой лампады. Изъ серебрянаго облака виденъ благостный ликъ Богоматери—благостный и утѣшающій, такой далекій отъ жизни, и являющійся въ всѣхъ печали. Младенецъ на ея рукахъ и въ глубочайшихъ очахъ его обѣщанія небесныхъ награды. Каждая жизнь отходить,—жить умереть, не все ли равно?

Говорить кто-то тихій и свѣтлый:

— Ты душу свою отдалъ за другихъ, и развѣ есть на землѣ большая любовь?

Но подъ образомъ, на холодномъ полу, мечется и стонетъ блѣдная дѣвушка. И плачетъ и молится:

— Я люблю его, люблю. Приснодѣва Марія спаси его, сохрани его, верни его мнѣ.

И молится, и плачетъ, и вся тянется къ свѣтлому язику. И уже мутный зимній день глядитъ въ окно. Приходить старая няня. беретъ Вѣру за руку, и ведетъ ее на постель, приговаривая ласково:

— Спи, голубушка моя, спи.

Снятся Вѣрѣ далекіе вагоны. Смутный свѣтъ зимняго утра льется въ узкіе вагонныя окна. Сергѣй открываетъ утомленные болью мутные глаза, и смотритъ на нее.

VI.

За завтракомъ Надежда спрашиваетъ:

— Что съ тобою, Вѣра? На тебѣ лица нѣтъ?

Вѣра смотритъ на нее испуганными глазами и говоритъ:

— Ахъ, Надя, я знаю, съ Сергѣемъ что-то случилось.

— Полно, Вѣра, откуда ты это можешь знать? Мы только что получили отъ него письмо,—онъ здоровъ и веселъ.

— Я знаю, что его вчера тяжело ранили.

— Вѣра, если его ранили вчера, то объ этомъ сегодня здѣсь еще нельзя ничего знать. Такъ скоро извѣстія о раненыхъ не приходятъ. Все это твои воображенія. Прими брому, и успокойся.

Надежда даетъ Вѣрѣ бромъ,—много брому,—и Вѣра весь день ходитъ какъ свинцомъ налитая. Равнодушна и тоска. Тоска спокойная, тяжелая, домашняя, словно навѣки угнѣздившаяся въ сердцѣ. Такая тоска, отъ которой лицо блѣднѣетъ и губы улыбаются.

И вотъ опять ночь. Вѣра одна долго не спитъ. То она молится, то вдругъ встаетъ передъ нею сонъ не сонъ, грѣза не грѣза, явь не явь.

Сергѣя привезли на мѣсто. Онъ лежитъ на лазаретной койкѣ. Въ палатѣ бѣлыя стѣны, большія окна, завѣшанные гладкими, бѣлыми шторами. Ровно и не весело

горитъ одна электрическая лампочка, и свѣтъ ея отраженъ фарфоровымъ плиткомъ на потолокъ, и уже отъ по толка разсѣянъ ровно на палату, гдѣ шесть кроватей. Пять заняты, одна пустая.

Вѣра смотритъ, не видитъ, кто эти другие четверо въ одной палатѣ съ Сергѣемъ. Онѣ видятъ только Сергѣя. Онѣ лежатъ прямо и неподвижно. Боль достигла такого напряженія, такъ истомила, что уже перестала чувствоваться отдѣльно отъ остальныхъ впечатлѣній бытія — и все предстоящее стало только великою болью.

Но вотъ качнулись и растаяли стѣны палаты. Тихо, ясно. Опять милый Вѣринъ покой, и ясный ликъ Приснодѣвы Маріи и слабый огонекъ въ голубой лампадѣ.

Вѣра встаетъ молиться. Молится долго. Мутный свѣтъ льется въ окно. Лыбятся Вѣрины слезы.

Вѣра стоитъ на колѣняхъ, и опять видитъ далекую палату и Сергѣя.

Сонъ со сномъ, греза съ грезой сходятся, здѣсь и тамъ.

VII.

Утро. Врачъ обходитъ палату. Останавливается у кровати, гдѣ лежитъ Сергѣй. Тихо говоритъ съ сестрою милосердія. Сергѣй открываетъ глаза.

— Ну-съ, шурчикъ, — бодрымъ голосомъ говоритъ врачъ, — какъ мы себя чувствуемъ?

Сергѣй молчитъ. Не знаетъ, что сказать. Наконецъ, слабо шепчетъ:

— Голова болитъ.

— Ничего, пройдетъ. Все пройдетъ. Черезъ недѣлю опять молодцомъ будете.

Сергѣй знаетъ, что докторъ говоритъ одно, а думаетъ

другое. По унылому, привычно-равнодушному лицу острого милосердия онъ угадываетъ, что врачъ только что спешнулъ ей:

— Врядъ ли выживетъ. Во всякомъ случаѣ до вечера дотянетъ.

Онъ отчетливо повторяетъ:

— До вечера дотяну.

Но врачъ не слышитъ его словъ. Переходитъ къ другому.

VIII.

И вотъ опять вечеръ. И уже поздно. Вѣра опять одна. Думаетъ:

«Мы съ нимъ сердце въ сердце и душа въ душу. Или воля наша—ничто? И не удержу его на этой милой землѣ?»

И услышемъ воли зоветь къ себѣ Сергѣя. И снится Сергѣю, что Вѣра зоветъ его. Ему тяжело и покойно, онъ обжился въ ощущеняхъ своей великой боли, поглотившей въ себя весь его міръ,—и какъ ему выйти изъ этого міра? Какъ встать? Какъ пойти? Лечь бы, лежать успокоенно навсегда.

Но зоветь Вѣра, и великая власть въ ея зовѣ. И въ душѣ его сквозь багровый туманъ боли встаетъ предчувствіе великой радости. Снится ему, что онъ всталъ. Снится ему, что онъ входитъ въ Вѣринъ милый покой. Рана горитъ, но онъ идетъ прямо и твердо, и на груди его, на мундирѣ, новый, только что полученный, крестъ. Онъ гордится этимъ крестомъ, и радъ, что увидитъ Вѣру. И вотъ видитъ Вѣру.

Ликъ Богоматери, ясный огонь голубой лампады, Вѣра на колѣняхъ передъ образомъ.

Долго молилась, ласкаться взыскала спомань,—и ожил
ей: открылась дверь, внакомые шаги слышны: поиде
дитъ Сергѣй. Онъ веселый, а ей страшно.

Сонъ въ сонъ, греза въ грезу,—слезились два сна,
словно оба они стали образами чьего-то сна, и кто-то
иной видитъ ихъ обоихъ въ своемъ благостномъ снѣ.

Вѣра встала идетъ къ нему. На лицѣ ея улыбка: но
сердце у нея тяжело. Радость или печаль? Не знаетъ.
Вѣра, Вѣра, обрадуйся,—вѣдь онъ съ тобою!

Онъ идетъ къ ней, но между ними—преграда. Ей
страшно.

Она идетъ къ нему, но между ними—преграда. И
подъ сердцемъ его горитъ кровавая рана.

Вѣра, Вѣра, обрадуйся,—онъ будетъ съ тобою!

Стоять другъ передъ другомъ, не смѣя вѣрять, не
смѣя хотѣть,—обѣдны дѣти земли, отвѣчны отъ свя-
тыхъ чудесъ. Стоять, велеблясь передъ рекою черною.

Но сжалилась Приснодѣва Марія, и умолила Сына,
и дала Вѣрѣ силу и радость. Вѣра воскреснула:

— Смерть твоя да будетъ моею. Мы вѣселимся, милый,
милый, мой навсегда.

И бросилась къ нему, и обняла его, и воззвала гром-
кимъ голосомъ:

— Не отдамъ тебя съ тобою буду.

Услышали громкій крикъ: приближали Надежда, и
ня. Вѣра лежала на полу, и плакала.

— Что съ тобою, Вѣрочка?

Молчала Вѣра.

IX.

Сергѣй застоналъ, повернулся на бокъ. Ему было
легко и весело. Сестра подошла. Онъ улыбнулся ей, и
сказалъ весело:

— А и сестрица, умирать раздумать. Поживемъ на
вошемъ.

Сестра улыбнулась.

— Ну, и хорошо, голубчикъ.

Утромъ врачъ подошелъ къ Сергѣю, осмотрѣлъ его,
покалъ плечами.

— Ну что жь, все идетъ хорошо. Здоровый у васъ
организмъ, батенька—благодарите родителей. Сказать
по правдѣ, не чайль сегодня съ вами разговаривать, ну,
а теперь все будетъ хорошо.

— И я не чайль,—сказалъ Сергѣй улыбаясь,—да
Вѣра не пустила.

Докторъ поглядѣлъ на сестру.

— Ну, еще победитъ немного,—сказалъ онъ.

И отошелъ къ другимъ.

2000

СНИМИ ТРАУРЪ.

СНИМИ ТРАУРЪ.

I.

Первую вѣсть о кончинѣ молодого литератора, Сергѣя Аполлоновича Лешинского, пошедшаго на войну добровольцемъ рядовымъ и убитаго немцами, получилъ его близкій давній другъ, Борисъ Михайловичъ Тимаевъ. Они были дружны съ дѣтства, вмѣстѣ учились въ гимназій, вмѣстѣ отбыли годы университетской науки, оба на юридическомъ факультетѣ. Потомъ Лешинскій и Тимаевъ вмѣстѣ зачислились помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, но оба занялись не столько юридическою практикою, сколько журнальною и газетною работою. Для довершенія близости они даже и женаты были на родныхъ сестрахъ.

Лешинскій былъ человекъ большой душевной чистоты, и, какъ всякій хороший русский интеллигентный человекъ, чувствовалъ себя ответственнымъ свыше мѣры своихъ силъ за несовершенство русской общественной жизни. Это бросало тѣнь грусти на его одушевленное

верное лицо съ пламенно-горящими глазами, и заставляло его строить личную жизнь строго аскетически. Онъ избрѣлъ сию систему возрожденія Россіи, и страстно проповѣдывалъ ее. Къ женщинамъ онъ относился цѣломудренно-нѣжно. Женился онъ очень рано, еще когда былъ въ университетѣ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, на старшей изъ двухъ дочерей покойнаго профессора Дѣяновскаго, Евгени Валентиновнѣ. Эта дѣвушка плѣнила его своею тихостью и улыбочивою мечтательностью. Черезъ годъ послѣ свадьбы у нихъ родился сынъ Леонидъ. Другихъ дѣтей не было.

Тимаевъ былъ самый обыкновенный молодой литераторъ питерскій, съ издерганными нервами и съ зеленымъ лицомъ. Его жена, Валентина, младшая дочь Дѣяновскаго, занималась живописью, была тонка, блѣдна и раздражительна.

Въ редакціи газеты, гдѣ работалъ Тимаевъ онъ узналъ о смерти Лепинскаго. Онъ помчался домой, яростно погоняя извозчика.

— Дорога плохая,—оправдывался бородачъ и, по питерскому обыкновенію, очень грязный извозчикъ, подергивая свою дымящуюся лошаденку мышинаго цвѣта съ раздутымъ животомъ, что дѣлало ее похожею на безрогоу корову.

Сани то скользили по неглубокому сфрватому снѣгу, то визжали на обледенѣлыхъ камняхъ крупно-булыжной мостовой. Извозчикъ вытаскивалъ кнутъ, и замахивался надъ лошадию. Тимаевъ кричалъ:

— Извозчикъ, не бейте лошади! Вы ее вожжами правьте. Вы вожжи опустили, кнутомъ хотите. Нельзя бить лошадей!

— Безъ кнута она не побѣжитъ,—уныло отвѣчалъ извозчикъ.—Она—хитрая.

Кое-как добрались до дому. Тимаевъ влетѣлъ на лифтѣ въ седьмой этажъ громаднаго дома, гдѣ была его квартира.

Валентина сидѣла передъ натянутымъ полотномъ, освѣщеннымъ сверху яркимъ свѣтомъ стовѣчевой электрической лампочки, и судорожно бросала на холстъ мазки самыхъ неожиданныхъ колеровъ. Первые слова, которыя услышалъ Тимаевъ, были гнѣвнымъ окрикомъ:

— Не можешь стоять не надо было братья! Самъ напросился, потерпи немножко.

Тонкій голосокъ робко пищалъ:

— Да я тетечка, ничего. Я только немножко ворохнулся, а то по ногамъ мурашки побѣжали.

Тимаевъ досадливо подумалъ:

«Совершенно неожиданное осложнение. Нельзя же при мальчикѣ вдругъ бухнуть о смерти его отца».

А ждать было нельзя. Тимаевъ потому и торопился домой, что хотѣлъ, чтобы Валентина осторожно подготовила сестру Евгенію къ ужасной вѣсти.

Тимаевъ вошелъ въ комнату. Маленьки Леонидъ радостно улыбнулся ему навстрѣчу, но не двигался. Мускулы его худенькаго тѣла слегка вздрагивали отъ усталости, но это тѣло казалось радостнымъ и еще хранящимъ слѣды глубокаго лѣтняго загара.

Тимаевъ молча пожалъ руку Валентины, и глянуть на холстъ.

«Хорошо!»—подумалъ онъ.

Изъ безформеннаго хаоса мазковъ уже возникалъ образъ яркій, сильный, стремительный, радостный,—буйный и сильный отрокъ съ пламенно-горящими, какъ у покойнаго Сергѣя, глазами.

— Непохоже, но хорошо!—сказалъ онъ тихо.

— Ты не можешь без критики! — двинувъ плечами
сказала Валентина.

Тимаевъ отошелъ къ диванчику. Чтобы сѣсть за спи-
ною мальчика онъ подвинулъ къ одному краю торопли-
во брошенную на диванчикъ одежду Леонида. Сѣлъ и,
видя что мальчику онъ не виденъ, одѣлалъ вырази-
тельный жестъ жёнѣ отъ мальчика къ дверямъ. Валентина
поняла, но рассердилась.

— Еще бы только полчаса.

— Ленъка усталъ, — сказали Тимаевъ.

Леонидъ, не оборачиваясь къ нему, сказалъ все тѣмъ
же нѣжнымъ и хрупкимъ голоскомъ:

— Дядечка, я еще могу постоять полчаса.

Тимаевъ нахмурился, и настойчиво повторилъ свой
жестъ. По отчаянному выраженю его лица Валенти-
на поняла, что случилось что-то важное. Она шумно ото-
двинула стулъ, бросила на табуретъ кисти и палитру,
и досадливо крикнула:

— Ленъка, одѣвайся!

Леонидъ подбѣжалъ къ полотну поглядѣть.

— Не смѣй смотрѣть, — крикнула Валентина. — Со-
всѣмъ еще ничего не одѣлано.

Леонидъ засмѣялся, обхватилъ тонкими руками ея
шею, крикнулъ:

— Спасибо, тетечка!

Поцѣловалъ ее, и побѣжалъ одѣваться.

Когда Леонидъ ушелъ Валентина тревожно спро-
сила:

— Ну, что, Борисъ?

— Сергѣй убить, — сказали Тимаевъ.

Валентина поблѣднѣла, вадрожала, заплакала.

— Боже мой! Боже мой! Евгения не вынесетъ этого.

— У нея сынъ—угрюмо сказалъ Тимаевъ.

Схватился за голову, и бросился къ себѣ въ кабинетъ, чувствуя на щекахъ своихъ слезы, стыдясь ихъ и странно имъ радуясь. Онъ упалъ на свой диванъ лицомъ къ спинкѣ, и только теперь ясно понялъ и почувствовалъ, какое въ этой вѣсти для него горе. И для него, и для родныхъ, и для друзей, которые всѣ такъ любили свѣтлую душу покойнаго Сергѣя Лешинскаго.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошла Валентина, уже одѣтая въ шубѣ и шляпѣ.

— И пойду къ Женѣ,—сказала она.

Тимаевъ, поспѣшно вытеревъ платкомъ слезы, быстро всталъ съ дивана.

— Да, да, пожди. Только ты не сразу.

— Ахъ, конечно, не сразу!—отвѣчала Валентина.— Я подготовлю постепенно.

Какъ это часто бываетъ, когда душа потрясена высокимъ чувствомъ, проказливая память подсказала Тимаеву глушій анекдотъ, и онъ сказалъ:

— Карапетъ немножко простудился, вазера похороны.

Валентина сердито посмотрѣла на него, хотѣла сказать что-то рѣзкое, но увидѣла его расстроенное лицо и покрасѣвшіе глаза, опять зашлась, поцѣловала мужа, и вышла.

II.

Лешинские жили недалеко, минутъ пять ходьбы. Такой же громадный домъ съ такими же архитектурными вычтурами, такой же узкій лифтъ, двумя едва повернуться, такая же свѣтлая и уютная квартирка на седьмомъ, полумансардномъ этажѣ.

Евгения встрѣтила Валентину въ передней. Улыбаясь вѣжливо, поцѣловала ее. Сказала:

— Ленька счастливый пришелъ, говорить, — портретъ очень красивый будетъ, гораздо лучше меня самого.

Потомъ, взглянувшись, обезпокоилась.

— Ты плакала о чемъ-то?

Валентина принужденно улыбнулась.

— О чемъ мнѣ плакать? Очень рѣзкій свѣтъ быть у меня въ мастерской и я немножко долго работала, глаза покраснѣли, да и Ленька усталъ.

Леонидъ выбѣжалъ, опять поцѣловалъ Валентину.

— Нѣтъ, тетечка, ничего я только немножко усталъ.

Вошли въ комнату. Было свѣтло, тепло и грустно.

— Выпьешь съ нами чаю?—спросила Евгения.

— Да, пожалуйста.

«Надо удалить Леонида»,—подумала Валентина.

— Сама чаю,—сказала Евгения вопедшей на звонокъ горничной.

Валентина тихо сказала сестрѣ:

— У меня капризы, точно я въ положеніи.

И погромче, чтобы слышалъ вертѣвшійся тутъ же все еще радостный, Леонидъ:

— Вдругъ захогѣлось калача. И непременно отъ Филиппова.

— Я сбѣгаю,—вызвался Леонидъ.

— Вотъ я и хотѣла просить, Женя, чтобы ты Леньку послала. Если Саню послать, она возьметъ гдѣ попало, а Ленька ужъ вѣрно добѣжитъ до Филиппова. Да Ленечка, ничего что далеко?

— Ничуть не далеко, тетечка, — весело отвѣчала Леонидъ—живымъ духомъ слетаю.

Евгения внимательно смотрѣла на Валентину. Она

слегка поблѣднѣла, и пальцы ея дрожали, когда она доставала изъ кошелька серебряную монетку для Леониды.

— Одѣнься потеплѣе, Ленька, — говорила она сыну, — да не бѣги очень скоро, еще упадешь, поскользнешься. Сапа только что самоваръ поставила, успѣешь вернуться и не торопясь. На сдачу можешь купить себѣ шоколадку.

Сама затворила за Леонидомъ дверь на лѣстницу, и вернулась къ сестрѣ.

«Леонидъ еще не такъ скоро вернется, — думала Валентина боязливо, — успѣю понемногу, какъ-нибудь, въ разговорѣ».

Евгения сѣла противъ сестры, и смотрѣла на нее молча и тревожно. Валентина заговорила о вѣстяхъ изъ арміи.

— Отъ Сергѣя давно писемъ нѣтъ, — тихо сказала Евгения.

Ея блѣдное, вдругъ словно похудѣвшее лицо передернулось жалкою гримасою страданія и воя. Она заплакала.

— Я знаю, зачѣмъ ты пришла, — тихо сказала она, — Сергѣя убили, я это чувствую. Потому ты и Леньку отослала.

Валентина хотѣла что-то сказать — и не смѣла. Слезы мѣшали ей говорить.

III.

На другой день въ обычный часъ Леонидъ пришелъ къ Валентинѣ. Уже онъ былъ въ траурной курточкѣ, и лицо его было блѣдное, огорченное и заплаканное. Онъ молча раздѣлся и сталъ на то же мѣсто, какъ и вчера.

Валентина нервничательно взялась за кисть. Леонидъ сказалъ:

— Послѣзавтра мамини именины. Тетечка, подари этотъ портретъ мамѣ въ ея именины. Онъ такой свѣтлый! Мама обрадуется, тогда я ей скажу: «Мама, снимии трауръ, не плачь, — отецъ умеръ, но я съ тобою, его сыночекъ и я буду сильный, смѣлый, и буду тебя радовать».

Ему хотѣлось плакать, но онъ стойко удерживалъ слезы. Онъ зналъ что подъ кистью Валентины возникаетъ яркий, радостный, сильный образъ могучаго отрока, такого, какимъ Леонидъ хочетъ быть, какимъ онъ будетъ.

Валентина быстро работала. Цѣлый вечеръ продержала Леонида, давая ему по нѣсколькимъ минутъ отдыха.

Евгения пришла за сыномъ въ траурномъ платьѣ, блѣдная, еще болѣе похудѣвшая. Засыпавъ ея голосъ въ прихожей, Леонидъ быстро побѣжалъ къ Валентинѣ, и зашепталъ:

— Тетечка, не пускай сюда маму. Я хочу, чтобы она сразу увидѣла портретъ и обрадовалась.

Валентина кивнула головою, Леонидъ быстро отбѣжалъ на свое мѣсто. Открывавъ дверь, вошла Евгения. Валентина постыдно отодвинула подставку.

— Не смотри, Женя, — крикнула она, — портретъ еще не конченъ. Я и Ленякъ его пока не показываю.

— Хорошо, — отвѣчала Евгения, — я посижу съ Борисомъ.

IV.

На другой день къ вечеру портретъ былъ готовъ. Леонидъ стоялъ передъ нимъ, смотрѣлъ долго, счастливо улыбался и плакалъ. Огненные глаза, похожие на отпрыскъ, глядѣли на него съ портрета.

— Ну, дуракий, о чем же ты плачешь? — лаская его, спрашивала Валентина.

— Тетечка, — говорил Леонид, — я на портрет такой яркий и радостный, точно не я, и в то же время я. Ничего не боюсь, и все могу, что захочу.

— Да, — сказала Валентина — все сможешь, что захочешь. Вырастай умюющим хотеть и дѣлать. А завтра пораньше утром приходи за портретом, — покажешь его мамѣ самъ.

V.

Въ день маминыхъ именинъ Леонидъ утромъ сбѣгалъ къ тетѣ Валентинѣ. Принесъ портретъ, — большой, тяжелый, едва дотащилъ. Непременно захотѣлъ мамѣ нести.

— Что дѣлаетъ мама? — спрашивалъ у Ваши.

Сама хмуро отвѣчала:

— Известно что, — смотритъ на портретъ да плачетъ.

Леонидъ вошелъ къ матери.

— Мамочка, тетя Валя прислала тебѣ подарокъ.

— Ну, покажи, разверни, — слабо улыбнувшись, сказала Евгения.

Леонидъ торопливо сорвалъ бумагу, и поставилъ портретъ на стулъ.

— Смотри, мама.

И самъ пытливо смотрѣлъ на мамино лицо. Лицо Евгения слегка зарумянилось. Она глядѣла на изображеніе отрока, ярко-пламеннѣющее передъ нею.

— Хорошо! Очень хорошо!

— Мама, это еще не я, — говорилъ Леонидъ, — но я такимъ буду.

— Это—мечта моя о тебѣ,—сказала Евгения,—о моемъ сынѣ, о сынѣ моего Сергѣя.

И опять заплакала. Леонидъ говорилъ настойчиво:

— Я такимъ буду. А ты, мама, радуйся, — отецъ умеръ доблестно, и я буду его помнить и буду достойнъ его свѣтлой памяти. Мама, мама, когда люди умираютъ такъ доблестно, не надо носить по нимъ трауръ. И когда они оставляютъ послѣ себя сыновей сильныхъ и смѣлыхъ, не надо носить по нимъ трауръ. Мама, сними трауръ, не печалься.—отецъ будетъ радъ, что его смерть не сломила тебя.

Евгенія плача обняла Леонида.

— Слабенькій ты у меня,—сказала она тихо.

Леонидъ быстрымъ движеніемъ вырвался изъ ея рукъ.

— Мама!—крикнулъ онъ—и я не хочу носить траура. Я хочу быть сильнымъ, радостнымъ и смѣлымъ.

И онъ проворно сбросилъ съ себя всю одежду, и стоялъ обнаженный рядомъ со своимъ изображеніемъ, блѣдная тѣнь созданнаго чарами искусства яркаго образа. Но глаза его пламенѣли такъ же, какъ огненные глаза изображеннаго отрока. Онъ дрожалъ весь, и настойчиво повторялъ:

— Мама, надѣнь то платье, которое ты шила къ именинамъ, а это ужасное платье сними сожги! Сними трауръ, мама, и радуйся!

Евгенія покачала головою.

— Какъ я могу радоваться, когда милый мой убитъ! Леонидъ заплакалъ и закричалъ:

— Я пойду на лѣстницу, на дворъ, и буду тамъ стоять на морозѣ голый, пока ты не скажешь мнѣ, что сегодня же снимаешь трауръ и надѣнешь праздничное платье.

И онъ стремительно выбѣжалъ изъ комнаты, толкнулъ въ дверяхъ входящую зачѣмъ-то Сашу, и побѣжалъ въ переднюю.

— Ленечка, Ленечка куда вы? — закричала испуганная Саша.

Но уже Леонидъ высочилъ на лѣстницу, и побѣжалъ внизъ. Успѣлъ добѣжать до пятаго этажа, когда сверху послышался голосъ Евгени:

— Леся, вернись, я сниму трауръ, и не надѣну его пока ты со мною.

Леонидъ побѣжалъ вверхъ, навстрѣчу бѣгущей къ нему по лѣстницѣ Евгени. Она обняла его, смѣясь и плача, и повела его домой, повторяя:

— Радость моя, сыночекъ свѣтлый, мы не будемъ носить трауръ. Свѣтлой душѣ отца твоего не нужны наши слезы, наши вздыханья. А я помогу тебѣ стать такимъ свѣтоварнымъ, какимъ написала тебя тетя Валя.

ВИЗИТЪ.

В И З И Т Ъ.

— Принимають?—спросилъ, увѣренный услышать да, Латавскій у открывшей дверь на его звонокъ румяно-спокойной горничной, встопки Эльзы.

И вошелъ въ переднюю, гдѣ послѣ его звонка ружью быстро-прибѣжавшей Эльзы было повернуто бронзовый выключатель и возмужала электрическая лампочка въ голубоватого стекла тю.панѣ.

— Генеральша дома—отвѣчала Эльза, ставившая съ молодого человѣка мѣховое пальто.—Примуть. Только онъ въ слезахъ. И въ сборахъ.

Латавскій прилаживалъ передъ зеркаломъ жидковатые волосы на начинающей лысѣ головѣ. Кстати любовался своимъ холоднымъ, холемымъ лицомъ, на которомъ носъ былъ тонокъ и прямъ, губы алы, брови черны, глаза холодны и остры. Это лицо казалось ему красивымъ. Дамы холоднаго города въ этомъ были съ нимъ согласны.

Онъ улыбнулся на слова Эльзы, и спросилъ негромко:

— О чемъ слезы? И куда сборы?

— Насчетъ генерала огорчаются, — отвѣчала Эльза. — Собираются вечеромъ нынче ѣхать въ армию.

— Въ чемъ дѣло? — тревожно спросилъ Латанскій. У него были расчеты провести этотъ вечеръ вмѣстѣ съ молодою генеральшею, Евгешей Петровною. Потому онъ и зашелъ днемъ въ этотъ праздничный день, хотъ былъ здѣсь только вчера, въ первый день Рождества.

— Генераль раненъ, — сказала Эльза. — Сегодня пришло письмо.

Открыла дверь въ гостиную. Латанскій взглянулъ на нее, хотѣлъ потрогать ее за подбородокъ, чтобы полюбоваться тѣмъ, какъ вспыхнетъ непорочная Эльза, но раздумалъ, увидѣвъ въ Эльзинныхъ глазахъ слезинки. Спросилъ:

— Кого же тебѣ жалко, генерала или генеральшу?

— Все утро барыня плачетъ, глядѣть жалко, — сказала Эльза, и пошла докладывать.

Латанскій пожалъ плечами.

«Чудить Евгения Петровна — думалъ онъ досадливо. — Мужа не любятъ, въ меня влюблена, о чемъ плакать, не понимаю».

Нетерпѣливо ходилъ по гостиной, гдѣ стѣны, ковры и мебель были въ сѣроваго-жемчужныхъ и блекло-розовыхъ тонахъ, и невнимательно поглядывалъ на картины и портреты. Досадливо думалъ, что придется долго ждать, пока Евгения будетъ уничтожать слѣды пролитыхъ ею слезъ. Но ждать пришлось не долго. Въ соседней комнатѣ послышались легкие, быстрые шаги. Латанскій едва успѣлъ согнать съ лица гримасу скуки и нетерпѣнія и сдѣлать изъ своихъ прямо-разрѣзанныхъ губъ улыбающееся подобие готоваго натянуться тугого лука, алтѣющаго на этой тетивѣ.

Молодая, красивая и заплаканная вышла Евгения. Протянула Латавскому руку, и заговорила:

— Можно ли было этого ожидать? Раненый! И тяжело! Начальник дивизии,—и раненый как прапорщик! Какая отчаянная храбрость!

— Милая Женечка, — говорил Латавский, цѣлуя ей руки, — успокойтесь, не плачьте. Вашъ мужъ — доблестный воинъ, онъ не жалѣетъ своей жизни, но вѣдь ваши слезы ему не помогутъ, и не упадутъ на его раны цѣлебнымъ бальзамомъ.

— Я все утро плачу, — сказала она жалующимся голосомъ.

И опять заплакала. Латавский говорилъ ласково, но уже слегка нетерпѣливо:

— Женя милая, но вѣдь я съ вами. Я васъ люблю, я васъ не оставляю.

Евгения глянула на него, на секунду отнявъ отъ глазъ платокъ. Ея заплаканные глаза блеснули остро и зло. Латавскому стало досадно, что она плачетъ при немъ, не заботясь о томъ, что отъ слезъ краснѣютъ щеки и некрасивымъ дѣлается лицо.

Евгения сказала:

— Да, вижу, вы не на воинѣ. Васъ еще не призвали.

Латавскому стало весело, какъ всегда при мысли, что ему-то не придется лежать въ холодныхъ окопахъ, что жизни его не угрожаетъ никакая опасность.

— И не призовутъ, — весело сказалъ онъ. — Къ счастью, я занимаю такое мѣсто, которое меня освобождаетъ.

Приятная теплота разлилась по всему его облеченному въ элегантный костюмъ, тѣлу. Такъ приятно знать, что ничто не нарушитъ милыхъ привычекъ удобной жизни.

Евгения, шурша белым шелком платья, подошла к окну. Смотрела рассеянно на людную улицу. Скавала тихо:

— Какой он отвальный! Я сегодня к нему йду. Онъ въ госпиталѣ въ ... Завтра я его увижу. Какъ я, взгляну ему въ глаза!

— Женья, что вы говорите?—съ удивленіемъ воскликнулъ Латавскій.

— Въ его сѣрыхъ глазахъ мелькнуло что-то, похожее на испугъ.

Евгения посмотрѣла на него внимательно, и заговорила тихо, и голосъ ея слегка дрожалъ, точно отъ страха:

— Послушайте, Николай Сергѣевичъ, а что, если онъ знаетъ? Если онъ знаетъ, что я дѣлала? Если онъ нарочно? Если онъ искалъ смерти?

Латавскій улыбнулся. На его холодномъ лицѣ появилось выраженіе самодовольства, противное теперь для Евгении. Его лицо точно лакомъ покрылось. Онъ говорилъ:

— Что вы придумали, Женечка? Спокойный, разсудительный генераль и вдругъ... Нѣтъ, онъ слишкомъ преданъ своей службѣ, чтобы придавать такое значеніе дѣламъ любви. Слишкомъ служака, чтобы рисковать собою безъ надобности. Если онъ раненъ, значитъ, это такъ случилось, безъ всякой вашей вины. Несчастная случайность, которая на войнѣ можетъ постигнуть всякаго военнаго.

Евгения смотрѣла на Латавскаго холодными, чужими глазами. Внимательно разглядывала такія знакомыя черты холоднаго, красиваго лица. Вдругъ сама себя удивилась. Гдѣ же очарованіе этого лица? Этого чело-

вѣка она любить? Для него она уже готова была изменить своему отважному, доблестному мужу? Неужели это такъ?

Она тихо говорила:

— Мой доблестный мужъ! Онъ—герой!

И слова ея словно заражали ея душу очарованіемъ доблестью мужа и влюбленностью въ него.

Латанскій сказалъ холодно и насмѣшливо:

— Женечка, не влюбитесь въ него опять.

— Онъ достоинъ, чтобы его любила женщина лучше меня,—тихо и задумчиво говорила Евгения,—чине меня благороднѣе. Да я сегодня же побѣду къ нему.

Латанскій пожалъ плечами. Но, вспомнивъ свои сегодняшнія надежды, сдѣлалъ себя вѣжливѣе, насколько могъ и сказалъ:

— Я понимаю ваше побужденіе вѣхать къ нему,—это трогательно и очень прилично. Поѣжайте, но помните, что вы оставляете здѣсь человѣка, который преданно и неизмѣнно любитъ васъ. И, по-тому, лучше вамъ вѣхать завтра. Сегодняшній вечеръ подарите мнѣ. Объ этомъ просить васъ я и прѣбжалъ.

Евгения молчала. Стояла передъ Латанскимъ, опустивъ глаза. Уже не плакала. Ея тонкія пальчики мали маленькій кружевной платокъ. Потому она вздохнула и сказала:

— Что же мы стоимъ! Сядемте.

Сѣла на диванъ. Заговорила о постороннемъ. Латанскій ходилъ по комнатѣ. Смутныя желанія томилъ его.

«Нѣтъ,—думалъ онъ,—сегодня я не пущу ее уѣхать. Необходимо ее удержать. Иначе весь мой день будетъ испорченъ».

— Женечка,—сказалъ онъ,—сегодня вы очень милы. Слезы идутъ къ вамъ такъ же, какъ и смѣхъ. Я да-

же и не подозревалъ, какъ вы можете быть очаровательны, когда плачете.

Онъ говорилъ не то, что думалъ, но ему хотѣлось лестно вызвать улыбку на милыхъ Женныхъ губахъ.

Евгенія слабо улыбнулась. И сейчасъ же погасла улыбка.

— Не говорите мнѣ этого! — тихо сказала она.

Латанскій сѣлъ рядомъ съ нею. Она боязливо глянула на него. Глаза его, холодные глаза благополучнаго чиновника, зажглись. Онъ быстро обнялъ Евгенію, и поцѣловалъ ее въ щеку.

Евгенія вдрогнула, порывисто вскочила, закричала:

— Я ненавижу васъ! Если онъ умретъ, я васъ убью. И выбѣжала изъ комнаты.

Такъ быстро все это произошло, что Латанскій не успѣлъ даже встать. Онъ сидѣлъ на диванѣ, и растерянно глядѣлъ на дверь, за которою открылась Евгенія. Ни одна фраза не складывалась въ его мозгу, словно вдругъ обескровленномъ.

Вошла Эльза. Глянула на Латанскаго сердитыми глазами преданной господамъ служанки, потупилась и сказала:

— Барыня извиняется, у нихъ очень голова разболѣлась. Легли отдохнуть.

Латанскій нахмурился и выпшелъ. Онъ чувствовалъ, что эта недавняя связь порвалась навсегда. Поэтому онъ старался внушить самому себѣ, что Евгенія уже начала надѣяться ему.

Плохое утѣшеніе! «Плохой конецъ благихъ минутъ!»

А Евгенія, у себя завершись, плакала и поцѣловала послѣдній портретъ своего мужа. И плакала и раскаивалась, и давала себѣ клятвы никогда, никогда не измѣнять мужу. И потомъ молилась долго, чтобы мужъ остался живъ.

НЕЗАМЕРЗАЮЩИЙ МАЛЬЧИКЪ.

НЕЗАМЕРЗАЮЩИЙ МАЛЬЧИКЪ.

Какия бы трагическия и значительныя событія въ странѣ ни совершались, жизнь тѣхъ, кто въ этихъ событіяхъ непосредственно не участвуетъ, должна идти своимъ порядкомъ. Духомъ лютымъ да не зарвемся это — пусть лепки, и развѣтъ, и жонгли вагаса широко. Своимъ чередомъ пусть празднуются радостныя дни, пусть зажигается въ каждомъ домѣ традиціонная елка, обрушывая не за нашу память. Газеты и журналы пусть печатаютъ святочные рассказы. Какъ бы ни смѣялись юмористы надъ шаблонностью темъ этихъ рассказовъ, пусть будетъ въ нихъ даже обычный рождественскій мальчикъ, которому очень холодно. Правда, нравы наши смѣлились — замораживать до смерти нищихъ простыхъ мальчиковъ не слѣдуетъ — но можно взять здороваго мальчика изъ зажиточной и образованной семьи, и подвергнуть его легкому дѣйствію холода, по его доброй волѣ. Это будетъ эстетическое преобразование стараго образа, — жалкіе лохмотья

лицаго да преобразятся въ красивое одѣяніе пригодное для закаливанія юнаго организма. Намъ же въ Россіи такъ надобно, чтобы новое поколѣніе возрастало бодрѣе и здоровѣе. Извѣстно, что «полезенъ русскому здоровью нашъ укрѣпляющій морозъ».

Каждый годъ тридцать перваго декабря у Мажаровыхъ устраивалась елка, соединяемая со встрѣчей Нового Года. Грѣшъ Мажарову исполнилось тринадцать лѣтъ въ мартѣ, другихъ дѣтей у Мажаровыхъ не было, и Грѣша, конечно, могъ бы и безъ елки обойтись. Но эта традиционная елка радовала и взрослыхъ, отца и мать, а потому и Грѣша, мальчишкѣ въ мѣру серьезный и въ мѣру веселый, ждалъ ее съ такимъ же приятнымъ чувствомъ, съ какимъ ждалъ онъ всегда и другихъ семейныхъ праздниковъ. Притомъ же елка была только предлогомъ для того, чтобы весело провести день и ночь.

Днемъ, съ трехъ часовъ, приходили мальчишки и дѣвочки короткознакомыхъ семей. Въ четыре часа дѣти обѣдали, потомъ веселились около елки. Въ семь часовъ обѣдали взрослые. Въ девятомъ часу обѣдъ кончался. Пили кофе съ ликерами въ гостиной, а въ кабинетѣ Мажарова курили. Въ одиннадцать часовъ начинали съѣзжаться приглашенные встрѣчать Новый Годъ. Елка опять зажигалась. Въ половинѣ двѣнадцатаго сѣделись ужинать. Грѣшъ въ послѣдніе годы позволялось сидѣть съ большими до половины перваго. Большие же начинали по-настоящему веселиться только во второмъ часу ночи, — танцевали, кто-нибудь игралъ на рояли, кто-нибудь пѣлъ.

Въ остальные дни святокъ бывали на елкѣ у знакомыхъ.

Но въ этомъ году передъ праздниками о елкѣ старались не вспоминать. Вообще въ этомъ году все было не такъ, какъ всегда: Присяжный повѣренный Алексѣй Дмитриевичъ Мажаровъ поѣхалъ воевать, надѣвъ мундиръ защитнаго цвѣта и погоню съ одною полосою и одною звѣздочкою. Принимая послѣдній разъ клиентовъ, онъ говорилъ весело:

— Я уже не адвокатъ, я—прапорщикъ.

Его жена Елена Юрьевна шила кисеты, три раза въ недѣлю ходила въ лазаретъ, устроенный адвокатами, и заботилась о сборахъ и береженьяхъ. Гриша въ свободное отъ своихъ уроковъ время читалъ о войнѣ, помогалъ матери въ ея заботахъ о вещахъ, посматривалъ на позиціи. Было Гришѣ скучно, что нѣтъ отца, что пусть его большой и уютный кабинетъ. Алексѣй Дмитриевичъ Мажаровъ былъ человекъ рѣшительный и веселый. При немъ Гришѣ нельзя было распускаться и шалопайничать, жизнь текла въ строго-отличившихся берегахъ и выходила изъ границы дозволеннаго порядка было опасно. Зато бывало иногда очень весело, въ часы досуга и отдыха: отецъ былъ неистощимъ въ придумываніи самыхъ разнообразныхъ занятій и развлеченій, и всѣ его выдумки всегда бывали остроумны и полезны.

Привычка къ домашней дисциплинѣ была сильна въ Гришѣ, и безъ отца онъ велъ себя очень хорошо. Но, такъ какъ мать была мягче отца, то иногда налаженный домашній порядокъ все-таки расхлябывался, и отъ этого Гришѣ дѣлалось скучно и кисло,—возможность своевольничать его не радовала. Онъ выросъ въ привычкахъ спартанскихъ и всякая разслабленность тревожила его.

Иногда Гриша даже ворчалъ на мать:

— Надо решительно говорить, можно или нельзя. Я не могу всего знать. Я—не отец семейства, чтобы за все отвечать.

Если Елена Юрьевна за что-нибудь упрекала Гришу, онъ, случалось, говорилъ ей:

— Мама, въ тебѣ нѣтъ никакой послѣдовательности: сегодня такъ, завтра иначе. А вотъ у отца всегда одно и то же, что вчера, то и сегодня.

Елена Юрьевна то хмурилась, то улыбалась и говорила:

— Ты, Гришка, кажется, чувствуешь недостатокъ родительской строгости? Такъ вотъ погоди, отецъ вернется, за все сразу высѣчетъ. Будешь доволенъ!

Гриша досадливо краснѣлъ.

— Мама,—говорилъ онъ,—отецъ вернется, такъ его что жъ огорчать? Я веду себя въ общемъ не плохо, и тебя слушаюсь. Тебѣ на меня жаловаться не придется.

— Ты много рассуждаешь,—отвѣчала мать—и мнѣ съ тобой некогда.

Да Гриша и самъ зналъ, что мама очень занята.

Уже въ началѣ декабря Гриша услышалъ разговоръ о елкѣ,—очень неприятный разговоръ. Услышалъ отрывокъ разговора случайно. Что-то понадобилось спросить у матери, и онъ пошелъ искать ее.

Въ гостиной у Елены Юрьевны сидѣла одна изъ ея подружекъ Анна Александровна Латынская, молодая, блондинка дама съ лѣнивыми и нерѣшительными движениями. Она тоже была жена присяжного повѣреннаго, но ея мужа не вяжи,—онъ былъ для этого старъ и тягелъ. Говорили о разномъ. Елена Юрьевна услышала изъ сосѣдней большой комнаты приближающійся знакомый скрипъ на гладко-натертомъ паркетѣ голыхъ Гришкиныхъ ногъ: дома Гриша всегда ходилъ босой, иногда

такъ выѣгали и на сѣбѣ ненадолго, гордясь тѣмъ, что онъ—спартанецъ—сильный и закаленный. Подумаешь о Гришѣ, Елена Юрьевна вспомнила о приближающихся праздникахъ, и спросила:

— Ну, какъ въ этомъ году елка? У васъ будетъ? Какъ всегда?

Латанская нерѣшительно пожала круглыми плечами, и сказала:

— Да ужъ не знаю, право. Говорятъ, что елка—нѣмецкій обычай. Я слышала, что и не позволятъ рубить елки. Пожалуй, не будемъ дѣлать.

— Да,—сказала Елена Юрьевна,—и я думаю, лучше эти деньги на елку въ окопы послать. Не позволятъ едва ли стануть но не такое настроеніе.

Въ это время въ комнату вошелъ Гриша. Онъ услышалъ эти слова. Удивился немного, но сейчасъ же подумалъ:

«Отца нѣтъ, такъ ужъ какая была бы елка!»

Латанская, улыбаясь, посмотрѣла на его коротко остриженную голову, на его сѣренькую мягкую курточку съ бѣлымъ длиннымъ галстукомъ, на его стройныя, сильныя ноги: и спросила:

— А что Гриша на это скажетъ?

Елена Юрьевна вдохнула, улыбнулась.

— Онъ у насъ—спартанецъ. Думаю, самъ откажется. Но если онъ захочетъ, конечно, елка будетъ, какъ всегда, подъ Новый Годъ.

Гриша подѣловалъ у гостыя сладко-пахнущую ружу, и сказалъ:

— Конечно, лучше эти деньги послать на елку въ окопы. У насъ все есть, а бѣднымъ солдатамъ холодно.

— Конечно. — сказала Латанская. — это—вѣрно, Гриша.

И, обратясь къ Еленѣ Юрьевнѣ:

— Молодежь такъ отзывчива ко всему этому, такъ работаетъ и помогаетъ, — сердце радуется, глядя на нихъ.

Больше объ этомъ не говорили. Только через нѣсколько дней самъ Гриша напомнилъ, что пора послать елочныя деньги. Тогда, не откладывая дѣла, Елена Юрьевна съ Гришей сосчитали, сколько могла бы стоить нынче елка, и отнесли эти деньги знакомому литератору, собиравшему пожертвования на рождественскій подарокъ солдатамъ.

Когда Елена Юрьевна и Гриша возвращались домой, швейцариха, жена запасного, замѣнявшая своего ушедшаго на войну мужа, сказала Еленѣ Юрьевнѣ:

— И чего это все господа! придумываютъ? Ужь такъ рассчитывала для Петяйки на теплую курточку, да не туда повернулось. Ничего ему понче не будетъ— вѣдь вотъ беда!

— А что такое?—спросила Елена Юрьевна, остановившись около швейцарской.

Гриша слушалъ внимательно.—Петяйка, десятилѣтній заморышъ, былъ ему милъ.

— Да что, — говорила швейцариха, — пришелъ сегодня Петяйка въ школу, а имъ учительница говоритъ: «Милыя дѣти, говорить дума городская велитъ васъ благодарить, что вы такія выказались очень добрыя, отъ елки въ пользу солдатиковъ отказались». Мальчишки глазами хлопаютъ: а она посмотрѣла, ухмыльнулась, говоритъ: «Блки у васъ до будущаго года не будетъ, а деньги ваши елочныя дума въ окопы посылаетъ». Вотъ и остался мой Петяйка безъ теплой курочки. Такъ одно къ одному,—и отца нѣтъ, и елки Петяйкѣ не будетъ.

— Пусть онъ къ намъ на елку придетъ, — съ размаху сказала Гриша.

И вдругъ вспомнилъ:

— Ахъ, да и у насъ не будетъ елки!

Елена Юрьевна погладила его по плечу:

— Ничего, теплую куртку Петянкѣ мы сдѣлаемъ.

Гриша призадумался надъ швейцарскимъ разсказомъ. За обѣдомъ онъ сказалъ:

— Ну, хорошо, мы нашему Петянкѣ дадимъ теплую куртку, а вѣдь есть такіе, которымъ, пожалуй, никто теплой куртки не дастъ.

— Что жъ дѣлать! — отвѣчала Елена Юрьевна.

— Вѣднымъ дѣтямъ надо устраивать елку, — имъ теплыя вещи даютъ — говорилъ Гриша.

— Теплыя вещи солдатамъ еще нужнѣе, — сказала мать.

— Правда, — согласился Гриша.

Шли дни. Настали праздники. Лампады теплились, а елки не у всѣхъ знакомыхъ были. Ну, что жъ! все жъ таки кое у кого была елка. Пригласили Елену Юрьевну съ Гришею. Говорили:

— Вы сами нынче елки не устраиваете, такъ у насъ побывайте.

Отказываться было неудобно. Если сказать:

— Нѣмецкій обычай.

Отвѣчали:

— Да ужъ онъ обрусѣлъ.

Если сказать:

— Война, а мы веселимся.

Отвѣчали:

— Солдатамъ легче не станетъ, если мы носъ на квинту повѣсимъ.

Да были Гришѣ и другія развлечения.

На третій день праздника отъ отца пришло письмо,

женѣ и сыну вмѣстѣ. Какъ всегда, получение письма было праздникомъ, волнующимъ обоихъ. Письмо было длинное, на четырехъ страницахъ, писано карандашомъ. Мажаровъ писалъ между прочимъ:

«Жалѣю, что меня не будетъ на нашей елкѣ. Но душою буду опять съ вами. Глазами души буду видѣть, какъ у васъ горять огоньки свѣчекъ, какъ блестить и искрится на елкѣ сусальный снѣгъ. Снѣгъ и у насъ будетъ настоящій и елки, пожалуй, будутъ, а свѣчекъ зажечь не придется».

Гришѣ стало какъ-то неловко. Онъ сказалъ:

— Отецъ и не знаетъ, что мы эти деньги, елочныя пожертвовали, и что елки у насъ не будутъ.

— Мы ему объ этомъ напишемъ,—сказала Елена Юрьевна.

На томъ и успокоились. Отцу написали,—какъ всегда, шесть страничекъ Елена Юрьевна вечеромъ, и рано утромъ послѣднія двѣ странички Гриша. Онъ же надписалъ конвертъ, и заклеилъ его.

Отправляясь утромъ кататься на конькахъ, Гриша положилъ письмо въ карманъ своего пальто, чтобы опустить въ почтовый ящикъ. Почтовый ящикъ былъ совсемъ близко, только перейти черезъ переулокъ и пройти сажень пятнадцать до угла ближней улицы. Но Гришѣ надо было идти въ другую сторону, онъ терпелся застать товарищей,—и такъ немного опоздалъ, занявшись письмомъ—и потому онъ рѣшилъ опустить письмо въ другой ящикъ, гдѣ-нибудь по дорогѣ.

О домашней елкѣ не говорили всѣ эти дни.

День тридцатаго декабря Гришѣ стало почему-то скучно. Мать была въ лазаретѣ. Гриша былъ одинъ. Читалъ книгу, сидя въ своей комнатѣ, скрестивъ подъ столомъ ноги. Читалъ невнимательно. Думалъ объ отцѣ.

На улицах уже темнело. В комнате топила печь. Гриша оставил надобную книгу и подошел к печи. Он любил смотреть на огонь. Дров уже не было, только что сгорели, раскисались на ровную россыпь углей; цвѣтъ их былъ—расплавленный янтарь, а тѣни были фиолетовы и казались пятнами жаркой крови. Въ глубинѣ печи жаркій воздухъ казался гуще, и казалось, что видны восходяще токи безвиднаго пламени. Иногда влетали и опять опускались черныя, плоския пепельники, медькаля, какъ птицы. И все пространство безшумно горящихъ углей казалось раскаленнымъ пожарщикомъ потябшаго мира.

Гриша сѣлъ на полъ передъ печкою, обхвативъ руками скрещенныя голыя ноги. Всмотрѣлся на огонь. Вдругъ скрипнула, открываясь, дверь. Гриша обернулся. Вошла горничная Тая, молодая пополнившая на городскихъ легкихъ хлѣбахъ и неутомительной работѣ дѣвица, грамотная, любезная и хитрая. У нея въ рукахъ было письмо.

Гриша радостно вскочилъ и вскрикнулъ:

— Изъ арміи! Отъ папочка!

Тая засмѣялась.

— Да гдѣ Гришенька, не изъ арміи, а въ армію. Забыли, видно, опустить, въ карманѣ пронесли.

Гриша растерянно вертѣлъ письмо въ рукахъ. Тая лукаво говорила:

— Сходить, опустить? или до барыни подождать? Барыня, пожалуй, рассердится. А то я схожу, опущу, барыня и не узнаетъ.

Гриша покраснѣлъ и сказалъ досадливо:

— Я и не думаю отъ мамы скрывать. Оставьте письмо у меня. Я самъ спрошу у мамочки.

Тая хихикнула, и вышла.

Гриша положил письмо на стол, опять опустился на пол перед печкою, и стал раздумывать, что теперь делать. Яркое пылающее углей раздражало и волновало его.

«Что же тут сидеть?—подумал он.—Может быть, сейчас письма из ящика вынимать будут. Надо послать скорѣе».

Гриша вдруг рѣшился, схватил письмо, и побѣжать въ переднюю, на лѣстницу, на улицу. Ни шапки ни обуви на надѣть очень торопился.

Сбѣжалъ съ третьяго этажа, къ выходной двери. Швейцариха, жена запасного, поглядѣла на него, и сказала:

— Мерзко, Гришенька. Простудитесь.

Гриша весело сказалъ:

— Ничего, я только до почтового ящика.

— Письмо, что ль опустить?—спросила швейцариха.—Такъ Петяйка сбѣгаетъ, онъ дома.

Но Гришѣ хотѣлось самому кончить начатое. Самому всегда веселѣе все делать. Онъ крикнулъ:

— Нѣтъ, я самъ. Петяйка сунетъ въ благотворительный ящикъ, письмо завалется, а оно ошибное.

И выбѣжалъ на улицу. Только бѣлый галстукъ взметнулся отъ сквозняка въ дверяхъ. Швейцариха покачала головой. Подходящая къ телефону барышня изъ двадцать второго номера, зеленолицая и худенькая, всплеснула руками, и воскликнула:

— Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ вы его выпустили на морозъ раздѣтаго? Онъ себѣ ноги отморозитъ.

Швейцариха махнула рукою, и засмѣялась.

— Ничто ему сдѣлается. Онъ, барышня, не такой, какъ мой Петяйка, хлипкій. Здоровый мальчишка крѣпкій. Ему и морозъ ни почемъ.

Гриша перебѣжалъ неширокой переулочекъ наконекъ къ почтовому ящику. Какъ всегда, крѣпкія объята мороза веселили и забавляли Грищу. Хотѣлось громко кричать отъ восторга, вбирая глубоко въ грудь бодрый морозный воздухъ.

Снѣгъ былъ неглубокій, хрупкій, остро-радостный. Въ слабо-освѣщенномъ фонарями переулкѣ никто не шелъ и не ѣхалъ. Уже Гриша стоялъ передъ желтымъ ящикомъ и уже толкнулъ письмомъ жестяную завѣсу узкаго прорѣза. Но вдругъ ярко блеснули въ Гришиной головѣ тревожныя мысли:

«Папа душою будетъ на нашей елкѣ, будетъ видѣть ее глазами своей души, а елка не зажжется. Нѣтъ тутъ что-то неладно вышло. Я никогда ничего не забываю, а это письмо забыть,—можетъ быть, это—указаніе, что его и не надо посылать. Надо еще съ мамой поговорить».

По улицѣ мчались санки, завернули въ переулокъ. Знакомый голосъ окликнулъ Грищу. Гриша глянула,— это возвращалась домой мама.

«Вотъ и еще указаніе!—подумалъ Гриша.—Только что я о мамѣ подумалъ, а она тутъ, какъ тутъ».

И бросился бѣжать домой. Подбѣжалъ къ подъѣзду въ то время когда мама уже выходила изъ санокъ.

— Ты къ почтовому ящику бѣгалъ, Гриша?—спросила мать, входя за нимъ съ улицы въ дверь.

— Да, мамочка—сказалъ Гриша,—письмо носилъ, да раздумалъ бросать назадъ принесть съ тобой поговорить о немъ надо.

— Кому письмо?—спрашивала Елена Юрьевна.

— Палочкѣ,—отвѣчалъ Гриша.

— Опять?—съ удивленіемъ спросила она.

Гриша засмѣялся.

— Да нѣтъ, мамочка, то же самое письмо.

— Тебѣ холодно, Гриша? — спросила мать, глядя на тапочки сѣвѣяшки на Гришяныхъ покрасѣвшихъ и радостно проворныхъ ногахъ.— Морозъ на улицѣ.

— Нѣтъ, мамочка. На улицѣ было холодно, здѣсь сразу стало тепло. Точно въ горячую воду вошелъ.

— Ну, скорѣе домой,—торопила мать.— Все же надо согрѣться. Такъ что же съ письмомъ? Забылъ тогда опустить?

Гриша стыдливо пожаль плечами.

— Догадалась, мамочка? Да, такая досада!

Потымаясь по лѣстницѣ, Гриша торопливо рассказывалъ матери, что случилось съ письмомъ, и что онъ объ этомъ думаетъ.

Вошли домой. Таня встрѣтила, усмѣхаясь. Гриша сказывалъ:

— Таня думала, что я хочу отъ тебя скрыть.

— Мнѣ что жь!—сказала Таня весело усмѣхаясь.

— Я пальто Гришенькино чистила, письмо нашла, отдала—мнѣ какое дѣло!

— Она хотѣла меня покрыть, — весело говорилъ Гриша.— Она сегодня добрая, письмо отъ своего жениха получила, изъ армии.

Таня зардѣлась, засмѣялась.

— Да что вы, Гришенька! Какой онъ мнѣ женихъ!

— Такъ какъ же, Гриша?—спросила Елена Юрьевна. Отецъ тамъ, въ армии, завтра вечеромъ будетъ думать о нашей елкѣ, будетъ воображать, какъ на ней свѣчки горять какъ намъ весело?

— Да, мамочка.

— А елки у насъ не будутъ?

— Да, мамочка. Потомъ отецъ получитъ наше письмо, узнаетъ, что елки у насъ не было,—и выйдетъ, что напрасно онъ представлялъ напу елку, то, чего не было.

— Выдетъ, Гриша, что мы его обманули?

— Да, мамочка.

Отвѣчалъ Гриша на маминъ вопросы, и уже чувствовалъ что вотъ еще немного, и онъ заплачетъ. Мать засмѣялась, погладила его по стриженной головѣ, и сказала:

— Ну, Гриша, одѣвайся. Магазины еще открыты, пообѣдаемъ позже. Я пока на завтра кое-кого пригласу. Остальныхъ вечеромъ.

Гриша радостно улыбался, Елена Юрьевна говорила:

— А вы, Таня во что бы то ни стало доставьте на завтра елку. Лучше сегодня же купите.

— Да ужъ достата,—сказала Таня.—Ката еще вчера купила.

— Какъ купила?

— Да такъ. Въ кухнѣ стоять. Я ей говорю,—не будетъ нонче у нашихъ господъ елки. А она мнѣ,—не ма жеть того быть,—каждый годъ бывала елка, какъ такъ нонче не будетъ! Взгля, да и купила. Ужъ она такая самовольная!

— У нея было предчувствіе, что мама непременно захочетъ елки!—весело закричалъ Гриша.

Елена Юрьевна улыбнулась.

— Что на палу свалчивать? Не Гриша ли захотѣлъ?

Гриша засмѣялся и побѣждалъ къ себѣ. Натягивая сѣрыхъ чулки на быстро потеплѣвшія ноги, онъ думалъ: «Вотъ какъ хорошо выходить! Папа не даромъ завтра будетъ думать о нашей елкѣ,—елка будетъ, мы его не обманемъ».

И заглясъ подъ Новый Годъ елка, и собрались во-кругъ нея веселою толпою.

А ночью Гришѣ снились веселые сны. Снилось, что отецъ вернулся живой и невредный, и рассказываетъ безъ конца интересныя исторіи.

ДЪДЪ И ВНУКЪ.

ДѢДЪ И ВНУКЪ.

Надъ бѣлою скатертью обѣденнаго стола горѣла
пестнацатипятилѣтная лампа. Ображъ. Сидѣли за сто-
ломъ какъ всегда двое, дѣдъ и внукъ, инженеръ Заре-
вой въ сѣрой гужуркѣ и гимназистъ Дима въ домашней
красной и легкой синей курточкѣ, въ веретныхъ пан-
талонахъ съ босыми ногами: онъ воспитывался по квар-
тански. Разговаривали. Пожелая горячая Христинѣ
ухмыляясь, слушалъ.

— Если бы мнѣ тебя, дѣдушка, не было жалко, я
бы давно ушелъ на войну.— сказалъ Дима.

— Четырнадцатилѣтнихъ не берутъ, — спокойно
возразилъ дѣдушка.— мнѣ шестьдесятъ лѣтъ и меня
въ солдаты не возьмутъ. Такъ-то, другъ, старый да ма-
лый сиди дома. Безъ насъ войновъ въ Россіи много,
сильныхъ, молодыхъ, здоровыхъ.

— Нѣтъ, дѣдушка.— спорилъ Дима.— мнѣ ужъ ско-
ро пятнадцать. На войнѣ такъ есть. Иные мои сверст-
ники отличиться успѣли. Я еще подумаю, подожду, да
и поѣду.

— А тебя вернуть съ дороги—говорилъ дѣдъ.
— А я опять убѣду,—отвѣчалъ Дима.
Заспорили, стали горячиться.
— Я тебя не щучу.
— Да я самъ убѣгу.
— И думать не смѣй. Чуть что замѣчу, высѣку.
Дима улыбнулся и заговорилъ спокойно, убѣждающеимъ голосомъ:
— Дѣдушка, я смерти не боюсь, и ранъ не боюсь, такъ развѣ мнѣ отъ тебя будетъ что-нибудь страшно?
— А вотъ высѣку, такъ забойшься—ворчливо сказалъ дѣдъ.
— Дѣдушка, я—спартаецъ,—говорилъ Дима.— Боятся мнѣ нечего. Если бы я чего-нибудь боялся, я бы самъ себя презиралъ. Ты на меня не сердись милый дѣдушка, но я тебѣ прямо скажу, что меня дома не страхъ держитъ.
— А что же?—спросилъ дѣдъ.
— Да такъ—все думаю,—отвѣчалъ Дима.— Буду ули полевенъ? Не буду ли только помѣхой? Посмотрю на себя въ зеркало,—ростомъ малъ, съ лица мальчишка. Патроны подавать? Нѣтъ, лучше развѣдчикомъ быть, бойскоутомъ. Если бы я въ тѣхъ мѣстахъ выросъ, давно бы я въ дѣлѣ былъ. А въ незнакомой мѣстности... Да вѣтъ, дѣдушка, ужъ ты не сердись, если я въ одно прекрасное утро исчезну.
Дѣдъ нахмурился, и сердито сказалъ:
— Да и ты, другъ, не сердись, когда тебѣ отъ меня за эти разговоры достанется.
Такъ часто перекорялись дѣдъ со внукомъ. Рѣдкій день не было такого ссора. Иногда кончались эти споры мирно, иногда большими неприятностями.
Дима остался круглымъ сиротой по пятому году, и

выросъ у дѣда. Былъ онъ мальчикъ разсудительный, спокойный, сильный, здоровый. Жажда приключеній не томилъ его, можетъ быть, потому, что дѣду мало стѣнялъ его, и лѣтомъ Дима жилъ вольною птицею.

Когда Дима оставался дома одинъ, онъ доставалъ припрятанный имъ съ осени отцовскій мундиръ пѣхотнаго штабсъ-капитана, и надѣвалъ его на себя. Великовать! Стоя передъ зеркаломъ, Дима самъ себя казался слишкомъ малымъ и забавнымъ въ этомъ большомъ для него одѣянии. Ему казалось тогда, что въ солдатскомъ мундирѣ онъ будетъ похожъ на оловяннаго солдатика, и надъ нимъ будутъ смѣяться. Да и не дадутъ ему солдатскаго мундира, — такого роста: равнѣ бываютъ солдаты? Если бы хоть на полвершка быть повыше!

Иногда Дима плакалъ отъ досады, иногда утѣшалъ себя воображеніями, что отецъ былъ высокій и что онъ самъ, Дима, скоро подрастетъ.

А дѣду, уйдя къ себѣ въ кабинетъ и приворотивши плотноѣе двери, пробовалъ заняться гимнастикой, — дѣлалъ присѣданія, сгибаніе и вытягиваніе рукъ, нагибаніе туловища впередъ, назадъ и въ стороны. Бралъ отгулъ, и съ шимъ сгибалъ и вытягивалъ руки. Та же мечта была у него, какъ и у внука, — пойти на войну, — и надежда: вотъ отъ гимнастики придвинется сила, помолодѣетъ, потеплѣетъ кровь. Но скоро убѣждался, что сила ужъ не та, какъ въ молодости, и не прибавляется, скорѣе убываетъ, — скоро уставалъ, руки и ноги дрожали, сердце билось, хотѣлось полежать. Онъ думалъ съ досадою:

«Да и я не гожеусь въ воины».

Кончался годъ, дни стали понемногу прибывать. Дима пересталъ спорить съ дѣдомъ. Онъ окончательно рѣшилъ, что седьмого января уйдетъ изъ дому, какъ-будто

въ лѣсу, а самъ проберется въ воинскій поѣздъ, и отправится на войну.

Когда люди долго живутъ вмѣстѣ и очень дружны, у нихъ иногда совпадаютъ даже волевыя темповъ. И у дѣда явилась мысль послѣ праздникоу проситься, чтобы его хоть ратникомъ зачислили. Въ войскахъ онъ никогда не служилъ, но былъ рынымъ охотникомъ, и стрѣлялъ хорошо. Чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, и день намѣтили онъ тотъ же, что и вѣкъ намѣтилъ: седьмое января. А пока сталъ прискивать, кого бы пригласить въ домъ для Димы. Иногда думалъ, что лучше Диму отдать куда-нибудь.

Встрѣтили Новый Годъ дѣдъ и вѣкъ вдвоемъ, какъ всегда. Пожелали другъ другу исполненя желанй, и оба почему-то смутились при этомъ. А ночью оба видѣли почти одинаковый сонъ.

Снилось Димѣ великое полчище охотниковъ-отроковъ въ синихъ одеждахъ, такихъ же, какъ домашня Димина. У каждаго за спиноу на перевязи висѣло охотничье ружье. Они шли изъ города, утопущаго въ садахъ, по широкой дорогѣ, обсаженной липами и березами, веселыми деревьями. Мальчишки были веселы, шли быстро и бодро. Они пѣли пѣсню, мелодя которой радовала и волновала. Изъ этой пѣсни запомнится Димѣ припѣвъ:

«Убивайте только звѣря!»

Дима стоялъ одинъ на краю дороги, и дивился на проходившихъ мальчигоу.

— Иди съ нами!—сказалъ одинъ изъ мальчигоу Димѣ, когда замолкъ припѣвъ пѣсни.

— А куда вы идете?—спросилъ Дима.

— Мы идемъ въ лѣса убивать вредныхъ звѣрей!—отвѣчалъ мальчишъ.

— Нѣтъ,—сказала Дима—мнѣ съ вами не по дороге. Я иду на войну.

Засмѣялись мальчики.

— О чемъ вы смѣетесь?—дивясь, спросила Дима.

Мальчики, разговаривавши съ нею, сказали:

— Развѣ ты не знаешь, что окончилась послѣдняя война? Берлина нѣтъ войны больше не будетъ и наши ружья только для дикаго звѣря.

— Да, да!—закричали другіе мальчики,—войны больше не будетъ.

— Берлина нѣтъ!

— Это была послѣдняя война.

— Послѣднее кровавое Рождество.

— Наши отцы и братья умирали не даромъ.

— Они побѣдили войну!

— Войны больше не будетъ!

Громко и радостно звучали ихъ голоса, какъ перезвонъ колоколовъ большого праздника.

Дима проснулся. Вскочилъ съ постели, и бросился бѣжать къ дѣду, крича:

— Дѣдушка, это—послѣдняя война.

Дѣду снялся бѣлый приемный залъ. Окна открыты съ улицы доносится гулъ многихъ голосовъ. Высокій сѣдой генераль идетъ навстрѣчу дѣду. Дѣдъ говоритъ:

— Возьмите меня хоть въ ратники, хоть провіантскіе магазины сторожить. Вѣдь вали же во Франци Анатоль Франса, а я на десять лѣтъ моложе.

Генераль улыбается и отвѣчаетъ:

— Я знаю, вы—отличный охотникъ и стрѣлокъ. И вѣтъ вашъ отличился на пробной стрѣльбѣ. Онъ въ нашемъ городѣ по мѣткости оказался первымъ.

Дѣдъ и радъ и гордъ. Но ему страшно за внука и онъ говоритъ:

— Димѣ еще рано, меня возьмите.

Генераль говоритъ:

— Да, вы будете начальникомъ конныхъ охотниковъ нашего города. Надо истребить послѣднихъ волковъ и медвѣдей.

— Я хочу на войну.—говоритъ дѣдъ.

Генераль смѣется и говоритъ:

— Развѣ вы не знаете, что это была послѣдняя война? Берлина вѣтъ, войны не будетъ, наши ружья только для дикаго звѣря.

Въ открытыя окна съ улицы слышны громкіе крики:

— Убивайте только дикаго звѣря!

— Войны больше не будетъ.—кричитъ Дима, тормоша дѣда.—Убивать будемъ только звѣря.

Дѣдъ просыпается. Дима садится на его постели, и рассказываетъ свой сонъ. Дѣду весело. Онъ говоритъ:

— Такъ-то другъ, кровь проливается не даромъ. Великое слово—послѣдняя война! Война противъ войны!

— Великое слово,—повторяетъ Дима.

— Что же, милый другъ, ты долженъ дѣлать?—спрашиваетъ дѣдъ.

Дима думаетъ, краснѣетъ и говоритъ:

— Жить для будущаго.

— А что надо для будущаго?—спрашиваетъ дѣдъ.

Дима отвѣчаетъ:

— Много учиться. Быть сильнымъ и добрымъ.

— А зачѣмъ нужна сила и доброта?—спрашиваетъ дѣдъ.

Дима отвѣчаетъ:

— Убивать только дикаго звѣря. Уничтожать всякое зло.

Дѣдъ говоритъ:

— Это уничтожать не мы сь тобой начали. И о прошлом помнить надо.

— Знаю, дѣда,—говоритъ Дима.—Я знаю, что долженъ чтить подвиги доблестныхъ воиновъ, побѣждающихъ войну. И быть поскромнѣе,—не соваться сь моими слабыми силеиками на великій подвигъ. А если эта война будетъ длиться долго, придетъ и моя очередь. Позовутъ пойду. А тайкомъ отъ тебя не сбѣгу.

— Спасибо, другъ, утѣшилъ,—говоритъ дѣдъ.

Хочетъ поцѣловать Диму, но Дима быстро соскакиваетъ сь его кровати, и становится на колѣни.

— Постоить дѣдушка,—говоритъ онъ,—хвалить меня погодить, а наказать есть за что: вѣдь я уже совсѣмъ надумалъ седьмого января сбѣжать на войну.

Дѣдъ смѣется. Говоритъ:

— Старый да малый другъ на друга похожи. Вѣдь и у меня, другъ, такая же мысль была. Думалъ: Димку въ пансіонъ, а самъ въ ратники.

— А теперь раздумать?—спрашиваетъ Дима.

— Раздумать—говоритъ дѣдъ.

— Ну, и я раздумалъ.

И оба рады. Хорошимъ сномъ встрѣтили ихъ Новый Годъ, — тотъ годъ, который обѣщаль смертью смерть пограть.

ТИХІЙ ЗНОЙ.

ТИХИЙ ЗНОЙ.

1.

Хотя Яковъ Леонидовичъ Бредневъ уже два года тому назадъ получилъ званіе лекаря, но еще онъ былъ такъ молодъ, что ему все нравилось въ жизни. Какъ мальчишкѣ въ правдоподобномъ сказаніи Круммакера, онъ находилъ очаровательными каждое время года, и каждую хвалиму ю мѣстность на землѣ, не думая о другихъ временахъ и мѣстахъ и не сравнивая. Поэтому ему очень нравилась и дачная деревушка Матарраги въ Эстляндіи, на берегу Финскаго залива, и дачники, и мѣстные эстонцы, и милая природа этого края.

Бредневъ совсѣмъ не былъ озабоченъ толками о томъ, что скоро начнется война. Но когда стали говорить, что изъ-за войны придется уѣхать съ побережья въ городъ раньше обычнаго, онъ опечалился и рѣшился дѣйствовать энергично: вѣдь онъ же былъ влюбленъ въ Ольгу Шейну, влюбленъ уже два мѣсяца, но романъ его все еще оставался открытымъ на первой страницѣ.

Бредневъ всталъ рано утромъ, и пошелъ на морской

берега. Они знали, что въ этотъ часъ на берегу, если пройти за деревню версты полторы на западъ, не встрѣтишь никого; кромѣ Ольги и ея друзей племянниковъ, мальчиковъ семи и шести лѣтъ. Малыши не помѣшаютъ, а съ Ольгой надо поговорить наконецъ рѣшительно и прямо.

Изъ-за рошцы на песчаномъ прибрежномъ бугрѣ слышались голоса и смѣхъ Ольги и дѣтей. Радостное ощущение силы, здоровья и веселости охватило Бреднева,—то самое ощущение которое онъ испытывалъ всегда, когда приближался къ Ольгѣ. И это ощущение было тѣмъ сильнѣе и милѣе, что и Ольгина сестра Катя и ея мужъ Николай Борисовичъ Ложбининъ были самые подлинныя столичные нервяки и нейрастеники.

У самой воды на камнѣ сидѣла Ольга, дѣвушка лѣтъ двадцати четырехъ. Ея глаза были устремлены на даль морскую съ выраженемъ дѣтскаго любопытства и веселаго удивленія,—широкіе голубые, глубокіе глаза. Широко-разрѣзанный алогоубый ротъ улыбался нѣжно, лукаво и довѣрчиво. и отъ этой улыбки все ея милое лицо, бронзово-загорѣлое, казалось оваренно-хорошѣющимъ съ каждою минутою. Пригрѣтая на мелкомъ пескѣ вода обнимала загорѣлыя такъ же темно, какъ и лицо, почти до коленъ пріоткрытыя стройныя ноги. Ея простая бѣлая одежда казалась такою нарядною, сквозной зелено-ваго-синій шарфъ на ея черныхъ волосахъ былъ завязанъ такъ мило—и отъ всего этого Бредневъ почувствовалъ умиленіе и нѣжность, и ему казалось, что онъ не посмѣлъ бы поцѣловать ни ея алыхъ губъ, ни ея смуглыхъ рукъ.

Два мальчика въ купальныхъ костюмчикахъ, съ голыми руками и ногами, въ соломенныхъ шляпахъ, весело загорѣлые, плескались и бѣгали по водѣ у берега.

радостно занятые водою и камешками. Ольга почти не смотрела на них, но чувствовалось, что они водятся ея волею. Услышавъ шаги, Ольга обернулась, встала, улыбнулась радостно и ласково. Бредневъ поздоровался съ нею и съ дѣтьми,—и мальчики опять занялись своею игрою.

— Да, такъ правда, что будетъ война?—спросила Ольга.—И германцы могутъ сюда притти?

Бредневу мило и забавно было видѣть на Ольгинеиъ лицѣ это выражение вопроса и удивления. Онъ улыбался и уже хотѣлъ сказать что-нибудь пугающее, но во-время вспомнилъ, что Ольга вовсе не робкая, что она ничего не боится. Желаніе подразнить Ольгу быстро погасло въ его душѣ. Онъ сказалъ:

— Германцевъ сюда не пустятъ, и опасности нѣтъ никакой.

— А мы собираемся уѣзжать,—сказала Ольга.

И на лицо ея легла тѣнь печали. И вдругъ оно стало такимъ, словно никогда и не знало улыбки, и это еще болѣе очаровательнымъ.

— Сестра Катя очень беспокоится и боится,—говорила Ольга,—и все порывается поскорѣе ѣхать въ городъ.

— А Николай Борисовичъ?—спросилъ Бредневъ.

Ольга опять засіяла улыбками, и на этотъ разъ въ ея улыбкѣ было милое слияніе радости и печали. Неясное предчувствіе тихо ужалило влюбленное сердце молодого человѣка. Предчувствіе чего? Онъ ждалъ, что скажетъ Ольга.

Она говорила:

— Николай Борисовичъ—прапорщикъ запаса. Его возьмутъ, а сестра Катя уже воображаетъ, что мальчики останутся сиротами.

Слезины блеснули въ Ольгиныхъ глазахъ.

— А вы?—спросилъ Бредневъ.

Лицо его стало мрачно. Ольга подняла на него удивленные глаза.

— Что я?—спросила она.

— Послушайте, Ольга Григорьевна. — тихо говорить Бредневъ,—мнѣ надо сказать вамъ кое-что. Пройдите немного подальше отъ дѣтей.

— Дѣти насъ не слушаютъ,—отвѣчала Ольга.

Но Бредневъ смотрѣлъ на нее такими умоляющими глазами, что Ольга улыбнулась, посмотрѣла на дѣтей внимательно, съ внезапнымъ выраженіемъ строгой воли и пошла вдоль берега. Мальчики занятые игрою не замѣтили, что она отошла. Казалось, что они и не позвать ее, пока она сама о нихъ не вспомнитъ.

Бредневъ шелъ за Ольгой, смотрѣлъ на то, какъ ея загорѣлая голыя стопы легко и спокойно ступали на сыроватый, теплый песокъ, оставляя на немъ легкіе, красивые слѣды,—и сердце его замирало отъ любви къ этой тихой дѣвушкѣ съ любознательными глазами на смугломъ лицѣ.

Ольга остановилась, улыбнулась, поглядѣла на Бреднева вопросительно.

— Такъ вы о чемъ?—спросила она.

Спросила такъ спокойно, точно ждала, что онъ заговоритъ о завтрашней прогулкѣ. Но ея голубые глаза потемнѣли. Бредневъ понялъ, что она уже знаетъ о чемъ онъ съ нею будетъ говорить и сердце его замерло отъ страха. Точно проваливаясь въ бездну, онъ сказалъ поспѣшно:

— Я васъ люблю, Ольга.

Ольгины глаза потемнѣли еще болѣе, и стали испуганными. Но за мгновеннымъ выраженіемъ испуга въ ея

глубоких глазах явно было на широком разрезе алого рта выражение воли, уже рывившей всё свои пути. Под тонкою тканью белой одежды Ольга грудью поднималась высоко и торопливо. Ольга смотрела прямо на Бреднева, и говорила:

— Друг мой, я боялась, что вы мне скажете это. Боялась. Но ведь вы знаете, что я только с детьми. Я их не оставляю, пока они не подрастут. И совсем не стремлюсь к семейной жизни.

Бреднев смотрел на нее с удивлением. Спичком спокойно звучал ее голос. Как будто уже готовь быть ей отвѣтъ на всё подобное случай. Самолюбивая досада отразилась въ чертахъ его спичкомъ добродушнаго лица.

— Я так и думалъ, — досадливо сказалъ онъ. — Дѣло не въ дѣтяхъ а въ ихъ отцѣ.

Ольгины глаза гнѣвно зажглись.

— Какъ это глупо! — сказала она, и быстро побѣжала къ мальчикамъ.

Бреднев не рѣшился идти за нею. Стоялъ на берегу.

II.

— Пора завтракать, дѣти! — сказала Ольга.

Мальчики побѣжали по песку и мпистой подогрѣннѣ прибрежнаго лѣсна къ своей дачѣ на окраинѣ эстонской деревни. Ольга тихо шла вдоль берега, думая о своемъ и мечтая. Она знала, что дѣти найдутъ дорогу и что съ ними здѣсь ничего не случится. Скоро ихъ званье голоса перестали доноситься до нея. Тогда она вдругъ всплеснула руками повернулась лицомъ къ морю, и по милому лицу ея потекли быстрыя слезы. Не вытирая слезъ, она постояла съ минуту, потомъ вдохнула, улыбнулась и пошла своею дорогою.

Она думала о томъ, кого она любила давно и безнадежно, о мужѣ своей сестры. Зналъ ли онъ что она его любитъ? Кажется, въ послѣднее время онъ сталъ лгаться объ этомъ. Иногда его усталые, разсѣянные глаза останавливались на ней съ внезапнымъ и пристальнымъ вниманіемъ.

Ольга думала, что женитьба Николая Борисовича на ея сестрѣ Катѣ была ошибкою, и что онъ былъ бы счастливей съ нею. Ужъ очень была раздражительна и взбалмошна сестра Катя. Да и не такъ ужъ сильно любила она мужа. Такъ, только держалась за него съ чувствомъ собственности. Дорожила имъ больше, какъ отцомъ своихъ дѣтей и какъ не скушимъ мужемъ. Но такъ же охотно вышла бы и за другого, если бы не подвернулся въ свое время этотъ. А Ольга могла любить только одного. И что ей ея молодость и красота? Пройти, отцѣсти, склониться затоптанымъ цѣвтомъ предорожнымъ.

Каждый разъ, когда кто-нибудь изъ молодыхъ людей подходилъ къ ней съ вниманіемъ и ласкою, она замирала отъ страха. Что она скажетъ на слова чужой любви?

Лучше было бы ей уѣхать далеко, жить одной. Но не слышать милого медленнаго голоса, не видѣть этого нервнаго лица съ мерцаніемъ тихихъ глазъ,—это было бы ей ужъ очень тяжело. И она жила съ сестрою. Зимой давала уроки въ школѣ. Присматривала за племянниками. Наставала на томъ, чтобы ихъ воспитывали въ суровой близости къ природѣ, въ дружбѣ съ чистыми стихіями.

Сначала сестра Катя боялась, что Ольга простудитъ, заморозитъ ея дѣтей. Потомъ повѣрила, оставила дѣтей на попечене Ольги, и занялась своими дѣлами и развлеченіями, суетною жизнью женщины, у которой не такъ ужъ мало денегъ, чтобы стоило тратить время и заботы на ихъ добываніе.

Ольга говорила ей и Николаю Борисовичу.

— Посмотрите на себя въ зеркало,—вѣдь вы не живые люди, а просто комки слабыхъ нервовъ. Подумайте, какъ вы живете: вамъ противно встать утромъ рано, и вы оживаете только тогда, когда зажигается электричество.

Катя отвѣчала:

— Зимой утромъ вставать рано! Да это же невозможно—темно, холодно, тоскливо. Нѣтъ, а только къ вечеру чувствую себя хорошо.

— Слабое, нервное поколѣніе.—говорила Ольга.— Одна только надежда, что дѣти будутъ иными. Я хочу, чтобы ваши дѣти были сильными, смѣлыми.

И часто спорили о дѣтяхъ. Катя сердито кричала:

— У тебя нѣтъ своихъ дѣтей, ты не можешь понять чувствъ матери.

Ольга смотрѣла на нее спокойно, и думала:

«Твои дѣти — дѣти холодной, вялой любви. — полулюбви. Безъ меня они были бы полуплюдами. Только моя любовь, любовь моя безъ мѣры, сдѣлаетъ этихъ дѣтей дѣтьми радости и счастья».

Настойчиво и терпѣливо добилась она того, чтобы дѣти воспитывались, какъ она хотѣла.

III.

Дома—шумъ, крикъ. Еще издали слышала Ольга Катинъ крикъ и дѣтскій плачь, и побѣжала къ дому.

— Что такое? Что случилось? — спрашивала она, вбѣгая на террасу.

Эмилия встонала за нѣмку, по титулу бонна, а на дѣлѣ нѣчто среднее между экономкою и горничною милонидная молоденькая дѣвушка въ бѣлой блузкѣ и синей юбкѣ

съ рожанымъ подомомъ, босая и загорѣлая, какъ Ольга, лупливо отвѣчала:

— Еватерина Григорьевна сердится, зачѣмъ дѣти долго гуляли. А я не могла за дѣтми сходить, мясникъ приближалъ, бѣлье гладить, варенье варить надо, такъ много дѣла по дому.

Видимо, радуясь, что можно уйти отъ дѣтей плачу-пику и отъ хозяйки разсерженной, Эмилія быстро побѣжала черезъ садъ въ кухню, поправляя на бѣгу вопкнутыя въ прическу желтыя целлулоидныя гребенки. Прическа у нея была такая же, какъ у Ольги, и во всемъ она старалась подражать Ольгѣ.

Ольга подумала:

«Отчего я, такъ легко накладывающая на другихъ печать моей воли, все-таки волею моею не могла взять его любви, не выразила его моею любовью? Или только тотъ и силенъ, кто силенъ не о себѣ, чья любовь не раздѣлена и чиста?»

Ольга не спѣша вошла въ комнату. Мальчики бросились къ ней, и прижались къ ея юбкѣ, боязливо поглядывая на разсерженную мать. Катя ходила по комнатѣ, дымляла лапширокою, постукивала высокими каблукками, и кричала:

— Разбалованные скверные мальчишки!

Кое-какъ причесанная, кое-какъ одѣтая, слабо зарумянившаяся на лѣтнемъ солнцѣ, — Катя, по всему было видно, только недавно встала съ постели.

— Что случилось? — спросила Ольга.

— Что случилось? — закричала Катя, останавливаясь передъ Ольгою. — Сказки, пожалуйста, Ольга, что это значить, что дѣти цѣлое утро пропадали Богъ вѣсть гдѣ, и наконецъ пришли одни?

— Мы были вместе, — отвечала Ольга, — потому дети побѣжали домой, я осталась.

— Воплощенная кротость! — язвительно сказала Катя. — Но я знаю, гдѣ ты была и съ кѣмъ любезничала.

— Эмилия Карловна! — крикнула Ольга, подходя къ двери изъ столовой въ сѣни, за которыми была кухня, — возьмите дѣтей, побудьте съ ними часокъ. Дайте имъ ѣсть.

Эмилия торопливо вышла изъ кухни, оправдая рукава на покраснѣвшихъ отъ кухоннаго жара рукахъ, и увела дѣтей въ садъ, въ бесѣдку, гдѣ завтракали и обѣдали въ хорошую погоду.

— Николай Борисовича нѣтъ дома? — спросила Ольга.

— А ты не знаешь, гдѣ онъ? — сердито говорила Катя. — Я завтракала одна въ то время, какъ вы изволили прогуливаться.

— Я съ утра не видѣла Николая Борисовича, — спокойно возразила Ольга. — Уверено тебя, ты ошибаешься. Если я съ кѣмъ разговаривала, такъ только съ Бредневымъ.

Катя язвительно захохотала.

— Сказки рассказываешь, милая.

Ольга улыбнулась.

— Бредневъ сказалъ мнѣ, что любить меня.

Катя зажглась нетерпѣливымъ любопытствомъ. Даже папиросу оставила, положила въ непальницу.

— Ну и что же? Что же ты? Сказала да?

— Сказала нѣтъ, — отвѣтила Ольга, и заплакала.

Катя ярко покраснѣла.

— Вотъ какъ! Сказала нѣтъ! — съ тихою яростью говорила она. — Скажите, пожалуйста! Мы любимъ другого! Но только другой — чужой мужъ. Да тебя это не

оставляет? Ну, что жь, нарушай чужое счастье, отнимай у сестры мужа.

— Катя, Катя, зачѣмъ ты это говоришь? — плача сказала Ольга. — Я никогда ему ни слова не сказала о моей любви, и онъ никогда не узнаетъ, что я его люблю.

— Зачѣмъ же ты живешь съ нами?

— Только для дѣтей.

— Чтобы сдѣлать ихъ грязными, царапанными дикарями?

— Чтобы сдѣлать ихъ господами и повелителями жизни, кующими свою судьбу по своей волѣ. Но если ты не хочешь ты можешь сказать мнѣ, чтобы я ушла, — твои дѣти, дѣлай съ ними, что хочешь. Расти ихъ такими же невращенниками, какъ ты и Николай.

Катя засмѣялась. Сѣла на диванъ. Задумалась, успокоилась.

— Ты — хитрая, — сказала она. — Уйдешь, и его за собой потянешь. Нѣтъ, пока ты съ нами, я все-таки спокоина. Я знаю, что ты — честная, что ты меня не обманешь.

Сестры обнялись и плакали.

IV.

Вечеромъ газеты принесли извѣстие о мобилизаціи. Событія пошли быстро. Черезъ нѣсколько дней Катинъ мужъ былъ призванъ на войну, быстро собрался и уѣхалъ. Сестры остались на дачѣ. Катя хотѣла уѣзжать въ городъ, а Ольга уговаривала ее остаться хоть до половины августа.

— Пойми, — говорила она. — разъ, что Англія объявила войну, такъ германскій флотъ ничего те можетъ сдѣлать. Здѣсь совершенно безопасно, высадка невозможна.

Катя ей бы пожалуй, и не повѣрила, и настояла бы на немедленномъ отъѣздѣ въ городъ. Но разговоръ съ Бредневымъ далъ ей мыслимъ другое направленіе.

Проводивъ мужа до станціи, Катя возвращалась домой на извозчикѣ вмѣстѣ съ Бредневымъ.

— А Ольга Григорьевна не провожала?—спросилъ Бредневъ.

— Она осталась съ дѣтьми,—отвѣчала Катя.

— Собирается въ городъ?

— Ей не хочется въ городъ, она настаиваетъ, чтобы мы остались здѣсь до конца лѣта.

Бредневъ засмѣялся. Его добродушные сѣрые глаза вдругъ стали злыми. Онъ говорилъ:

— Не можетъ быть! Ольга Григорьевна поступитъ на курсы сестеръ милосердія, и постарается попасть поближе къ Николаю Борисовичу.

Катя поблѣднѣла.

«О, хитрая, хитрая! — думала она про востру.— Нѣтъ, ты не поѣдешь въ городъ».

И онѣ уѣхали самыми послѣдними изъ дачниковъ, когда уже ночи стали совсѣмъ темны, и когда уже вѣлѣно было не зажигать вечеромъ огня въ комнатахъ, окна которыхъ видны съ моря.

Переѣхали въ городъ, и Катя стала тревожиться ожиданіемъ, когда же Ольга поступитъ на курсы. Но Ольга занималась съ дѣтьми, Катя стала бояться что Ольга и такъ найдетъ возможность уѣхать въ армию, увидѣтъ Николая Борисовича и увлечетъ его. Прочтя въ газетѣ рассказъ о женщинѣ, надѣвшей мужской костюмъ и пошавшей въ ряды арміи, Катя очень испугалась.

«Вотъ такъ и Ольга поступитъ, — думала она.— Встрѣтится съ Николаемъ, и онъ влюбится въ нее».

На стерпѣнь страха, Катя рѣшила объясниться съ сестрою. Дѣтей отправила съ Эмилиєю на улицу, а Ольга сказала:

— Мнѣ надо съ тобою поговорить.

Когда сестры остались однѣ, Катя прямо приступила къ дѣлу. Она сказала:

— Ольга, не скрывай. Я догадалась. Я знаю, что ты хочешь сдѣлать.

И заплакала. Ольга смотрѣла на нее, широко открывая глубину голубыхъ, удивленныхъ глазъ.

— Катя, милая, что ты? О чемъ ты догадалась! Что ты обо мнѣ думаешь? О чемъ плачешь?—спрашивала она, обнимая сестру.

Катя говорила:

— Ты обрѣжешь волосы, одѣнешся мальчишкою, достанешь паспортъ, и поступишь въ солдаты.

Ольга засмѣялась. Потомъ нахмурилась. Спросила:

— Зачѣмъ мнѣ все это сдѣлать?

— Ты сама знаешь, зачѣмъ.

— Зачѣмъ же? Воевать съ германцами? Быть съ твоимъ мужемъ?—спрашивала Ольга.

— Да, да, вотъ именно все это,—сухимъ отъ злыхъ слезъ голосомъ отвѣчала Катя.

Ольга обняла ее, поцѣловала крѣпко, и сказала:

— Катя, милая, повѣрь мнѣ, я никогда не говорю неправды. И то, и другое я уже сдѣлала. Мнѣ не надо рѣзать волосы и поступать въ солдаты,—я и такъ воюю съ врагами. Мнѣ не надо ѣхать туда, гдѣ Николай—я и здѣсь съ нимъ. Ты меня понимаешь?

— Нѣтъ,—тихо сказала Катя.

— Пойми, Катя,—говорила Ольга—я воспитываю въ твоихъ дѣтяхъ волю къ господству надъ жизнью, научаю ихъ хотѣть и достигать, и если они и друзья дѣти,

теперь растуща, станут такими, как я хочу, тогда никакой враг не будет страшен нашей родине.

— В этом, Ольга, я тебя давно повѣрила, — отвѣчала Катя. — Помнишь как я испугалась, когда первый раз увидѣла дѣтей толпами на снѣгу, на морозѣ? Теперь я за них не боюсь, я тебя вѣрю. Но я того боюсь, что ты тянешься къ моему Николаю, и наконецъ отнимешь его отъ меня.

— Это могло бы быть, Катя, — отвѣчала Ольга. — если бы не было дѣтей. Но вѣдь я, когда съ его дѣтьми живу съ нимъ и для него. Развѣ ты не понимаешь, какое это высокое счастье — быть съ любимымъ въ томъ, что живо и молодо, въ его дѣтяхъ, и на этомъ мосту между нимъ и мною цѣловать его цѣловавшемъ чистымъ и безъ горечи?

Катя подняла голову, положила руки на Ольгины плечи и долго смогрѣла въ ея дивные навѣки удивленные высокою тайно, жизни и любви глаза. Долго смогрѣла и плакала. Потомъ стала переть Ольгой на волѣни, и припала губами къ ея рукамъ, и цѣловала ихъ, цѣловала ихъ упоенно и самозабвенно. И въ эту минуту сердце ея открылось для любви, которой раньше она не знала.

СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

I.

Морозомъ дышали ночные просторы. На темно-синемъ небѣ горѣли звѣзды, и такими близкими казались онѣ землѣ. Внизъ опрокинутый высокій серпъ луны былъ тихъ, чистъ и ясенъ.

Тотъ, кто шелъ въ лучахъ луны, поднимая порою глаза въ лунную непорочность, такъ больно и трепетно чувствовалъ, что онъ все-таки только человекъ. Человекъ, которому горестно и трудно, — можетъ быть, потому, что въ этомъ ясномъ и непреклонномъ сияніи только ему мглистымъ является его путь.

Иванъ Петровичъ Травинъ возвращался домой по одной изъ окраинныхъ улицъ маленькаго западнаго городка, гдѣ морозъ былъ рѣдкимъ явленіемъ. Чтобы не думать ни о чемъ, Иванъ Петровичъ смотрѣлъ на снѣгъ. Изъ-за длинныхъ заборовъ пустынной улицы пушистыя и бѣлыя отъ снѣга вѣтки деревьевъ бросали на снѣгъ сквозныя тѣни. Странно было думать, что этотъ снѣгъ бѣлаго цвѣта, — такъ онъ синѣлъ, темнѣлъ въ тѣняхъ, таинственно мерцалъ въ лунномъ свѣтѣ, и неожиданно яснѣлъ въ колеяхъ и выбоинахъ.

Грустные думы, обычныя снугницы Ивана Петро-

лица и теперь не покидали его, томил и странно утешали. Он думал о женѣ, которая его оставила, и о подросткѣ сынѣ, который остался съ нимъ.

Жена его оставила потому, что перестала вѣрить въ его святину, въ его надежды и повѣрила въ механически-правильныя мысли тѣхъ, кто ждетъ преобразования мира отъ фабричнаго города. Не потому, что разлюбила его, что полюбила другого. Онъ чувствовалъ, что она разлюбила не его, а эту всю почвенную жизнь, милую для него.

Сынъ остался. Его надо воспитать въ той же любви, чтобы сердце его было пламенѣющимъ и ревнивымъ, иногда ненавидящимъ любимое, но не выносящимъ хулы на родное. Но какъ трудна эта любовь!

Вотъ за этими заборами таятся дома бѣдняковъ, евреевъ, поляковъ, русскихъ, выходящихъ изъ-за рубежа. Таятся жизнь то безумно-дерзкая, то безумно-робкая. Таятся много вражды и злобы. И злоба отъ нищеты и непониманія.

Родина жена, сынъ — домъ малый, свой, и домъ большой, отечество. И переходъ отъ одного къ другому, гимнази. гдѣ Иванъ Петровичъ давалъ уроки, и городокъ, вваламученный войною, недалеко отъ этихъ мѣстъ, но все же увѣренный, что врагъ сюда не доберется. Въ этомъ кругу вращались мысли Ивана Петровича, когда онъ слышалъ за собою чью-то робкую и торопливую побѣжку. Иванъ Петровичъ остановился и, по-садливо поеживаясь, ждалъ, чтобы прохожій обогналъ его. Какъ это бываетъ иногда у очень нервныхъ людей, Иванъ Петровичъ не дергивалъ чьяхъ-нибудь шаговъ за спиною.

Всмотрѣлся въ прохожаго, узналъ его по тощей фигурѣ, приподнятымъ плечамъ, рыжей острой бородкѣ.

по беспокойному, внятому и въ полумракѣ, блеску вспыхивающихъ и потухающихъ, усталыхъ глазъ, по утомленной улыбкѣ тонкихъ, опущенныхъ въ углахъ кънизу губъ,—узналъ и удивился: это былъ еврей-портной Тейтельбаумъ, о которомъ много въ городѣ говорили въ послѣдние два дня, и говорили такъ, что Иванъ Петровичъ никакъ не могъ ожидать встрѣчи съ нимъ на улицѣ.

— Это вы, господинъ Тейтельбаумъ?—воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

Тейтельбаумъ, суетливо кланяясь, приподнял фуражку.

— Ну, это таки я,—говорилъ онъ,—и иду къ вамъ, несу заказъ. Вы себѣ думали, Иванъ Петровичъ, что вашего Сережи панталоны уже пропали, и что Тейтельбаумъ болтается на веревкѣ, а Тейтельбаумъ таки живъ, и ничего такого съ Тейтельбаумомъ не случилось.

— Пойдемте вмѣстѣ, господинъ Тейтельбаумъ,—сказалъ Иванъ Петровичъ—я иду домой. Да скажите, что такое въ самомъ дѣлѣ было?

Тейтельбаумъ рассказывалъ:

— Вы тоже подумали, что Тейтельбаумъ — шпионъ, что Тейтельбаума лоймали? И это же мнѣ всё говорятъ, куда я ни приду: господинъ Тейтельбаумъ, развѣ васъ еще не повѣсили? Но скажите, пожалуйста, за что меня вѣщать? Какой-то шарлатанъ донесъ, что ко мнѣ пришелъ подозрительный человѣкъ, и ко мнѣ пришли брать этого подозрительнаго человѣка, ну и что же, вы думаете, оказалось? Это нашъ таки еврейчикъ, раненый солдатъ. Онъ ко мнѣ пришелъ, вотъ и все.

Иванъ Петровичъ сказалъ:

— Говорили, что этотъ подозрительный человѣкъ былъ одѣтъ какъ-то странно, не то солдатъ, не то шпильный.

— Ну, такъ онъ же только что вышелъ изъ лазарета, — отвѣчалъ Тейтельбаумъ — я же не знаю, что онъ себѣ думалъ, зачѣмъ онъ отсталъ отъ своей команды. Его взяли и отправили, куда слѣдуетъ. Скажите, пожалуйста, изъ-за чего такой скандалъ дѣлать? Самъ господинъ комендантъ сказалъ мнѣ: «Ну, идите себѣ, господинъ Тейтельбаумъ, я знаю, что вы — честный еврей и занимаетесь своимъ дѣломъ».

Ивану Петровичу не хотѣлось спрашивать Тейтельбаума о подробностяхъ этой исторіи съ легкомысленнымъ солдатомъ. Онъ сказалъ:

— Вотъ и хорошо, господинъ Тейтельбаумъ — знать, васъ ни въ чемъ не подозреваютъ.

— И что вы тутъ видите хорошаго? — жалующимся голосомъ говорилъ Тейтельбаумъ. — Начальство знаетъ, въ чемъ дѣло, а въ городѣ всѣ говорятъ, — шпиона поймали и на базарѣ повѣсили. зачѣмъ шпиона. Это очень нехорошо, Иванъ Петровичъ.

— Да, это скверно, — согласился Травинъ.

Тейтельбаумъ продолжалъ:

— Ну, я таки вашъ заказъ исполнялъ, Сережи вашего панталона починилъ. Правда, очень короткіе выцли, потому что я низочки вялъ отрѣзалъ и положилъ заплатки гдѣ надобно, но при длинныхъ чулкахъ дома очень хорошо будетъ.

II.

Дошли до того дома, гдѣ жилъ Травинъ. Въ одномъ изъ трехъ окошекъ деревяннаго домика свѣтился огонь. Иванъ Петровичъ стукнулъ палкою въ это окно и поднялся на крыльцо. Скоро дверь открылась; на порогѣ стоялъ двѣнадцатилѣтній гимназистъ въ сѣрой мяго-

кой одеждѣ и въ рыженькихъ мягкихъ валенкахъ. Онъ радостно и ласково улыбался отцу, но, увидѣвъ Тейтельбаума, воскликнулъ отъ удивленія:

— Господинъ Тейтельбаумъ, это вы!

— Ну и кто же, какъ не я!—съ кислою улыбкою отзывался Тейтельбаумъ.—Я принесъ вамъ вашу вещь чтобы вы ее примѣрили. И посите себѣ дома на здоровье, а Тейтельбаумъ еще долго будетъ на васъ работать.

— А у насъ, въ гимнази, говорили,—началь было Сережа.

Иванъ Петровичъ строго посмотрѣлъ на него.

Мальчикъ покраснѣлъ и замолчалъ.

III.

Иванъ Петровичъ и Сережа сидѣли въ столовой, и пили чай. Былъ седьмой часъ вечера. Раздался звонокъ, потомъ второй.

— Пелагеюшка наша опять спитъ, не слышитъ,—сказалъ Сережа, и побѣжалъ открывать дверь.

Черезъ минуту онъ вернулся и вслѣдъ за нимъ въ столовую вошла пятнадцатилѣтняя красивая дѣвочка, ученица Ивана Петровича по женской гимнази, Сарра Канцель. По ея раскраснѣвшемуся лицу было видно, что она сильно взволнована чѣмъ-то, и даже напугана. И потому въ томномъ взорѣ черныхъ, большихъ глазъ и въ дрожащей улыбкѣ устало-алыхъ губъ особенно ярко вы-являлся еврейскій скорбный обликъ. Она заговорила поспѣшно и тревожно:

— Простите, Иванъ Петровичъ, что я такъ поздно, но мнѣ очень, очень надо съ вами поговорить.

Сережа придвинулъ стулъ. Сарра сѣла, и вдругъ заплакала, закрываясь руками.

— Саррочка, что съ вами?—растерянно спрашивалъ Иванъ Петровичъ.—Ахъ, Боже мой, да о чемъ вы плачете?

Онъ неловко суетился около дѣвочки, не зная, что сказать.

— Мнѣ уйти?—тихо спросилъ Сережа.

Но Сарра услышала. Вдругъ перестала плакать и сказала громко и точно со злобью:

— Нѣтъ, пусть и Сережа послушаетъ, что я буду рассказывать. Пусть онъ скажетъ мнѣ, за что, за что?

И опять заплакала горько.

— Саррочка—говорилъ Иванъ Петровичъ,—успокойтесь, выпейте воды. Расскажите, что случилось.

Онъ ласково и неловко гладилъ по головѣ плачущую дѣвочку. Она выjala его руку, порывисто поцѣловала ее и сказала:

— Вы такой умный и добрый, и все понимаете, а я не знаю сейчасъ, что я сдѣлала, поцѣловала или укусила. Я не знаю, что со мною, и за что, за что? Слушайте, я вамъ расскажу, и вы объясните мнѣ это. Мы пошли на станцію встрѣчать раненыхъ, я и Лиза Бѣляева, и Катя Нахтманъ, и еще нѣсколько нашихъ подружекъ и гимназисты были, и Сергій Павловичъ, и еще были люди, ужъ я не помню сейчасъ, кто еще былъ. Но это все равно. Ну вотъ слушайте,—мы знали, что въ нашъ городъ сегодня должны привезти раненыхъ въ новый баракъ, и мы приготовили имъ кофе и угощенье. Но вотъ раненые пріѣхали, и сначала все было хорошо, мы разливали кофе, и сами разносили его, и всѣ были довольны и благодарили. Ну вотъ я подошла къ одному солдату, и подала ему стаканъ кофе, говорю ему: «Купайте себѣ на здоровье!» А онъ посмотрѣлъ на меня такъ сердито, спрашиваетъ: «Ты—жидовка?» Я ему говорю: «Да, я—еврейка, но я—рус-

скал». А онъ замахнулся, вышибъ у меня изъ рукъ стакалъ, и крикнулъ: «Жидовка проклятая!» За что за что?

Сарра упала головою на столъ и плакала, плакала мучительно и долго. Сережа стоялъ и слушалъ. Щеки его ярко покраснѣлись.

— Саррочка,—говорилъ Иванъ Петровичъ,—не судите его строго; онъ раненъ, боленъ, усталъ, можетъ быть бредить; кто-то наказывалъ ему злыхъ словъ, и онъ повѣрилъ. Онъ—бѣдный и темный человѣкъ, и самъ не знаетъ что дѣлаетъ.

— Но за что, за что намъ это?—плача, говорила Сарра.—Отчего никто за насъ не заступился? Вѣдь мы же русскіе! У насъ нѣтъ другой родины, кромѣ Россіи! Мы родились здѣсь и выросли, мы любимъ Россію и все русское, мы учимся въ русской школѣ, читаемъ русскихъ писателей, мы во всемъ во всемъ хотимъ быть съ вами. Полмилліона евреевъ въ русской армиі,—за что же намъ это?

Иванъ Петровичъ слушалъ Сарру, говорилъ ей какія-то бѣдныя, неумѣлыя слова утѣшенія. Голова его кружилась и болѣла. Вдругъ припомнился вчерашній кошмаръ.

Вчера онъ пришелъ изъ гимназіи очень усталый и разстроенный. Послѣ обѣда сѣлъ было просматривать тетрадки. Но такая была усталость, что, посидѣвъ съ полчаса, пошелъ въ спальню, и легъ на кровать, какъ быть въ пиджакѣ. Даже крахмального воротничка не снялъ. Покрылся халатомъ. Лежалъ на правомъ боку, лицомъ къ стѣнѣ, подложивъ руки на подушку подъ голову. Заснулъ. Черезъ часъ проснулся отъ какого-то шума въ домѣ. Но встать не могъ. Лежалъ въ тяжелой дремотѣ, чувствуя, какъ обезкровленъ усталый мозгъ. Вдругъ чья-то рука просунулась изъ-за перегородки къ его лицу,

матная, сѣрая, съ длинными пальцами. Чей-то задѣвающійся голосъ тихо говорилъ:

— Здравствуй, здравствуй.

Иванъ Петровичъ зналъ, что это кошмаръ, но не могъ пошевелиться. Ему было страшно, и казалось, что онъ грызетъ эту вражью руку. Но врагъ смѣялся и не уходилъ. Къ счастью, вошелъ Сережа, тихо сказалъ что-то— и вражьи чары рассыпались. Онъ всталъ съ постели и чувствовалъ какъ холодъ входитъ въ его кости.

«Скоро я умру!» подумалъ онъ. Но эта мысль не была ему страшна. Онъ смотрѣлъ на свѣтлую Сережину улыбку, на его сильныя, стройныя ноги, и думалъ:

«Когда мы все отойдемъ, наши дѣти спасутъ Россію».

IV.

И вдругъ опять звонокъ. Сережа побѣжалъ открывать. Изъ передней послышался его крикъ радостный, пронизанный радостными слезами:

— Мама, мамочка!

Иванъ Петровичъ поблѣднѣлъ. Сарра сказала:

— Я не вовремя пришла. Я уйду.

Иванъ Петровичъ улыбнулся печально и насмѣшливо:

— Остаются, Саррочка, Надежда Николаевна, сумѣетъ тебя утѣшить.

И пошелъ въ переднюю, встрѣчать жену. Самъ не понимая, радъ ли ей.

Сарра передъ зеркаломъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, вытерла слезы, поправила прическу, и отошла къ сторонѣ. Предъ ея глазами словно шмыгъ туманъ, и какъ далекие звучали радостные голоса.

Молодая, смуглая, черноглазая, быстрая женщина оживленно говорила:

— Я тебѣ не успѣю надѣсть, завтра же ѣду дальше. Ну да можешь представить, я выдержала всѣ экзамены какъ полагается и ѣду на войну сестрою милосердія. Ты мнѣ позволъ только переночевать у тебя. Ты спрашиваешь о Виталии Андреевичѣ? Но развѣ ты не знаешь, — вѣдь мы же съ нимъ разошлись! Онъ оказался такимъ черствымъ и сухимъ человѣкомъ. Вотъ то ужъ полная противоположность тебѣ, — совершенно маниакальная психология, твердо вѣритъ въ свои теоріи, ходить въ шорахъ, и всегда счастливъ тупъ и глупъ. Ну, пой меня чаемъ. Сережка наливай! Морозъ отчаянный, пока съ вокзала ѣхала, чуть не замерзла, — вѣдь тамъ въ Питерѣ все больше шлепъ-морозы, а у васъ южнѣе, да похолодѣло. Я вообразила, что у васъ здѣсь чуть ли не розы цвѣтутъ, поѣхала налегкѣ въ осеннемъ. Или это только сегодня такъ холодно? Да ты не думай, что я послѣ войны тебѣ на шею сяду — слава Богу, прокормилась. А это что за тинь тамъ на диванѣ? Учатся въ вѣщи? Пришла побасѣдовать о Лермонтовѣ? Поди на сюда. Ахъ, Эже мой, да это — Сарра!

Иванъ Петровичъ и Сережа улыбаясь смотрѣли на говорливую гостью. Даже Сарра улыбнулась, подходя къ Надеждѣ Николаевнѣ.

— Что, плакала? — всмотрѣвшись въ дѣвочку, спросила Надежда Николаевна. — Иванъ Петровичъ тебѣ двойку вѣшпиль, хочешь выплакать отътуту получше?

— Видишь Надя, — осторожно заговорилъ Иванъ Петровичъ — это очень тяжелая исторія. Видишь въ чемъ дѣло.

И онъ передалъ разказъ Сарры. Надежда Николаевна выслушала внимательно, тряхнула головою, и сказала рѣшительно:

— Стоитъ обращать вниманіе! Очевидно, больной,

разстроенный человекъ. Вѣрьте, Саррочка, все это пройдетъ, русскій народъ разберется во всемъ этомъ. Я сама, когда уѣжала отсюда, была въ кислыхъ и злыхъ чувствахъ. Потому и уѣхала. А какъ пожила съ этими машинно-думающими людьми, такъ вдругъ почему-то опять повѣрила въ русскаго человекъ. Вѣрь и ты, Сарра. Сядись, поговоримъ по душамъ.

V.

Часа черезъ два Иванъ Петровичъ и Сережа вышли проводить Сарру до ея дому. Сарра была уже спокойна и весела. Да и Иванъ Петровичъ и Сережа шагали бодро и говорили весело. Несканданная гостя сумѣла всѣхъ утѣшить и заразить своею вдругъ опять загорѣвшеюся вѣрою.

КРАСАВИЦА И ОСПА.

КРАСАВИЦА И ОСПА.

Въ серединѣ марта Кира Лабазина дѣвушка необычайно-красивая, пришла наниматься въ гувернантку къ двумъ дѣвочкамъ тринадцати и одиннадцати лѣтъ. Не по объявленію, — послала ей отецъ. Въ рукахъ она держала коммандачное письмо. — Отецъ хватилъ — и вѣдунъ — дрожь волнения и смутное воспоминаніе о вѣдунѣ и вѣдунѣ, которые она уже успѣла пережить въ тридцать четыре года своей жизни. Нервы были уже давно повреждены, пока дожидалась минутъ пяти въ гостиной. Вѣдунѣе солнце слишкомъ ярже играло на позолоченныхъ стульяхъ, и ослѣженный отъ яркаго свѣта тускло (дѣстѣль на позолоченныхъ рамахъ картинъ. Домъ богатый, и Кира думала, что ей опять придется уходить скоро.

Вышла дама, стройная, миловидная. Очень молодымъ было сдѣлано у нея лицо и такъ искусно, что простодушные мужчины даже и не подозрѣвали присутствія косметикъ.

Кира робко поднялась со своего стула. Дама, Нина

Андреева, невнимательно взяла письмо. Пробѣгая его глазами, рассказывала, что у нея трое дѣтей; воспитываются дома,—дѣвочки, и четырнадцатилѣтній мальчикъ, Костя. У него студентъ-репетиторъ. Мужъ на войнѣ, полковникъ.

Въ нарядныхъ комнатахъ странно и празднично смѣшались запахи освященной вербы и по-парижскому милыхъ духовъ. Нина Андреевна посмотрѣла на Киру, и сказала:

— О, да вы—красавица!

Кира вдругъ покрасилась очень ярко, и вдругъ заплакала. Нина Андреевна удивилась. Спросила досадливо:

— Что такое? Что вы плачете?

И насторожилась. Такъ трудно найти хорошую гувернантку для дѣвочекъ! Эту отлично рекомендуютъ,—но она такъ красива,—хорошо ли это? И притомъ ни съ того, ни съ сего плачетъ,—что за странность?

Нина Андреевна вопросительно смотрѣла на Киру и ждала отвѣта. Кира горько плакала и говорила:

— Бѣда моя—красота моя! Горе мнѣ отъ нея!

— Бѣда? Горе?—спрашивала Нина Андреевна.— Объясните, пожалуйста, толкомъ. Я ничего не понимаю.

Кира принялась объяснять:

— Ухаживаютъ за мною, пристають. Молодые люди не даютъ прохода.

Нина Андреевна сѣла на диванъ, посадила Киру въ кресло рядомъ, и спросила:

— Отчего жъ вы не выходите замужъ?

И смотрѣла на Киру, все дивясь ея слезамъ и ея красотѣ. Думала:

«Точно у нея тамъ двѣ пипетки выпускають слезку за слезкой».

Слеза за слезкой—а глаза ясные, синие, а лицо прекрасное, одно изъ тѣхъ, которыя даже странно встрѣчать въ жизни.

Кира говорила:

— О, они, эти молодые люди, развѣ хотятъ жениться на бѣдной гувернанткѣ? Одинъ былъ лучше другихъ, я его не любила, впрочемъ, но онъ былъ очень тихъ и милъ. Можетъ быть, я бы и вышла за него—такъ, чтобы спастись. Но онъ пошелъ на войну,—офицеръ, и его убили на войнѣ. А другіе ужасивали грубо и дерзко. Не знаю, ужъ какъ меня Богъ уберегъ. Но сколько мѣстъ пришлось пережънить! Къ вамъ я съ радостью пошла потому, что у васъ нѣтъ взрослыхъ сыновей.

Нина Андреевна засмѣялась. Ея скучающей лѣнни почудилось забавное развлеченіе. Она сказала весело:

— О, да ты, моя милая, недотрога. Это мнѣ нравится. Ты у меня останешься. Ну съ госпожа мимоза, погодимте.

Поговорили и сговорились. На все есть такса,—есть такса и на трудъ гувернантки, сговориться не трудно.

Въ тотъ же вечеръ Кира переѣхала въ квартиру Нины Андреевны и заняла отведенную ей комнату рядомъ съ комнатою студента репетитора. Кира сейчасъ же разложила свое несложное имущество и приступила къ исполненію своихъ обязанностей.

На другой день утромъ горничная Маша позвала Киру къ Нинѣ Андреевнѣ въ спальню.—Нина Андреевна поздно вставала. Въ спальнѣ было розово, полутемно и душно; въ легкомъ еле слышномъ шумѣ вентилятора запахъ тѣхъ же духовъ, что и вчера, казался выдыхающимся.

Нина Андреевна лежала на спинѣ, до горла закрывшись розовымъ одѣяломъ. Лицо ея было въ тѣни,—толь-

ко на нижний край постели и немного дальше падала узкая полоса света от слегка раздвинутой оконной занавеси.

— Здравствуйте, мимоза!—привычно ласковым голосом сказала Нина Андреевна.—Не прячьтесь в тьму, станьте так, чтобы я вас видела. Я вот что хочу спросить: надёюсь у вас привита оспа?

— Привита,—отвчала Кира.

— Ничего привита?—спрашивала Нина Андреевна.

Кира как-будто слегка смутилась. Тихо сказала:

— Нѣтъ, въ дѣтствѣ.

— О, этого недостаточно! — недовольным голосом сказала Нина Андреевна.—Всѣ прививаютъ, можно опасаться заноса эпидеміи, если этого не сдѣлать. Вы знаете, война, всякія болѣзни разносятся. Я и себѣ привила, и дѣтямъ, и всѣмъ, кто у меня живетъ. Надо сегодня же и вамъ привить.

Кира заплакала. Нина Андреевна опять удивилась.

— Въ чемъ дѣло? У васъ, милая, неисчерпаемые источники слезъ. Положимъ, къ вашей очаровательной физиономіи это идетъ, но все же это мнѣ положительно не нравится.

Кира говорила:

— Нина Андреевна, я нарочно не прививала оспы. Если заразусь, такъ у меня не будетъ этой ужасной красивой физиономіи, которая составляетъ мученіе всей моей жизни.

Нина Андреевна засмѣялась.

— Какъ это наивно! Но вѣдь вы всѣхъ насъ заразите?

— Я сейчасъ же уйду, какъ только почувствую себя больной. — поспѣшно отвѣтила Кира, словно оправдываясь.

— Ну, это—вадоръ! А на что же вы будете жить!

— У меня есть на книжкѣ четыреста рублей.

— Вы ихъ должны беречь,—наставительно сказала Нина Андреевна.—а не тратить на ненужное лечене, когда можно предупредить болѣзнь. Ну, мы съ вами еще вернемся къ этой темѣ, а теперь водите дѣвочек гулять.

Кира пошла гулять съ дѣтьми въ Лѣтній садъ, а Нина Андреевна надѣла розовыя бархатныя туфли и флаanelевый капотъ и пошла въ столовую къ телефону позвать знакомую фельдшерицу. Самымъ озабоченнымъ голосомъ, какой только былъ въ ея распоряженіи, она говорила:

— Анна Ивановна, голубушка, къ вамъ просьба усердная. У нашей новой гувернантки оспа еще не привита. Я такъ боюсь за дѣтей.

— Да, конечно, конечно,—шипѣло въ телефонѣ что-то, отчасти похожее на голосъ человѣческій.

— Такъ ужъ вы, Анна Ивановна, пожалуйста, придите къ намъ какъ можно скорѣе.

Оказалось, что какъ разъ черезъ два часа фельдшерица можетъ притти, что у нея есть тубочка съ дегритомъ и все прочее, что можетъ понадобиться. Нина Андреевна отошла отъ телефона успокоенная, и принялась одѣваться.

Кира съ дѣтьми вернулась. Черезъ полчаса ее опять пригласили въ спальню къ Нинѣ Андреевнѣ, и почти насильно привили оспу. Какъ она ни отговаривалась, ничто не помогло. Нина Андреевна даже наконецъ сказала:

— Если вы будете упрямяться, я позову Машу и Зину, онѣ васъ поддержатъ.

Только этого не доставало! Пришлось покориться.

Кира вышла изъ спальни съ краснымъ и злымъ лицомъ. Но и это не дѣлало ее менѣе красивой.

Костинъ студентъ-репетиторъ. Петръ Иванычъ встрѣтился съ нею въ гостиной. Посмотрѣлъ, усмѣхнулся.

— Что? обидели? — участливо спросил он. — У нас барышня забалмошная, но, в сущности, добрая, не хуже прочих из дамского сословия—так что вы ей словь особенно близко къ сердцу не принимайте.

Кира молчала. Но не уходила. Искреннее, доброе участие слышалось ей в словах студента, и это трогало ее теперь особенно. Студентъ продолжалъ спрашивать:

— Что, придралась къ чему-нибудь!

Онъ не былъ очень любознатель, но теперь его почему-то тянуло говорить съ Киру, хотѣлось услышать ее милый, ясный голосъ, смотрѣть въ ее силые, ясные глаза.

Кира потупилась и тихо сказала:

— Оспу привали. Я вовсе не хотѣла. Почти насильно.

Онъ засмѣялся и сказалъ весело:

— Да и меня заставили. Да что жь вы сердитесь? Это—гдѣ!—на вредное.

Кира и ему рассказала, почему ей хочется потерять свою красоту. Вдругъ какъ-то доверчиво и просто рассказала. Точно знала, что онъ не посмѣется, что онъ пожалѣетъ.

Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ на нее. Пожалѣлъ. Какъ-то вдругъ до сердца дошла острая жалость. И вдругъ почувствовалъ, что любить Киру.

«История!»—досадливо подумалъ онъ. Быстро повернулся и ушелъ, точно сердясь на что-то.

Вою Страстную онъ ходилъ, какъ въ чадѣ. Старался почаще быть около Киры, помочь ей, поговорить съ нею. И такъ былъ взволнованъ жалостью къ ней и нѣжною любовью, что и она заражалась отъ него этими смутными и влекущими волнениями.

Въ субботу послѣ завтрака Нина Андреевна взяла дѣвочекъ съ собою къ одной изъ своихъ старыхъ род-

стенницъ. Студентъ постучался въ дверь Кириной комнаты. Кира встрѣтила его на порогѣ смущенная и взволнованная почему-то. Сказала:

— Пойдемте лучше въ гостиную.

— Ладно—согласился Петръ Ивановичъ,—въ гостиную, такъ въ гостиную.

И уже по дорогѣ въ гостиную заговорилъ:

— Послушайте, Кира Сергѣевна, на кой чертъ сидятъ вамъ этотъ городъ?

— А такъ же?—съ улыбкою спросила Кира.

— Поважайте въ деревню, работайте для народа,—горячо и убѣжденно говорилъ Петръ Ивановичъ.—Тамъ жить адовое, вѣдь это? чѣмъ ага ограда.

— Да я—горожанка—сказала Кира.

— Все это—ерунда!—воскликнулъ студентъ.—Вотъ я кончу, сдамъ государственные, и въ деревню,—жить, работать. Полною жизнью жить.

— Что жъ вы тамъ будете дѣлать?—спросила Кира.

— Ну, тамъ дѣла своего хватитъ. Общественнымъ работамъ, въ видѣхъ будущаго молодой трудовой Россіи. Вотъ бы и тамъ со мною.

Глаза его блестѣли. Кира уже и раньше замѣчала, что онъ влюбленъ. Для нея это была обычная жгучая и привычный страхъ охватилъ ее.

«Опять уходитъ?» подумала она.

Привычка оспа томилъ ее въ обществѣ и озабоченъ. Руку страшно и неприятно тянуло,—оспа принялась очень хорошо.

Петръ Ивановичъ заглянулъ ей въ глаза. Говорилъ, волнуясь мило и молодо:

— А? подумайте, да и махните со мною. Право, хорошо будетъ. Я васъ устрою учительницею. Или быть можетъ, надоѣло съ дѣтвораю возиться? Такъ вѣдь тамъ

не такие ребята, как здѣсь. А то и при другомъ дѣлѣ устроить можно. Работы много, работниковъ мало.

Что-то простое и хорошее протянулось отъ его глазъ къ ея душѣ. Она тихо сказала:

— Сама-то я ничего не знаю, никуда не поѣду! Даже въ сестры милосердія не догадалась пристроиться.

И поспѣшно ушла къ себѣ. Поплакала немножко. Много плакать нельзя было,—дѣвочки вернулись, и уже почти все время были съ нею.

Ночью въ церкви было ясно, празднично и радостно. Кира вдругъ забыла все, что томило,—и оспа мучила меньше, и о красотѣ своей не думалось въ этомъ благолѣши праздничной службы.

Христосуясь послѣ заутрени, студентъ тихо спросилъ:

— Любишь меня, Кира?

Сама не зная Кира, какъ отвѣтила:

— Люблю.

— Въ деревню со мною поѣдешь?

— Поѣду.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Наши Перемишль взяли!— радостно сказала Ирина Григорьевна, входи в столовую, где уже сидеть и дожидался обѣда, хмуро читая вечернюю газету; Виктор Александрович Стогоровъ.

Онъ взглянул на Ирину: радостно, широко улыбнулся, и пробормоталъ:

— Читалъ уже эту радостную вѣсть.

У Ирины заняло сердце, и задрожали губы. Она сѣла на свое мѣсто гадивать супъ. Знала, что неизбеженъ непрятный разговоръ, и что опять онъ сочтется равною выпивкою.

Для этого-то вѣсть человека она оставила мужа и дѣтей! Правда, Стогоровъ умѣетъ быть мило, любезенъ, остроуменъ даже, когда захочетъ. Но эта его странная неприязнь ко всему русскому, это его презрѣніе къ русскому приятному мужику, къ низкой русской культурѣ—это его необычайное превлечение сердца въсѣмъ, на чемъ стоитъ ярлыкъ: «сдѣлано въ Германіи!»

Прежде Ирина не замѣчала всего этого. Казалось

естественнымъ, что человѣку нравится хорошее чужое и не нравится худое свое. Ни къ чему было, что въ своемъ Стогоровъ никогда ничего хорошаго не видѣлъ. Но война вскрыла всѣ эти странныя противорѣчя.

Ирина старалась не слушать ядучихъ разсужденій Стогорова, и думала о своемъ. Объ оставленномъ мужѣ. Было сладко думать о томъ, что онъ прислалъ ей съ войны два письма. Теперь онъ уже командуетъ полкомъ. Былъ въ бояхъ, ни разу не раненъ. Письма такія милыя, дружескія, точно ничего и не было, точно къ сестрѣ пишешь. Правда, Ирина сама начала переписку.

Такъ задумалась, что совсѣмъ забыла о Стогоровѣ. Только его сердитый вскрикъ разбудилъ ее.

— Вамъ, кажется, не угодно отвѣчать на мои вопросы? Чѣмъ я заслужила такую немилость?

— Извини, я задумалась,—краснѣя, какъ молоденькая дѣвушка, отвѣчала Ирина.

Вдохнула. Да опять разсужденія о войнѣ, придиричивыя о русскихъ, хвалебныя о нѣмцахъ. Надобно отвѣчать, участвовать въ разговорѣ. Еле досидѣла до конца обѣда.

Послѣ обѣда сказала:

— Мнѣ надо сегодня поѣхать къ Кирилловымъ.

Стогоровъ промолчалъ.

На улицѣ пахло весной. Небо было синее и сладостно-ясное, вечерѣющее небо ранней весны. Последнюю вербу купила Ирина у веселаго, краснощекаго отъ холода мальчика въ синей маминѣ кашакейкѣ. И потянуло ее идти къ дѣтямъ.

Ихъ двое,—мальчику Сережѣ пятнадцать, дѣвочкѣ Лизѣ тринадцать. Она у нихъ бываетъ почти каждую недѣлю. Всегда по секрету отъ Стогорова. Чувствуетъ, что они ее жалѣютъ и осуждаютъ. Съ ними живетъ сестра ихъ отца; у нея тоже дѣвочка, на годъ помоложе Лизы.

Когда уже Ирина подошла по шумной улице к углу того переулочка, где, во второмъ домѣ отъ угла, жили ея дѣти, странное волнение охватило ее, и она быстро повернула назадъ. Прошла немного, и стыдно ей стало.

«Что со мною?»

Она пошла опять и опять у того же угла точно что-то отбросило ее назадъ. И такъ нѣсколько разъ подходила она къ переулочку, и уходила. Наконецъ ушла.

И всю недѣлю почему-то не рѣшалась идти къ дѣтямъ. Наконецъ ужъ въ понедѣльникъ на Страстной, опять послѣ обѣда съ неприятнымъ разговоромъ о германской культурѣ и о русской дикости, отправилась туда.

Съ сильно бьющимся сердцемъ Ирина повозила у дверей той квартиры, которую она еще такъ недавно называла своею. Никогда еще она такъ не волновалась передъ этою дверью, какъ теперь. И сама не понимала, почему. Точно зрѣло въ душѣ какое-то рѣшеніе.

Какъ всегда, выбѣжали въ переднюю встрѣчать ее веселыя прытки дѣти и за ними вышла Наталья Сергѣевна, какъ всегда озабоченная, съ чуть-чуть растрепавшеюся прическою.

— Милая Наташа! — сказала Ирина, обняла ее, и вдругъ заплакала.

Дѣти притихли. Лиза взяла за маминъ рукавъ, и ужъ сама собиралась плакать.

— Что съ тобою, Ириночка? что такое? — растерянно говорила Наталья Сергѣевна. — Да пойдемъ ко мнѣ — успокойся. А вы, дѣти, идите себѣ идите.

Входя въ комнату Натальи Сергѣевны, Ирина говорила:

— Боже мой, Боже мой, какъ я устала! У тебя такъ хорошо, Наташа, такое благообразие во всей вашей жизни, — и лампы, и цвѣты, и смѣхъ дѣтскій, и говоръ веселый. А у меня...

— Опять поссорились? — спросила Наталья Сергеевна.

— Онъ меня измучил! — воскликнула Ирина. — Можешь быть, тебѣ это смѣшно покажется, но онъ заставилъ меня почувствовать въ себѣ русскую душу, любовь къ Россіи, любовь ко всему, о чемъ мы такъ легко забываемъ. Заставилъ гдѣмъ, что онъ все это ненавидитъ, все это прокликаетъ. Его злоба вызвала отпоръ въ моей душѣ.

— Зачѣмъ же ты съ нимъ? — спросила Наталья Сергеевна.

— Сама не знаю, зачѣмъ. Сначала любила, теперь ненавижу. Если бы Володя былъ здѣсь, я бы пришла къ нему просить, чтобы онъ опять пустилъ меня къ себѣ и къ дѣтямъ.

— Какой вѣдоръ! — сказала Наталья Сергеевна. — Тебѣ не надо просить объ этомъ, онъ будетъ радъ, ты одѣлаешь ему радостный праздникъ.

— Мнѣ стыдно, я не смѣю, — говорила Ирина.

Наталья Сергеевна замахала на нее руками.

— Молчи, молчи! — сказала она.

Раскраснѣвшаяся и взволнованная она быстро пошла къ двери, и вытряхнула громко:

— дѣти! дѣти!

Слышенъ былъ веселый топотъ трехъ паръ дѣтскихъ ногъ. Ирина сидѣла, уткнувшись лицомъ въ платокъ, и плакала, плакала. Какъ сквозъ туманную завѣсу доносился до нея голосъ Натальи Сергеевны изъ коридора:

— Сережа, Лиза, мама останется съ вами.

Дѣти завязками отъ радости, и шумно вбѣжали въ комнату. Смущенно остановились на порогѣ.

— Мама плачетъ! — сказалъ Сережа.

Ирина опустила платокъ, и засмѣялась. Мокрая отъ слезъ щеки ея были румяны.

— Мама ваша глупая! — сказала она. — Мама боится вашего отца, и не знает, что он скажет, когда узнает, что я вернулась.

Сергея, мальчик с такими же быстрыми и веселыми глазами, как у отца, подошел к матери, обнял ее, и сказал:

— Мы пошлем папѣ письмо, и я знаю, что онъ отвѣтитъ.

— Что, милый? — спросила Ирина.

И со страхомъ смотрѣла на сына, и съ надеждою. А онъ смѣялся и молчалъ.

— Ну, что, что отвѣтитъ? — кричала любопытная Лиза.

— Догадайся сама! — говорилъ Сергей.

Но всмотрѣлся въ испуганные мамини глаза, и ему стало стыдно мучить и дразнить маму. Онъ поцѣловалъ ее прямо въ губы, и сказалъ:

— Папа отвѣтитъ: Христосъ воскресъ!

И во всемъ стало радостно, божились и мажались.

НАДЕЖДА ВОСКРЕСЕНІЯ.

НАДЕЖДА ВОСКРЕСЕНИЯ.

Сестры ушли къ завтрашней, веселья и нарядных, а Ирина осталась дома.

— Мнѣ будетъ лучше освѣтлѣть одной, — говорила она, — помолюсь, подумаю о Костѣ, отдохну и встрѣчу вась а вы мнѣ скажете: Христосъ воскресъ.

— Хорошо, только ты не очень плачь, — сказала старшая, веселая Екатерина.

Она была замужемъ за врачомъ, который своимъ военнымъ долгомъ въ одномъ изъ дѣльскихъ лазаретовъ у нея было двое дѣтей, и жизнь казалась ей очень въ общемъ хорошею.

Когда уходили, младшая сестра, Евалалія, удумавъ минутку остаться наединѣ съ Ириною, и, быстро зацѣпывая ее въ дверяхъ гостиной, идѣ на горѣло изъ одной лампочки, шепнула ей:

— Пошлачь, Иринупшка.

У Евалаліи женихъ, какъ и у Ирины, тоже ушелъ на войну. Ирининъ женихъ убитъ на рѣкѣ Ваурѣ, а Евалаліинъ женихъ раненъ и взятъ въ плѣнъ въ восточной Пруссии. Евалалія понимала, что слезы — хорошо. И, когда она сама плакала, ей легко становилось.

Ирина прошла по квартирѣ. Съ улицы доносились веселые голоса. Въ столовой уже накрытъ былъ праздничный столъ. Пахло мирно и домашне. Гиацинты смѣшивали свой тонкій ядъ съ темными дыханьями ванили, миндаля, шафрана и кардамона. И этотъ смѣшанный ядъ благоуханій былъ для Ирины зовомъ смертной тоски.

Прошла въ кухню—и тамъ пусто. Всѣ ушли.—Ирина одна, оловѣмъ одна.

Вернулась къ себѣ. Надо надѣть бѣлое праздничное платье, снять на одинъ этотъ день свой черный трауръ.

Вотъ оно лежитъ, все бѣлое, перекинутое на спинкѣ голубого кресла. И передъ нимъ на полу пара бѣлыхъ туфель и на кровати бѣлые шелковые чулки.

«Помолюсь немного».

Опустилась на коѣшнѣ передъ образомъ, ясно сияющимъ огоньками лампы на бѣлой серебряной ризѣ Богородицы Милующей. Донесся издалека гулъ выстрѣла—половина двѣнадцатаго вѣка. Уличный шумъ здѣсь былъ неслышенъ,—Ирина въ комнатѣ во дворѣ.

Ирина склонилась передъ образомъ, забылась молитвою, какъ легкимъ сномъ. Сгорѣло время, и весь мѣръ свѣтлся и передъ нею стоялъ онъ, ея милшій, ея Николай, убитый. Лицо его печально и строго, и онъ спрашиваетъ:

— Ирина, любишь ли ты меня?

— Люблю—говоритъ Ирина.

— Ты меня никогда не забудешь,—говоритъ онъ.

Очнулась Ирина. Никого. Мерцаше лампы, голубой занавѣсъ окна, синя стѣны. Одна. И слезы льются, льются. И знаетъ Ирина, что ея Николай всегда съ нею, на всю жизнь и въ этомъ горе, и въ этомъ радости.

И опять какъ легкимъ сномъ, забылась молитвою. И опять Николай стоялъ передъ нею. И казалось Ирину, что множество съ нимъ предстоитъ ей воиновъ.

И опять спросил Николай:

— Ирина, любишь ли ты меня?

И опять ответила Ирина:

— Люблю.

Николай говорил ей:

— Если ты хочешь, чтобы любовь наша была безсмертна, люби техъ, кто со мною. Слушай меня, Ирина, — люби народъ мой и твой и всегда будь съ народомъ во всехъ судьбахъ его и на всехъ путяхъ его.

Вскинулась Ирина, точно окрыленная великимъ порывомъ. Разбилась молитва, разъялся сонъ — опять никого, опять одна въ синихъ стѣнахъ передъ яснымъ лампаднымъ мерцаньемъ.

Слезы льются, льются, и дрожатъ ноги, на полу холодѣя и сердце бьется тяжело и тоскливо.

Народъ мой, народъ мой возлюбленный, темна судьба твоя и затраждены пути твои и замузакенъ взоръ твой, — но буду, буду съ тобою на всехъ путяхъ твоихъ, народъ мой, тяжело страдающій.

И третій разъ склонилась и третій разъ потрудилась въ молитву, какъ въ утѣшампй сонъ. Передъ лампадой и въ свѣтъ ширился и слышала она ликующае звучанье. И опять стала передъ нею милый ей ей Николай. Лицо его было свѣтло и радостно, глаза его сияли, какъ неугасимыя лампы, и голосъ его звучалъ торжественномъ воскресенъ, когда онъ въ третій разъ спросилъ Ирину:

— Ирина, любишь ли ты меня?

— Люблю — радостно ответила Ирина.

Говорилъ Николай:

— Люби меня, люби народъ мой, вѣрь и не бойся и надѣйся на воскресеніе наше. Кровью нашею, тропиткою въ изобилии и пылающе жарко, озарили мы судьбы народа нашего, и пути его станутъ правы, и тьма совѣтсѣ ис-

чезая передъ взоромъ его. Слушай меня, слушай, Ирина,—въ надеждѣ воскресенія будь съ народомъ моимъ и воскреснеть, и воскреснемъ.

И кѣтъ никого, и опять одна Ирина и радость безмѣрная съ нею.

Бѣлыя, праздничныя одежды взяла бережно, любуйся ими, слушая дальнѣйшій звонъ благовѣста. Бѣлыя одежды надѣла на себя радостно и благоговѣйно, и такое торжество было въ душѣ, точно радостные ангелы помогли ей облачаться одеждамъ знаменующими надежду воскресенія.

Радостная вышла изъ своей комнаты, вездѣ зажгла опши, ждала сестеръ. Вотъ и онѣ.

— Христосъ воскресъ!

— Воистину воскресъ.

Обнимаетъ, цѣлуетъ, смѣется.

— Не плакала?—спрашиваетъ Екатерина.

— Поплакала, милая?—шепчетъ Еввалія.

— Онъ приходилъ ко мнѣ трижды—говоритъ Ирина,—милый мой говорилъ со мною трижды и принесъ мнѣ надежду воскресенія. Знаю, воскреснемъ всѣ мы, и возстанетъ народъ мой. Сестры не смотрите на меня, какъ на безумную,—я рада, я счастлива.

— Счастливая Ирина! — шепчетъ Еввалія обнимая ее.

Екатерина пожимаетъ плечами и говоритъ насмѣшливо и ласково:

— Если плакать, такъ, ради Бога, не долго. И пойдемте поскорѣе въ столовую,—я немножко проголодалась.

НЕУТОМИМОСТЬ.

НЕУТОМИМОСТЬ.

Быль въ концѣ нежаркаго лѣта день праздничный, теплый, слегка туманный. Туманъ, пронзанный горьковатымъ запахомъ гари, стоялъ уже пятый день. Сегодня онъ разсѣивался небо сверху свѣтло голубило и призрачныя очертанія высокихъ тучъ ужасно рѣдѣли на немъ. Подъ пеленою рѣдкаго тумана поля, вѣдѣ не показывавшія деревья и словно недвижная рѣка, уединенно голубая, казались легкими и блаженными. Если задуматься замечаться, забыть, то можно было вообразить себя перенесеннымъ въ обители блаженныхъ душъ. Къ тому же и людей не было видно. Надъ рѣкою недавно пронеслись свистки двухъ трехъ пароходовъ, а теперь широкая грудь ея звучно дышала легкими отголосками прибрежной тишины.

Прислонясь спиною къ березѣ на высокомъ берегу, на мшистой землѣ сидѣлъ мальчикъ смутный, загорѣлый, босоногий, въ короткой свѣтлой одеждѣ. По лицу ему можно было дать пятнадцать лѣтъ, да стоило ему

и на самомъ дѣлѣ было. Онъ жадно читалъ книгу, быстро передвигая страницы нерѣдко возвращаясь къ прочитанному. Тогда онъ прывадумывался на минуту, и складка умственного напряжения стѣсывала его черныя, двумя тугими дугами изогнутыя брови.

Послышался шорохъ приближающихся шаговъ. Мальчикъ обернулся досадливо. Увидѣлъ подходящую дѣвочку съ кистью крупной рябины въ рукѣ, и улыбнулся радостно. Какъ всегда, съ любованіемъ смотрѣлъ онъ на свою подругу, и ему было пріятно, что она веселая, красивая и стройная. Въ красномъ сарафанчикѣ, босикомъ. Только годкомъ моложе его, и очень дружна съ нимъ.

Поздоровались. Мальчикъ увидѣлъ на ея загорѣлой ногѣ обхватывающую подъемъ стопы неширокую бѣлую повязку. Онъ спросилъ:

— Что, Катышокъ, «порѣзала ноженьку голую»?

Катя засмѣялась. Съѣла рядкомъ съ мальчикомъ и говорила:

— Вчера въ полѣ. Серпомъ неловко махнула. Хочешь рябины? Она уже вкусная. Нарочно для тебя сорвала.

— Спасибо, Катышокъ. Косоланые мы съ тобою, Катышокъ, неловкіе пока. А туда же помогать пошли. Ну да ничего, въ будущемъ году, пожалуй, у насъ дѣло лучше пойдетъ.

Катя прислонилась плечомъ къ его плечу, и сказала:

— Я, Лаврикъ, и этимъ дѣломъ очень довольна.

— Оно лучше прошлаго?—спросилъ Лаврентій.

— О, да! — съ убѣжденіемъ отвѣчала Катя. — Я и представить не могла, что это—такъ трудно, тяжело до изнеможенія и въ то же время такъ радостно.

Лаврентій улыбаясь смотрѣлъ на нее, и говорилъ:

— Пятьдесят лѣтъ тому назадъ сюда къ рѣкѣ выходилъ паренекъ въ родѣ меня, и горланялъ звонко:

Во полѣ твѣточки
Расцвѣтали,
Во дувахъ дѣвочки
Гуливали.

— А тысячу лѣтъ назадъ только волки здѣсь рыскали, да лѣсъ дремучій пугмѣль. Отъ лѣта къ лѣту на землѣ все становится лучше, отъ вѣка къ вѣку. Сама природа учится у насъ, и теперь она тоньше, духовнѣе, больше знаетъ и благосклоннѣе къ намъ, чѣмъ тогда когда на землѣ жилъ нашъ человѣкоподобный предокъ.

Кати улыбнулась. Покачала головою. Сказала:

— Расхвастался ты что-то ужъ очень Лаврикъ. Развѣ мы лучше нашихъ отцовъ?

— Не лучше, а счастливѣе,—уверенно сказала Лаврентій,—удачливѣе.

— Послушала маму,—говорила Кати,—мы гораздо поплоче. Очень по землѣ ходимъ вверхъ не полетимъ.

Лаврикъ вслыхнулъ. Заговорать горячо:

— Ну, да, знаю. Это наши старшие братья и сестры много лишняго наболтали. Насчетъ своей практичности, своей близости къ жизни, своего отвращенія къ всему неясному. Но это не то, совсѣмъ не то. Между нами есть всякіе, по-разному смотрящіе на жизнь. Но главное у насъ то, что мы просто удачливѣе вышли.

Дѣти часто бесѣдовали на такія темы. Они сходились часто и зимою, и лѣтомъ. Жили рядомъ и въ городѣ и здѣсь на дачѣ. Родители были дружны. А мальчикъ и дѣвочка почему-то были уверены, что они такъ и родились другъ для друга, и любили одинъ другого чистою и тихою любовью. Настроения у нихъ были добрыя и спо-

войны, хотя грозовой годъ коснулся ихъ семей опалю-щимъ дыханьемъ: Катинъ отецъ артиллерійскій прапор-щикъ запаса, былъ раненъ и ваять въ плъчѣ; отецъ Ла-вренція, пѣхотный капитанъ, долго лежалъ въ лазаретѣ, гдѣ ему отрѣзали правую ногу до колѣна. Искусствен-ная нога была сдѣлана очень хорошо; Алексѣя Николае-вича отпустили домой, въ отставку. Здѣсь онъ учился все лѣто владѣть ногою, хотя до послѣднихъ дней не рѣ-шался расстаться съ костылемъ и не столько потому, что нога служила плохо, сколько потому, что еще чувство-вала себя нѣжко не окрѣпшимъ послѣ чудовищныхъ по-трясеній войны.

— Вотъ хоть бы те ваять,—сказалъ Лавренцій еще болѣе краснѣя и волнуясь,—какъ наши отцы были не тверды и не увѣрены въ своей любви.

Катя опустила глаза. Она знала, что у ея отца есть дѣти отъ другой женщины. Знала и то, что Людмила Павловна, мать Лавренція, вышла за Алексѣя Николае-вича послѣ того, какъ развелась съ своимъ прежнимъ мужемъ. Да она знала, что родители ихъ измѣнчивы и въ чувствахъ, и въ мнѣніяхъ своихъ.

— А мы?—тихо спросила она.

— А мы не разлюбимъ, не измѣнимъ, и ты сама это знаешь,—увѣренно сказалъ Лавренцій.

Катя подняла глаза—и глаза ихъ встрѣтились. Съ минуту они смотрѣли другъ на друга, точно въ роковомъ поединкѣ скрестивъ испытующе взоры. И потомъ они разомъ вдругъ улыбнулись увѣренно и нѣжно. Острая сладость пронизала сердца ихъ, и они поняли еще разъ, что ихъ двѣ жизни сплетены навѣки. Такъ радостно бы-ло имъ ощутить въ себѣ вѣрное бѣніе мужественныхъ сердецъ, готовыхъ отвѣтить на всякій зовъ быстропроно-сящейся жизни.

Легкія тѣни призрачно легли на высокій берегъ, на влажную траву, и заблестали радостныя росинки, точно по зарѣ утромъ. На небѣ, сквозь мгlistый туманъ пламени, неяркое но еще высокое стояло солнце. Благостно глядя въ смѣющіеся глаза дѣтей, не ослѣпляя поднятыхъ къ нему дѣтскихъ взоровъ. Было все вокругъ благостно, тихо и чисто, какъ въ обители блаженнѣхъ. И съ простодушнымъ восторгомъ смотрѣла Катя на своего друга.

Послышались невдалеку звуки домашняго колокола. Лаврикъ хмуро улыбнулся, и въ голосъ его слышались отгѣвкомъ досады, когда онъ говорилъ:

— Зовутъ обѣдать. Сядемъ за егерь, Даша и Иади будутъ намъ служить и будутъ господа и рабы, и никому это не странно.

— Не господа и рабы, а богатые и бѣдные, — сказала Катя.

— Въ совершенномъ обществѣ такъ не живутъ, — сказалъ Лаврентій. — Только холостяки могутъ быть богаты, а люди всѣ до одного должны жить въ радостной, безпечной нищетѣ. Въ парадныхъ дворцахъ будетъ блескъ, великолѣпие и веселье, и въ таинствѣ дождя уютъ поной простота.

— Теперь не такъ, — сказала Катя.

— Мы, Катя, все это перемѣнимъ, когда будемъ хозяйками въ нашемъ дому.

Катя улыбалась, и молча смотрѣла на него. Лаврикъ подумалъ вдругъ, что еще не скоро имъ быть хозяйками въ ихъ дому. Ну, что же! — подумалъ онъ — подождемъ, вѣдь не мы домъ строили.

— Научимся, построимъ новый, — сказала онъ вслухъ.

Катя понимала. Не первый разъ о домѣ своемъ говорили они — о недостроенной хранилѣ русскаго бытѣ.

— Къ намъ вечеромъ придете?—спросила она.
— Да. Сегодня весь день дома, завтра опять въ поле.
— И отчего это такой туманъ?—досадливо спросила Катя.

Лаврентій засмѣялся.

— Я читалъ въ здѣшней газеткѣ,—это оттого, что въ Сибири тайга горитъ.

— Ну? такъ далеко приколъ? — съ удивленіемъ спросила Катя.

— Можетъ быть и правда—говорили Лаврентій.— На землѣ все связано одно съ другимъ. Здѣшние мужики говорятъ, что тамъ, гдѣ-то за Волгой, торфяныя болота горятъ. А мыѣ знаемъ. Катышокъ, нравится этотъ туманъ. Такъ сивозъ него все красиво, какъ во снѣ праздничномъ. Словно что-то лучше жизни.

— Лучше жизни нѣтъ ничего.—съ убѣжденіемъ сказала Катя.

Лаврентій посмотрѣлъ на нее строго. Она повела тонкимъ плечикомъ, и сказала:

— Если понадобится, я отдамъ жизнь за другихъ. Скупиться не стану, но все-таки это самое лучшее, что у насъ есть.

По узкой тропкѣ поднимались они на дорогу, и разошлись каждый къ себѣ.

Лаврикъ поднялся на террасу, гдѣ обѣдали. Отецъ въ сѣро-зеленомъ кителѣ стоялъ въ дверяхъ изъ гостиной, прислонясь къ косяку двери, и улыбался. Отъ улыбки его суровое, исхудалое лицо совсѣмъ перемѣнялось и казалось добрымъ, простымъ и такимъ красивымъ, что становилось понятно, какъ въ этого человѣка должны были влюбляться женщины.

— Гдѣ же твой костыль?—опасливо спросилъ Лаврикъ.

— Да что, братъ, костыль, — дома остался. Учусь пользоваться искусственною ногою. Ничего, кожу понемногу. Отдохнуть нервы стали покрѣиче, и уже не тянетъ каждую минуту, какъ прежде, за костыль хвататься, чтобы не упасть.

Говоря это, Алексѣй Николаевичъ почти совсѣмъ равно подошелъ къ столу, и сѣлъ рядомъ съ женою. Людмила Павловна была, очевидно, озабочена чѣмъ-то, и лицо ея подъ легкимъ сѣвернымъ загаромъ показало Лаврентію поблѣднѣвшіе и осунувшіеся. Она смотрѣла на мужа съ неопредѣленнымъ выраженіемъ. Лаврикъ удивился, хотѣлъ что-то спросить но удержался. Мать слегка вздохнула, окинула Лаврентія привычно-внимательными, привычно-заботливыми глазами, и замѣтивъ въ его рукахъ, вмѣстѣ съ книгою, полуосипавшую вѣтку рябины, спросила:

— Съ Катею былъ?

— Да, мамочка.

Отецъ былъ оживленъ, неспокоенъ. Ему хотѣлось говорить, спорить. Онъ сказалъ женѣ, указывая на Лаврентія:

— Ты знаешь? Онъ тебѣ развивалъ свои теоріи? Какъ же у него уже есть своя собственная теорія насчетъ новаго поколѣнія. Онъ уже на насъ нѣмного свыбска смотритъ.

Лаврентій слегка покраснѣлъ.

— Избави Богъ, папочка. Вы — герои.

— Да, да, герои, но... Гдѣ твое но? — съ легкою насмѣшливостью говорилъ отецъ. — Вотъ въ этомъ твоёмъ но и заключается вся соль. Ну, говори, говори, сбѣснись нечего.

Лаврентій легонько пожалъ плечами, и говорилъ:

— Вы — герои, но не возни. Вы способны на такіе

подвиги, которыхъ устращивались бы славнѣйшіе герои древности, но все же вы слишкомъ герои. Вы годитесь для подвиговъ, для самопожертвованія, ваша цѣль — слава, и вы если побѣдите, то случайно. А вотъ мы будемъ воинами. Не героями, а машинами для побѣды. И насъ никто не побѣдитъ. Нами Россія будетъ сильна и непобѣдима. И насъ никто не измѣнитъ—мы доглядимъ.

Алексѣй Николаевичъ засмѣялся.

— Какая великолѣпная самоувѣренность! Ну, а что ты сдѣлаешь если тебѣ твоя Катя измѣнитъ?

Лаврикъ самоувѣренно улыбнулся.

— Я знаю, что этого не будетъ,—спокойно сказалъ онъ.—Вѣдь мы не потому будемъ другъ другу вѣрны, что я очарованъ ею, а она мною.

Людмила Павловна спросила досадливо:

— Любовь безъ очарованія? Это что же такое?

— Чистая любовь,—опять легко вспыхивая, сказалъ Лаврентій.—У насъ все будетъ безъ печалей: нравственность безъ угрозы, долгъ безъ принужденія, любовь безъ безумства.

— Вино безъ алкоголя?—спросилъ отецъ.

— Опьяняться не будемъ,—отвѣчалъ Лаврентій.— Просто и вѣрно проживемъ. Катышокъ для меня, а для нея,—иного намъ не нужно. Влюбляться въ красавицъ и въ красавцевъ не станемъ. Красоты намъ не надобно.

Отецъ вздохнулъ. Сказалъ:

— Что будетъ, этого никто не знаетъ. Намъ достаточно знать, чего мы сами хотимъ. Вотъ мнѣ отняли ногу, поставили искусственную, но я хочу ходить, и хожу. Хочу воевать, и буду. Если хочу, значить, и могу. Долгъ безъ принужденія—это, Лаврикъ, не выше изобрѣтеніе; этому вы у насъ научились.

Мать съ укоромъ посмотрѣла на Лаврика. Онъ покраснѣлъ и опустилъ глаза въ тарелку.

Туманъ надъ рѣкою становился гуще. По рѣкѣ бѣжалъ пароходъ, большой пассажирскій, тяжело и равномерно дыша стальными легкими своей машины, сверкая веселыми огнями. Когда онъ прошелъ гѣни въ саду точно еще болѣе сгустились, и вдругъ на бѣлые стволы березъ упали мелькающіе багровые отбѣты. Горничная Даша воскликнула:

— Батюшки, да никакъ это горитъ гдѣ-то!

И въ эту же минуту загудѣли тревожные звуки набата въ ближней церкви.

Лаврикъ выскочить изъ-за стола, и съ легкостью либонго проворнаго звѣрька бросился въ свою комнату одѣваться. Черезъ минуту онъ уже выбѣжалъ опять на террасу, на ходу поправляя завернувшійся неловко подъ правымъ коленнымъ сѣрый чулокъ.

— Уже готовъ?—спросилъ Алексѣй Николаевичъ.

— Всегда готовъ!—крикнулъ Лаврикъ.

Онъ бѣжалъ по боковымъ дорожкамъ къ дорогѣ въ село.

— Всегда готовъ,—тихо повторилъ отецъ.

Онъ подвинулся къ женѣ, взять ея руку, пожать крѣпко. Людмила Павловна молча, сдержанно улыбаясь, глядѣла на него. Плечи ея слегка дрожали.

— Тебѣ холодно Людмила?—спросилъ онъ тихо.

— Нѣтъ,—такъ же тихо отвѣтила она.

Помолчали. И опять тихо заговорилъ офицеръ съ суровымъ, загорѣлымъ лицомъ:

— Что жъ Людмила, нога служить очень хорошо. Я думаю, меня возьмутъ. Куда-нибудь пригложусь. А Людмила, что скажешь? Отпустишь меня?

Она нагнулась, заплакала. Потомъ посмотрѣла на

мужа. Отрадание было на лицѣ ея, но лицо ея было свѣтлое. Алексѣй Николаевичъ обнялъ ее за плечи, привлекая къ себѣ, и глядѣть на нее сурово и нѣжно.

— Когда же это кончится, Алексѣй?—сказала она.— Но ты не думай, я не рошщу. Боже мой, если такъ надо,— что же я? Вѣдь я такая же, какъ и всѣ эти миллионы солдатскихъ и офицерскихъ женъ. Отъ Бога, отъ людей, отъ родины мы взяли долю счастья, намъ надо брать и долю печали и трудовъ.

— Надо, Людмила, надо,—съ суровою нѣжностью говорилъ Алексѣй Николаевичъ, тихонько поглаживая жену по спинѣ.—Потерпимъ до конца. Людмила, чтобы нашимъ дѣтямъ было легче.

— Алексѣй—спросила она, глядя на мужа усталыми, печальными глазами,—можетъ быть, нашимъ дѣтямъ будетъ еще труднѣе?

— Можетъ быть, Людмила—спокойно отвѣтилъ онъ.—Потому-то мы и должны воспитывать ихъ такъ, чтобы имъ всякая тяжесть жизни была въ подъемъ.

ДЕНЬ ВСТРЪЧЪ.

ДЕНЬ ВСТРЪЧЬ.

I.

Въ жизни мирныхъ обывателей Россіи, Германіи, Франціи и Англии въ началѣ дѣла 1914 года ничто не предвѣщало близости и необходимости войны. Всѣ, какъ всегда, занимались своими дѣлами и дѣлишками, а если иногда и заходили разговоры о войнѣ, то она все же казалась еще очень далекою. Европейцы привыкли къ своему домашнему міру, и онъ казался имъ неизбѣжимымъ. Жили спокойно, какъ у подножья давно дремавшаго вулкана наканунѣ внезапнаго изверженія. И не знали, что скоро всѣ они будутъ захвачены могучимъ потокомъ мировыхъ событій. Но уже еле-зримая тѣнь этихъ событій зловѣще ложилась на дѣла и на помыслы людскія...

Розовые и бѣлые цвѣли каштаны. Въ воздухѣ тихой, чистой деревни Розенау мило звучали птичьи щебеты и звонкіе голоса только что опущенныхъ изъ школы дѣтей. Блѣдно-красная черепица кровель на темно-красныхъ кирпичныхъ домикахъ казалась только что вымытою прилежными хозяйками, но вымыта была она про-

шедшимъ вчера веселымъ теплымъ дождикомъ, хозяйки же въ этотъ часъ мыли плитняныя ступеньки своихъ домовъ.

Въ саду и въ огородѣ около школы песочныя дорожки были гладки и грядки были ровны, и яблони, обѣщая хороший урожай, радовали глаза. И все было чисто и прибрано въ комнатѣ молодой учительницы Гульды Кюнеръ.

Гульда стояла у окна и разсматривала свои башмаки, наклонившись слегка и приподнимая немного спереди свое платье. Вещны очарованія въ этотъ милый день но радовали Гульду. Не потому, чтобы она очень устала,—она была сильная, здоровая дѣвушка съ красными щеками, съ высокою грудью, съ большими руками и ногами и школьныя занятія не утомляли ее. Выросшая въ трудовой крестьянской семьѣ и въ бѣдности, она считала свою работу легкою и свое положеніе очень хорошимъ.

Весь этотъ день Гульда испытывала жестокое безпокойство и страхъ. Отъ этого ея красивое, крестьянское, грубоватое лицо съ правильными и крупными чертами, смягченными милою полумаскою веснушекъ, иногда багряно всыхивало, словно наливаясь кровью, уши были очень красны, и красивыя руки, только что чисто вымытыя, болѣе обыкновеннаго,—отъ холодной воды—красныя, крупныя, унаследованныя отъ многихъ поколѣній нѣмецкихъ мужиковъ, дрожали замѣтно.

Гульда воляковалась потому, что сегодня утромъ получила неприятное письмо. Школьный инспекторъ ея округа, господинъ Адольфъ Веллеръ, приглашалъ ее для неосложнаго, весьма важнаго разговора сегодня отъ трехъ до четырехъ часовъ дня. Весь день для Гульды былъ этимъ письмомъ испорченъ. На урокахъ Гульда была очень расбѣяна и невнимательна и вела себя съ

дѣтьми очень неровно,—то не замѣчала шалостей, то съ удвоеннымъ усердіемъ принималась шлепать мальчишекъ и дѣвчонокъ линейкою по спинамъ и по пальцамъ.

Едва отпустивъ дѣтей, Гульда стала собираться въ городъ Кельбергъ гдѣ жилъ господинъ школьный инспекторъ. До города считалось четыре съ половиною километра.

Гульда, пытаясь обмануть себя и отвлечь внимание отъ безпокойныхъ предположеній, думала о своихъ поношенныхъ башмакахъ. Новыхъ у нея не было, — новыя она купитъ изъ того жалованья, которое получить надѣялась. Гульда получала достаточно для нея самой, но она удѣляла кое-что на воспитаніе и обученіе младшаго брата, помогая въ этомъ старой матери. Поэтому ей приходилось быть очень бережливою и весь ея годовой бюджетъ былъ расчисленъ впередъ по мѣсяцамъ,—когда что можно купить.

Наконецъ Гульда рѣшила, что башмаки еще достаточно крѣпки. Было безъ пяти минутъ два. Пора идти, а то вѣдь, позжалуй и охладѣешь. Сердце Гульды сильно забилось, когда она, стоя передъ маленькимъ зеркальцемъ, стала надѣвать свое праздничное свѣтло-розовое платье и соломенную желтую шляпу съ голубою лентою.

Что же такъ волновало и страшило сегодня бѣдную Гульду?

II.

Дней пять тому назадъ случилась съ Гульдою въ школѣ неприятная исторія. Одинъ изъ ея учениковъ непосѣдливый краснощекий мальчишка Антонъ Шмидтъ разсердилъ Гульду какою-то глупою, надобѣдивою шалостью. Гульда нашлаппала его по спинѣ линейкою, а такъ какъ

ей показалось, что эти плетки недостаточно вразумили шалуна, то она вдобавок дала ему пощечину, да так неосторожно, что у него из носа пошла кровь. Гульда смутилась, — она не ожидала таких последствий. Мальчишка, утирая нос грязным кулачком, сердито пробормотал что-то. Гульда не расслышала. Она спросила притворно-спокойным голосом:

— Что ты там бормочешь?

Антонь опасливо покосился на нее, и промолчал. Мальчики смѣялись, радуясь внезапному развлечению. Дѣвочки сидѣли скромно, съ такимъ видомъ, какъ будто это ихъ не касается. Кто-то услужливый изъ мальчишекъ поторопился сказать Гульдѣ:

— Онъ говоритъ, что пожалуется.

Смущенная Гульда ярко покраснѣла. Она стояла посреди класса въ неловкой позѣ, и не знала, что сказать.

Антонь искоса кинулъ на нее быстрый, хитрый взглядъ и принялся отпираться:

— Я этого не говорилъ. Очень мнѣ нужно жаловаться! Я и не думаю жаловаться. Я—не дѣвчонка. Мнѣ въ прошломъ году Эрихъ Реннеръ тоже носъ расквасилъ, однако, я никому не жаловался.

Гульда спросила:

— А что же ты говорилъ сейчасъ?

Антонь отвѣчалъ:

— Я говорилъ: простите, больше не буду.

По смѣшливому тону его голоса и по хитрому взгляду его зеленовато-сѣрыхъ глазъ было видно, что онъ говоритъ неправду. Мальчишки смѣялись. Заулыбались и дѣвочки.

Гульда наконецъ сообразила, что надобно сдѣлать. Она отправила Антона умыться холодною водою, чтобы остановить калающую изъ носа кровь.

Весь остаток того дня Гульда провела очень неспокойно. Она все ждала, что вот-вот постучатся в дверь и войдет мать Антона, почтенная вдова Марта Шмидт. Войдет, и начнет говорить неприятныя, укоряющія и угрожающія слова. Съ грубостью и съ мелочностью, свойственными богатымъ мужикамъ во всѣхъ странахъ земного шара, скажетъ она много такого, что совсѣмъ къ этому случаю не относится, но чѣмъ можно уколотъ и унижить. Скажетъ, напримѣръ:

— Такая бѣдная дѣвушка, какъ вы, должна была бы дорожить такимъ мѣстомъ.

Или:

— То-то пріятно будетъ вашей матери, когда зашь выгонять съ этого мѣста.

Но госпожа Марта Шмидт не пришла. Мало-по-малу Гульда стала забывать объ этой исторіи, — и уже думала она, что все это прошло и позабыто. И вдругъ сегодня письмо отъ школьнаго инспектора.

За чѣмъ зоветь ее Веллеръ? Неужели изъ-за этой глупой исторіи? Какъ не перебирала Гульда въ умѣ всѣ свои школьныя и служебныя обстоятельства, она никакъ не могла найти другое правдоподобное объясненіе этого визита. Въѣтъ если бы это было что-нибудь обыкновенное, Веллеръ могъ бы сказать третьяго дня на кладбищѣ, во время похоронъ одной изъ городскихъ учительницъ, Анны Крафтъ. Единственное, что оставалось предположить, — Антонъ пожаловался своей матери, а та, со скрытностью старой крестьянки, никому не сказавъ ни слова, сходилa въ городъ, и пожаловалась школьному инспектору, — вотъ послѣдствія этой жалобы.

Гульда боялась вѣрить этому, и старалась найти другое объясненіе. Если это такъ, то страшно и подумать о томъ, что могутъ сдѣлать съ Гульдой. Еще хорошо, если

дѣло кончится стройнымъ выговоромъ. А то могутъ перевести въ другую школу,—Гульдъ было бы это очень неприятно,—или и вовсе уволить отъ службы. Что же тогда скажетъ гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ, дядя ея миллаго? Онъ и безъ того ужъ сколько времени упрямится дать согласіе на ихъ бракъ. А безъ согласія господина гофлиферанта обойтись невозможно,—жалованье Карла Шлейфа слишкомъ невелико.

Испуганное воображеніе Гульды рисовало ей будущее въ самыхъ мрачныхъ очертаніяхъ. Если госпожа Шмигль нажаловалась школьному инспектору, то, конечно, ее уволятъ. Даже не дадутъ другой школы. Правда Гульда почти никогда не навлекала на себя никакихъ замѣчаній, и была вообще на хорошемъ счету. Но сегодня она думала, что школьный инспекторъ Веллеръ воспользуется этимъ случаемъ, чтобы свести кое-какіе личные счеты съ нею.

Одна только и была надежда на то, что Антонъ ничего не скажетъ матери, и что ее вызывають по какому-то другому дѣлу.

III.

Гульда взяла дождевой зонтикъ—на всякій случай,—и отправилась въ дорогу. Дорога предстояла пріятная и легкая,—полями и перелѣсками. Напимать экипажъ и лошадь на такое небольшое разстояніе въ такой прекрасный, теплый день Гульда не хотѣла. Зачѣмъ дѣлать лишній расходъ, если можно итти пѣшкомъ? Притомъ же поѣздка въ экипажѣ привлекла бы общее вниманіе, и вызвала бы разные толки, тогда какъ пѣшкомъ можесъ пройти гораздо незамѣтно.

Встрѣчалось больше людей, чѣмъ бы хотѣлось Гильдѣ. Пока она шла по улицѣ деревни все еще было ничего и имѣло видъ обычной прогулки. Выдавалъ только дождевой зонтикъ, вызывая любопытные взгляды.

Встрѣчные кланялись Гильдѣ, какъ всегда, приветливо, съ тѣмъ особеннымъ оттѣнкомъ покровительственной ласки, который свойствененъ всякому собственнику по отношенію къ тому, кто, стоя въ какомъ-нибудь отношеніи выше его, имѣетъ мало денегъ. Но Гильдѣ иногда казалось, что на нее такъ смотрятъ потому, что уже всѣ въ деревнѣ знаютъ о ея дѣлѣ и смѣются надъ нею. Ласково-привѣтливныя лица взрослыхъ и дѣтей казались ей насмѣшливыми.

Антонъ Шмидтъ попался ей навстрѣчу. Здѣсь, энѣ школьныхъ стѣнъ, на вѣшномъ солнцѣ, у изгороди, за которою весело и буйно зеленѣли кустарники. Антонъ казался еще болѣе румянымъ, веселымъ и хитрымъ, чѣмъ всегда. Кланяясь Гильдѣ, онъ такъ махнулъ шапкою, словно въ это рукѣ былъ неистощимый запасъ силъ дѣлающій каждое его движеніе чрезвычайнымъ.

Гильда подозвала его. Ей захотѣлось поскорѣе провѣрить, жаловался ли онъ. Знать бы навѣрное, зачѣмъ зоветъ ее Вейлеръ. Но какъ спросить мальчика? Чуть было не спросила прямо, но удержалась какой-то самолюбивый расчетъ. Она подумала покрасѣла и, слегка заинаясь, сказала:

— Ну что, Антонъ, твоя мать довольна твоимъ поведениемъ?

Антонъ весело засмѣялся, и со всѣмъ благопріятіемъ, къ какому только былъ способенъ, отвѣчалъ:

— Да, госпожа Кюннеръ, мама уже давно не бранила меня.

Онъ держалъ шапку въ рукѣ. Его круглая голова

сжились во всѣ стороны остриженными рыжеватыми
вихрами, и крутой лобъ блестѣлъ отъ капелекъ пота и
отъ усердныхъ усилий говорить какъ по книжкѣ.

Гульда спросила:

— Развѣ твоя мать не знаетъ, какъ ты шалилъ въ
школѣ?

Антонъ отвѣчалъ:

— Уже нѣсколько дней, госпожа Кюнерь, я не полу-
чалъ отъ васъ ни одного замѣчанія.

Гульда сказала:

— А развѣ ты забылъ, какъ я наказала тебя въ про-
шлую пятницу? Развѣ ты скрылъ это отъ своей матери?

Антонъ живо спросилъ:

— А развѣ вы, госпожа Кюнерь, хотите пожало-
ваться?

Напускное благопріятіе соскочило съ него, и на его
лицѣ отразились страхъ и злость. Онъ думалъ:

«Носъ расквасила, да еще жаловаться хотеть!»

И это онъ считалъ большою несправедливостью. Дѣ-
ло казалось ему поконченнымъ, и вновь поднимать его
было не къ чему.

Гульда увидѣла по его лицу, что онъ боится ея жа-
лобы. Значитъ,—подумала она,—онъ не сказалъ. На ко-
роткое время ей стало весело. Но вдругъ пришло ей въ
голову, что вѣдь объ этомъ случаѣ могли разсказать его
матери другіе. Опять ей стало тоскливо, и она быстро
пошла впередъ.

Антонъ шелъ за нею, и упрасивалъ, чтобы она ничего
не говорила его матери. Чѣмъ ближе подходили они къ
дому вдовы Шмидтъ, тѣмъ плаксивѣе становился его го-
лосъ. Гульда думала, что хитрый мальчишка только при-
творяется испуганнымъ, а въ душѣ смѣется надъ нею.
Она строго поглядѣла на него, и сказала:

— Антонь, не иди за мною. Я твоей матери не видѣла съ тѣхъ поръ, и пока еще не собиралась съ нею говорить. Не воображай, что у меня только и заботы, что о твоихъ шалостяхъ.

Антонь остановился. Гульда почувствовала на своей спинѣ его внимательный взглядъ.

IV.

Марта Шмидтъ стояла на высокомъ крыльцѣ своего дома. Какъ у всѣхъ крестьянъ въ той мѣстности это былъ кирпичный домъ подъ черепицею, и стоялъ онъ, какъ у всѣхъ между садомъ, выходящимъ на дорогу, и огоро- домъ сади дома. Марта Шмидтъ вьзала чулокъ, и смотрѣла на дорогу.

Остановившись у калитки сада, Гульда первая сказала:

— Добрый день, госпожа Шмидтъ.

И ей самой стало стыдно, что въ голосъ ея звучали заискивающія нотки. Марта, улыбаясь какъ любезная хозяйка, сказала:

— Добрый день, госпожа Кюнерь. Погода хорошая, а у васъ зонтикъ въ рукахъ. Не собрались ли вы въ далекую прогулку? Но отчего вы не взяли съ собою кого-нибудь изъ дѣтей?

Гульда отвѣчала:

— Я иду въ Кельбергъ.

Марта удивилась.

— За покупками? Но отчего же вы такъ нарядились? И вы безъ мѣшка.

— Нѣтъ, госпожа Шмидтъ, не за покупками, и не на прогулку. Меня приглашаетъ господинъ инспекторъ Веллеръ.

Говоря это, Гульда внимательно и тревожно смотрѣла на Марту. Марта сказала привѣтливо:

— Зайдите же, госпожа Кюнеръ, посидите немного. Любопытство засвѣтилось въ узкихъ глазахъ старой женщины. Гульда сказала:

— Благодарю васъ, госпожа Шмидтъ. Я посижу минутку съ вами на крыльцѣ, но я должна не опоздать. Господинъ инспекторъ будетъ ждать меня только до четырехъ часовъ, и позже притти было бы невѣжливо, да господинъ инспекторъ, можетъ быть, не будетъ дома, или будетъ занятъ.

Марта, усмѣхаясь съ видомъ человѣка, прожившаго на свѣтѣ и видѣвшаго людей, сказала:

— Не безпокойтесь, госпожа Кюнеръ, вы имѣете достаточно времени, и придете въ назначенное время. Вы можете посидѣть у меня четверть часа. Скажите, зачѣмъ же вызываетъ васъ господинъ школьный инспекторъ?

Гульда отвѣчала:

— Не знаю. Можетъ быть, какая-нибудь жалоба?

Голосъ ея слегка дрогнулъ при этихъ словахъ. Марта махнула рукою:

— Что вы, госпожа Кюнеръ! Кто же можетъ жаловаться! Всѣ въ Розенау довольны вами.

Гульда нервнѣе сказала:

— Да ужъ я не знаю.

Она взошла на ступени крыльца, и сѣла на скамейку у двери. Марта сѣла рядомъ съ нею, и говорила:

— Ужъ не хочетъ ли господинъ школьный инспекторъ предложить вамъ должность учительницы въ Кельбергѣ на мѣсто покойной госпожи Крафтъ?

— Этого не можетъ быть, — сказала Гульда. — Госпожа Крафтъ только пять дней назадъ скончалась, и господинъ школьный инспекторъ не успѣлъ еще объ этомъ

подумать. При томъ же, я думаю, что есть и другіе желающе, старше меня.

Поговоривъ съ Мартою минутъ пять о разныхъ деревенскихъ новостяхъ, Гульда пошла дальше. Такъ она и не узнала жаловалась ли на нее Марта или нѣтъ.

V.

Гульда торопилась. Плотнo-убитая пѣшеходная дорожка вдоль шоссе казалась ей нескончаемо-длинною. И уже когда, пройдя липовую рощу надъ рѣкою, у проѣзда къ усадьбѣ богатаго землевладѣльца, барона фонъ-Танненберга, она завидѣла издали бѣлые домики города, она съ отчаяніемъ подумала, что еще остается два километра.

За рѣкою дорога круто поворачивала, и снова шла рощею. Здѣсь совсѣмъ неожиданно Гульда встрѣтила молодого человѣка, высокаго и сильнаго. Она аарумянилась радостно. Въ глазахъ ея засвѣтился тихій восторгъ. Это былъ ея женихъ, Карлъ Шлейфъ, племянникъ гофлиферанта Генриха Шлейфа. У него были голубые, ясные глаза, румяное лицо, мягкіе русые усы, широкіе плечи, и онъ казался Гульдѣ олицетвореніемъ мужской красоты и силы. Онъ говорилъ:

— Какая пріятная встрѣча! Мой патронъ поручилъ мнѣ уладить одно очень важное дѣло съ барономъ фонъ-Танненбергомъ, но я могу проводить тебя немного. Ты гуляешь или по дѣлу? Ты такая сегодня нарядная, и такая красивая.

Гульда, дрожа и краснѣя отъ волненія, могла только слабо обрадоваться похвалѣ ея милаго. Она сказала:

— Мнѣ надо въ Кельбергъ.

Карлъ вынулъ часы, подумалъ немного, и сказалъ:

— Я могу пройти съ тобою десять минутъ по напра-

вденно къ Кельбергу, но затѣмъ я принужденъ буду продолжать свой путь. А зачѣмъ тебѣ надо въ Кельбергъ?

Гульда рассказала Карлу о случаѣ съ Антономъ Шмидтомъ и о своихъ опасеняхъ. Карлъ нахмурился. Онъ сказалъ:

— Гульда, ты поступила очень неосторожно. Конечно, мальчишекъ нельзя не бить, но не надо бить ихъ по носу.

Гульда жалобнымъ голосомъ сказала:

— Я боюсь, Карлъ, что меня уволятъ.

Лицо Карла приняло неприятное жесткое выраженіе. Казалось, что его усы жестко топорщились забывъ свою мягкую холеность, и глаза вдругъ посѣрѣли, когда онъ говорилъ:

— Мой дядя, гофлиферантъ, и такъ не хочетъ согласиться на нашъ бракъ. Я надѣялся его уговорить. Но его самодушіе не позволитъ ему помириться съ тѣмъ, чтобы я женился на дѣвушкѣ, которую выгнали со службы за то, что она дурно исполняла свои обязанности.

Гульда воскликнула:

— Я хорошо исполняла свои обязанности. Онъ самъ виноватъ—онъ вертѣлся, когда я его наказывала, тогда какъ онъ долженъ былъ стоять смирно.

Разговоръ кончился взаимными упреками. Разстались, холодно простившись. Гульда плакала. Но некогда было долго заниматься этимъ,—близокъ былъ уже и годъ.

VI.

И вотъ новая встрѣча. Товарищъ Карла, Отто Шарфъ. Онъ тоже ужаживалъ за нею. Но ей не нравилось, что онъ небольшого роста, черноволосый, и что онъ похожъ на

еврея. Онъ казался ей насмѣшливымъ и черствымъ, и она даже побаивалась его. И теперь, когда онъ вѣжливо поклонился Гульдѣ, ей казалось, что онъ съ насмѣшливымъ вниманіемъ смотрѣлъ въ ея глаза и догадывался, что она только что плакала.

Отто Шарфъ спросилъ ее, почти тѣми же словами, какъ и Карлъ:

— Какая пріятная встрѣча! Госпожа Кюнеръ, куда вы идете?

Робѣя, какъ школьница передъ учителемъ, Гульда сказала:

— Къ господину школьному инспектору.

Улыбаясь, говорилъ Отто Шарфъ:

— Я это знаю.

Гульда досадливо покраснѣла и сказала:

— Если вы бываете у господина Веллера, то неудивительно, что вы это знаете.

Отто Шарфъ спросилъ:

— А знаете, зачѣмъ приглашаетъ васъ господинъ Веллеръ?

— Нѣтъ, — сказала Гульда. — А зачѣмъ?

Забывъ свою досаду, она съ любопытствомъ смотрѣла на него, — ужъ очень хотѣлось поскорѣе узнать. Продолжая улыбаться насмѣшливо, какъ казалось Гульдѣ, а на самомъ дѣлѣ робѣя и волнуясь почти такъ же, какъ она, онъ сказалъ:

— Я бы вамъ сказалъ, госпожа Кюнеръ. Но вы такъ непривѣтливы со мною.

Гульда спрашивала:

— Скажите, прошу васъ!

— Улыбнитесь мнѣ ласково, — настаивалъ Отто Шарфъ.

Гульда улыбку ласково сложила руки ладонями вмѣстѣ, и молящимъ голосомъ говорила:

— Прощу васъ, скажите, милый господинъ Шарффъ. Любуясь ея смущеніемъ и ея любопытствомъ, Отто Шарффъ радостно улыбнулся и сказалъ:

— Хорошо, только не говорите господину Веллеру, что я вамъ сказалъ это: господинъ Веллеръ хочетъ предложить вамъ лучшее мѣсто.

Гульда сердито воскликнула:

— Вы надо мной смѣетесь!

Покраснѣла, и быстро пошла дальше. Отто Шарффъ въ недоумѣніи смотрѣлъ за нею. Онъ не могъ понять, почему Гульда не вѣритъ ему.

VII.

Подходя къ дому Веллера, Гульда встрѣтила двухъ его дочерей, дѣвушекъ лѣтъ семнадцати, шестнадцати. Ихъ простенькія бѣлыя платья и свѣтлыя шляпы показались Гульдѣ очень нарядными, и ущемили ея взятнымъ томленіемъ зависти.

Дѣвушки смѣялись чему-то своему.—Гульдѣ показалось, что надъ нею. Старшая изъ дѣвушекъ сказала:

— Отецъ васъ ждетъ.

Гульда со страхомъ вошла въ домъ. Молодая служанка провела ее въ кабинетъ господина Веллера.

Толстый Веллеръ сидѣлъ въ креслѣ у письменнаго стола, сосалъ толстую сигару, и крѣпко держалъ толстыми пальцами карандашъ, которымъ онъ водилъ по строкамъ какой-то лежавшей передъ нимъ на столѣ бумаги, винкая въ ея смыслѣ съ такимъ усердіемъ, что весь лобъ его себрался въ глянцевитыя морщины и толстая шея покраснѣла больше обыкновеннаго. дочитавъ бумагу, онъ под-

нять сонные глаза на Гильду, и молча показал ей пальцем на стѣнные часы. Было без двух минут четыре. Гильда замерла отъ страха. Веллеръ кивкомъ головы показалъ ей на стулъ у стола и сказалъ:

— Садитесь, госпожа Кюнерь.

Гильда робко подошла и сѣла. Веллеръ молча смотрѣлъ на нее. Наконецъ сказалъ:

— Вы—красивая молодая дѣвушка, госпожа Кюнерь, и этотъ логкомысленный молодой человекъ не достоинъ васъ. Впрочемъ, я пригласилъ васъ по дѣлу.

И опять замолчалъ.

Сказать или не сказать?—думала Гильда.—Онъ самъ знаетъ. Или не знаетъ? Честно поступая, надобно самой сознаться. Но мало ли бываетъ маленькихъ событийъ въ школѣ,—не обо всемъ же надобно говорить.

Гильда сидѣла и не знала, что сказать. Веллеръ смотрѣлъ на нее неподвижно. Въ головѣ Гильды быстро пронеслися воспоминанія о томъ, какъ Веллеръ вскорѣ послѣ смерти своей жены, сдѣлалъ ей предложеніе. Тогда—это было годъ тому назадъ,—Гильда уже любила Карла Шлейфа, и потому отказала Веллеру. Веллеръ до сихъ поръ еще не былъ женатъ, и Гильда думала, что онъ затаилъ злобу противъ нея.

Веллеръ вынулъ сигару изъ рта, и внимательно взглянулъ на Гильду.

«Знаетъ, конечно, все знаетъ» вдругъ подумала Гильда. И, не стерпѣвъ страха ожиданія, неожиданно для самой себя рассказала про случай съ Антономъ.

Къ ея радости и удивленію, этотъ рассказъ не произвелъ на Веллера никакого впечатлѣнія. Веллеръ молча выслушалъ и сказалъ:

— За то, что мальчишка на васъ ворчалъ, намъ надо было дать ему нѣсколько хорошихъ ударовъ линейкой по

спитъ. Но я не понимаю, зачѣмъ вы мнѣ все это рассказываете. Вы обязаны поддерживать дисциплину на вашихъ урокахъ.

Веллеръ побарабанилъ пальцами по столу, и сказалъ:

— Госпожа Кюнеръ, я пригласилъ васъ вотъ по какому дѣлу.

Гульда чувствовала, что сердце ея мучительно замедляется. Ея руки дрожали. Голосъ Веллера доходилъ до нея словно издалека. Веллеръ говорилъ:

— Вамъ извѣстно, что госпожа Крафтъ скончалась. Школьный совѣтъ намѣтилъ васъ на ея мѣсто. Я долженъ спросить васъ согласны ли вы перейти на это мѣсто.

Отъ радости и отъ волненія у Гульды закружилась голова. Она воскликнула, всплеснувъ руками:

— Ахъ, господинъ инспекторъ!

И ужъ не могла ничего сказать. Очевидно, никто на нее не жаловался, иначе ей не предложили бы этого мѣста, гдѣ жалованье больше и квартира лучше.

Веллеръ слегка усмѣхнулся и сказалъ:

— Я вижу, госпожа Кюнеръ, что вы согласны. Надѣюсь, вы будете достойны. А теперь, покончивъ съ этимъ дѣломъ, поговоримъ о другомъ.

Веллеръ запыхтѣлъ, усиленно засосалъ сигару, окружилъ себя скверно-пахнущимъ дымомъ, и заговорилъ торжественно и волнуясь:

— Госпожа Кюнеръ, вы знаете мои чувства по отношению къ вамъ. Но вы предпочли мнѣ легкомысленнаго молодого человѣка. Однако, онъ не торопится жениться на васъ.

Гульда сказала:

— Мы надѣемся, что господинъ гофлиферантъ согласится...

Веллерь прервал ее:

— Госпожа Клонеръ, обращаюсь къ вашему благо-
разумию. Скоро будетъ война, молодой человекъ пой-
детъ, потому что числится въ запасѣ, и на войнѣ онъ мо-
жетъ быть убитъ. Я же не пойду, такъ какъ мнѣ сорокъ
шесть лѣтъ. Я уже старъ для войны, но еще достаточно
молодъ для семейной жизни.

— Господинъ Веллерь,—сказала Гюльда,—о войнѣ
ничего не слышно.

Веллерь побаранилъ пальцами по столу, и сказалъ
увѣренно, какъ знающій:

— О, не слышно! Читаете ли вы внимательно вашу
газету? Знаете ли вы что-нибудь о русской большой
военной программѣ и о русскомъ флотѣ, который будетъ
готовъ въ будущемъ году? Если мы теперь не будемъ
воевать, то и никогда.

Гюльда спросила:

— Но зачѣмъ намъ воевать?

Веллерь отвѣчалъ:

— Если мы есть великая нація, то намъ нужны
рынки. Намъ нужно сокрушить Францію и отобрать ей
колонию. У насъ есть культурная миссія на Балканскомъ
полуостровѣ и въ Малой Азии. И для нашего народа ма-
ло земли, а въ Россіи земли много, и мы можемъ ее за-
воевать. И должны завоевать, потому что грубый и дикая
русскій народъ есть только податника для нашего вели-
каго германскаго народа. Германия должна быть сильнѣе
всѣхъ и диктовать всему миру свою волю, и тогда на-
станетъ эпоха вѣчнаго мира, и наши товары будутъ имѣть
сбытъ на всемъ земномъ шарѣ, чего они и заслуживаютъ
по своей прочности, дешевизнѣ и красотѣ.

Веллерь помолчалъ, глядя прямо на Гюльду. Гюльда

не знала, что сказать. Она боялась сказать, что любит Карла и будетъ ему вѣрна, боялась, что тогда Веллеръ рассердится и оставитъ ее на прежнемъ мѣстѣ въ Розенау.

Веллеръ всталъ, протянулъ руку Гульдѣ, и сказалъ:

— Итакъ, госпожа Кюнерь, подумайте внимательно надъ тѣмъ, что я вамъ сказалъ. Отвѣтомъ я васъ не тропаю.

VIII

Гульда вышла отъ Веллера, точно ее на крыльяхъ вынесло. Шла сия. И опять встрѣтила Карла, недалеко отъ рѣки, почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ и первый разъ.

Онъ нѣжно утѣшалъ ее. Говорилъ ей ласково:

— Я былъ глупъ и грубъ. Я не брошу тебя. Пусть гофлиферантъ откажетъ мнѣ въ наслѣдствѣ и въ деньгахъ, я проживу и безъ него. Ну, что сказалъ тебѣ господинъ школьный инспекторъ?

Сіяющая отъ радости и отъ гордости Гульда рассказала о томъ, что Веллеръ предложилъ ей мѣсто въ Кельбергѣ. Карлъ увѣренно сказалъ:

— Ну, теперь я не сомнѣваюсь, что гофлиферантъ дастъ свое согласіе на нашъ бракъ.

IX.

Гульда не волновалась бы всѣ эти дни, если бы слышала одинъ разговоръ мальчишекъ. Гульда не сіяла бы сегодня, если бы слышала одинъ разговоръ взрослыхъ.

Въ тотъ день, когда она побила Антона Шмидта, послѣ уроковъ, къ Антону подошелъ на улицѣ Альбертъ Кернъ, рослый рыжеватый мальчуганъ съ длинными ру-

ками, одѣтый въ узкую одежду, которая казалась уже тѣсною и короткою для его быстрого роста. У него было сердитое лицо и угрожающій видъ. Антонъ посмотрѣлъ на него опасливо, соображая, за что Альбертъ можетъ его поколотить. Альбертъ сердито спросилъ:

— Антонъ, ты пожалуешься твоей матери на учительницу?

Антонъ отвѣчалъ:

— Вотъ еще, нашель дурака! Чтобы мнѣ еще и дома влетѣло!

— Зачѣмъ же ты сказалъ, что пожалуешься?—сердито спрашивалъ Альбертъ.

Антонъ захохоталъ и сказалъ:

— А такъ, чтобы ее поугаты. Видѣлъ, какъ она покраснѣла?

Альбертъ говорилъ все такъ же сердито:

— Слушай, Антонъ, если ты хоть подлова скажешь дома о томъ, что она тебѣ расквисила носъ, то я тебя изобью, какъ собаку. Пусть потомъ дѣлаютъ со мною, что хотять, но ты меня будешь помнить.

Антонъ опасливо покосился на сжатые кулаки Альберта, и сказалъ:

— Я не скажу ни матери, ни кому другому, можешь быть спокоенъ.

Другой разговоръ былъ сегодня, за нѣсколько минутъ до второй встрѣчи Гульды съ Карломъ. Карлъ и Отто Шарфъ встрѣтились у воротъ въ паркѣ фонъ-Танненберга. Шарфъ рассказалъ Карлу о томъ, что Гульда переходитъ въ городъ и получаетъ тамъ очень хорошее мѣсто. Оттого такъ и нѣженъ былъ съ нею Карлъ.

Ничего этого Гульда не знала, и потому была весела. И еще потому она была весела, что знала то, чего не зналъ Карлъ. Она смотрѣла на него нѣжно, и думала:

«Если Карль не успеет обвиняться со мною, и пойдеть на войну, то надо будеть серьезно подумать о предложениі господина Веллера. Карла, можеть быть, и не убьют на войнѣ, но ему могуть оторвать руку или ногу. Быть женою однорукаго или одноногаго очень неприятно, и ужь лучше носить имя госпожи Веллеръ».

Эти мысли очень растрогали и разнѣжили Гульду, и прощаясь съ милымъ при выходѣ изъ лѣбочка, она нѣжно поцѣдовала его. Такъ нѣжно, что Карль весь этотъ день чувствовалъ въ своей душѣ райскую музыку.

ОШИБКА ГОФЛИФЕРАНТА

ОШИБКА ГОФЛИФЕРАНТА.

I.

Гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ сидѣлъ вечеромъ на своемъ обычномъ мѣстѣ въ лучшемъ изъ Кельбергскихъ кафе въ кафе Баумвальда на Каршнадѣ и пилъ свою обычную кружку пива. Какалось, что онъ весь налитъ пивомъ и не только коротко по нежной бачки, но и глаза его были пьяного цвѣта. Передъ гофлиферантомъ сидѣлъ его племянникъ Карлъ Шлейфъ, и заговаривалъ его дая согласие на его бракъ съ Гульдою Бланеръ, расхваливая Гульду въ сотый разъ въ однихъ и тѣхъ же выраженяхъ.

Гульда—славная, честная дѣвушка. Она—бѣдная дѣвушка, но она имѣетъ свой, честно заработанный, кусокъ хлѣба. Она будетъ вѣрно женою и хорошею, экономною хозяйкою.

Гофлиферантъ былъ непреклоненъ и повторялъ въ сотый разъ одно и то же:

— Я не хочу, чтобъ мой племянникъ женился на

простой деревенской дѣвушкѣ, у которой нѣтъ ни одного пфенига, и нѣтъ почтенныхъ и уважаемыхъ въ городѣ родственниковъ.

Какъ всегда, ровно въ десять гофлиферантъ кончилъ свою кружку. Крикнулъ:

— Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карль сказаалъ кельнеру:

— Еще одну кружку господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возражалъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора домой.

Карль сказаалъ:

— Дядя, за ту кружку я буду платить.

Гофлиферантъ остался. Сидя надъ второю кружкою, онъ говорилъ:

— Я не могу допустить этого брака. Я — гофлиферантъ! Мои издѣлья употребляются при дворѣ моего кайзера. Мои издѣлья известны всей Германіи. Мои издѣлья вывозятся за границу, и даже некультурная Россія употребляетъ ихъ, и черезъ ихъ посредство знакомится съ благами нашей германской культуры.

Карль воскликнулъ:

— О, да! гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ высоко держитъ знамя германской культуры, и я горжусь честью быть его племянникомъ.

Гофлиферантъ пожалъ его руку, и сказаалъ:

— Карль, ты — умный и славный молодой человекъ, и ты можешь понимать. Да, я сорокъ лѣтъ приношу пользу моему возлюбленному отечеству. Меня уважаютъ въ весь городъ.

— И во всей Германіи! — вставилъ Карль.

Гофлиферантъ кивнулъ головою, и продолжалъ:

— Если пріѣзжій на бангофѣ опроситъ любого трегера или, выйдя на улицу, опроситъ любого мальчишку:

«Не знаешь ли ты, где живёт гофлиферант Гейнрих Шлейф?» то всякий мальчишка скажет: «О, как же не знать где живёт господин гофлиферант Шлейф! Он живёт в своём собственном доме номеръ семь по Альбрехтштрассе, а его контора находится на Кайзер-плацц на углу Вильгельмштрассе». О гофлиферант Гейнрих Шлейф не послѣдний человекъ въ своём родномъ городѣ и въ нашемъ дорогомъ отечествѣ нѣтъ города, гдѣ бы не употреблялись надѣлы гофлиферанта Гейнриха Шлейфа!

Гофлиферантъ поставилъ опорожненную кружку на стедлянное блюдо, и сказалъ тремко:

— Кельнеръ, прощу сосчитать!

Карль сказалъ:

— Кельнеръ, за эту кружку я плачу. Подайте еще одну кружку господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возвращалъ:

— Я выпилъ мою кружку, и ждѣ нова дамой гдѣ меня ждѣт госпожа гофлиферантша Гейнрих Шлейфъ.

Карль сказалъ:

— Дая, за ту кружку я заплачу.

Гофлиферантъ не возвращалъ. Новая кружка была принесена и поставлена передъ нимъ. Гофлиферантъ тыкалъ себя голстымъ свѣтло-пивного цвѣта пальцемъ въ широкую грудь, и говорилъ:

— Гофлиферантъ Гейнрих Шлейф не гордится своими заслугами передъ своимъ дорогимъ отечествомъ. Онъ только честно и добросовѣстно исполняетъ свой долгъ. Выше всего онъ ставитъ интересы своихъ клиентовъ, что бы никто не могъ сказать, что издѣллія гофлиферанта Шлейфа не есть товаръ высокаго качества, отпускаемый по дешевой цѣнѣ съ гарантіей за прочность.

Карль сказалъ:

— Нѣтъ, дядя, этого никто не можетъ сказать. Товаръ гофлиферанта Шлейфа есть товаръ самаго высокаго качества.

Гофлиферантъ продолжалъ:

— Да, высокія качества моего товара извѣстны всѣмъ. Я употребляю самый хорошій матеріалъ и самыя усовершенствованныя машины, у меня работаютъ самыя хорошіе мастера, я плачу имъ аккуратно въ срокъ, и они имѣютъ у меня хорошій заработокъ. Когда къ нимъ приходятъ агитаторы отъ социалистовъ они смѣются и говорятъ: «Намъ не нужно никакого социализма, мы—національ-либералы, и мы работаемъ на господина гофлиферанта Шлейфа».

Карль сказалъ:

— Мой товарищъ, Отто Шарфъ, социаль-демократъ, говоритъ, что есть не мало социалистовъ и на фабрикахъ гофлиферанта Шлейфа.

Гофлиферантъ покраснѣлъ, стукнулъ кулакомъ по столу, и сказалъ сердито:

— Отто Шарфъ—мальчишка и бездѣльникъ, и его мать—паршивая русская свинья, и я не хочу говорить о какомъ-то Отто Шарфѣ, когда я говорю о моемъ племянникѣ. Гофлиферантъ Шлейфъ не заносчивъ, но онъ знаетъ себѣ цѣну. Каждый вечеръ гофлиферантъ Шлейфъ идетъ въ это кафе гдѣ рядомъ съ нимъ можетъ сѣсть каждый; онъ выпиваетъ свою кружку въ двадцать пфениговъ, и даетъ кельнеру десять пфениговъ—не больше и не меньше. И никто не смѣетъ сѣсть за тотъ столикъ, гдѣ я привыкъ пить свое пиво. Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карль сказалъ:

— Кельнеръ, я плачу за эту кружку. Еще одну кружку господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возражаетъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора идти домой, гдѣ меня ждетъ госпожа Амалия Шлейфъ, супруга гофлиферанта.

Карль сказалъ:

— Дядя, за ту кружку я заплачу.

Гофлиферантъ не спорилъ. Онъ сидѣлъ передъ новою кружкою пива, и продолжалъ распространяться о своихъ достоинствахъ.

Гофлиферантъ говорилъ:

— Я не гордый человѣкъ, нѣтъ. Я пожу руку всякому человѣку, который честно занимается своимъ трудомъ. Я уважаю госпожу учительницу Гульду Кюнеръ, потому что она—честная и достойная дѣвушка. Если она придетъ въ мой магазинъ, я велю сдѣлать ей уступку, какъ самому почтенному изъ моихъ клиентовъ, и скажу, чтобы ей отпустили товаръ хорошаго качества, хотя бы она покупала на самую малую сумму. Но всякій человѣкъ долженъ знать свое мѣсто. У меня и у моей Амалии нѣтъ дѣтей, но мой племянникъ, сынъ моего единственнаго брата, долженъ помнить, что у меня есть зато много двоюродныхъ братьевъ и сестеръ. Если мой племянникъ хочетъ наследовать мое дѣло и мою фирму, то онъ женится на дочери одного изъ почтенныхъ коммерсантовъ. Я не мѣчу высоко, я не хочу, чтобы мой племянникъ женился на одной изъ юныхъ дѣвицъ фонъ-Танненбергъ, или фонъ-Клостербургъ, или фонъ-Либенштейнъ. Я хочу только того, чтобы жена моего племянника была изъ равной намъ семьи. Я сказалъ а слово гофлиферанта Гейнриха Шлейфа твердо. Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карль не унывалъ. Онъ рѣшился итти до конца, и сказалъ храбро:

— Кельнеръ, за эту кружку я плачу. Еще одну кружку господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возражалъ:

— Я выпить мою кружку, и мнѣ пора итти домой, гдѣ меня ждетъ моя жена, моя дорогая Амалия.

Карль сказалъ:

— Дядя, за ту кружку я заплачу.

Гофлиферантъ отвѣчалъ:

— Хорошо. Молодые люди расточительны, но я самъ былъ молодецъ и я понимаю, когда молодой человекъ хочетъ позволить себѣ немного покутить. Лучше покутить честно и благодарно со старымъ дядею, чѣмъ съ легкомысленными и необузданными молодыми людьми, въ родѣ какого-нибудь повѣсы Отто Шарфа.

Карль сказалъ:

— Дядя, если я женюсь на Гульдѣ Кюнеръ, то я не буду проводить свое время съ легкомысленными молодыми людьми, потому что Гульда Кюнеръ—скромная дѣвушка. Она будетъ заботливою и экономною хозяйкой, и мнѣ приятно будетъ сидѣть дома.

Гофлиферантъ отвѣчалъ:

— Гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ не хочетъ, чтобы дочь простого мужика вошла въ его домъ и сѣла впоследствии на то кресло, на которомъ нынѣ сидитъ госпожа гофлиферантна Гейнрихъ Шлейфъ, урожденная Амалия Липпертъ, дочь гофлиферанта индустриенрата Фридриха Липперта. Нѣтъ, я хочу, чтобы все шло, какъ прилично, безъ заносчивости и безъ униженія.

Гофлиферантъ, опорожнивъ эту кружку, сказалъ громче чѣмъ обыкновенно:

— Кельнеръ, прощу сосчитать!

Карль мужественно сказалъ:

— Кельнеръ за эту кружку я плачу. Еще одну господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возразилъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора идти домой, гдѣ меня ждетъ моя милая Амалькенъ.

При воспоминаніи о милой Амалькенъ голосъ гофлиферанта дрогнулъ и въ его глазахъ блеснули свѣтло-желтыя слезинки. Карль сказалъ:

— Дядя за ту кружку я заплачу.

Гофлиферантъ остался. И еще. И еще. И еще.

Наконецъ въ двѣнадцать часовъ ночи, когда кафе закрывалось и когда всѣ добрые граждане богоупасемаго города Кельберга уже мирно спали въ своихъ кроватяхъ, подъ своими теплыми пуховыми одѣялами, вмѣстѣ со своими добродѣтельными женами, гофлиферантъ вышелъ на площадь, поддерживаемый Карломъ. Карль хотѣлъ было проводить его до дому, но гофлиферантъ рѣшительно этому воспротивился. Онъ говорилъ:

— Генрихъ Шлейфъ всю жизнь твердо стоялъ на своихъ собственныхъ ногахъ, и не нуждается ни въ чьей помощи. Я дойду одинъ, а чужими домой. Нехорошо молодому человѣку возвращаться домой очень поздно. Твоя почтенная хозяйка, госпожа Клара Фреймакъ, можетъ подумать о тебѣ дурно, а если это повторится, то она перестанетъ держать тебя у себя на квартирѣ.

И на углу Карлплатца и Карлштрассе Карль простился съ гофлиферантомъ и отправился домой въ свою скромную комнату на окраинѣ города, на Нактгальштрассе. По дорогѣ предавался онъ грустнымъ размышленіямъ о дядиной непреклонности и сладостнымъ мечтаніямъ объ очарованіяхъ прелестной и невѣрной Гульды.

II.

Гофлиферантъ шелъ привычною дорогою по Карлштрассе. Шаги его были очень нетверды.

Скоро пришелъ онъ на Кайзерплатцъ, обширную площадь со статуею императора. Пять улицъ выводили на эту площадь: справа отъ Карлштрассе — Вильгельмштрассе, гдѣ была контора и магазинъ гофлиферанта; слѣва — Фридрихштрассе; черезъ площадь — Альбрехтштрассе и Альбертштрассе.

Перейдя черезъ площадь и обогнувъ памятникъ, гофлиферантъ направился по одной изъ этихъ улицъ, и скоро добрался до дома подъ номеромъ седьмымъ. Съ трудомъ вообразился онъ по вѣншной лѣстницѣ къ дверямъ своей квартиры, при чемъ его удивило, что лѣстница стала какъ-будто повыше на одну ступеньку. Но скоро онъ сообразилъ въ чемъ дѣло. Онъ подумалъ:

«Я выпилъ сегодня больше одной кружки пива, и это подѣйствовало на мои ноги, но не на мою голову. Всегда я вхожу правою ногою на первую ступеньку, лѣвою на вторую, правою на третью, и такъ далѣе всѣ шесть ступеней. Но сегодня одна изъ моихъ ногъ ступила на ступеньку, гдѣ уже стояла другая нога, и вотъ почему я насчиталъ семь ступенекъ. Нѣтъ — думалъ гофлиферантъ — въ моемъ домѣ шесть ступенекъ, а семь ступенекъ — это въ домѣ господина ратмана Вильгельма Шпицера, тоже номеръ семь, но на другой улицѣ, на Альбертштрассе».

Гофлиферантъ досталъ изъ жилетнаго кармана ключъ отъ входной двери. Долго возился онъ, ключъ долго не хотѣлъ входить въ скважину. Наконецъ что-то щелкнуло въ пружинѣ замка, дверь заскрипѣла и открылась.

Гофлиферантъ съ досадою подумалъ, что служанка Гертруда не исполняетъ своихъ обязанностей и уже давно не смазывала петель двери. Онъ пошарилъ по стѣнѣ, повернулъ выключатель, и глянулъ на себя въ зеркало.

— О!—сказалъ онъ, укоряенно покачивая головою,—старый Гейприхъ, ты очень красенъ. Не годится тебѣ пить больше одной кружки, хотя бы ты за лишнее пиво и не платилъ ни пфенига. Это вредно для твоего здоровья.

Въ сосѣдней комнатѣ послышалось шлепанье туфель. Гофлиферантъ умиллся. Онъ воскликнулъ:

— Моя Амалия не спитъ и ждетъ своего стараго Гейприха!

И его широко-улыбающееся лицо обратилось къ двери.

Чей-то грубый голосъ за дверью спрашивалъ:

— Кто тамъ разговариваетъ такъ поздно ночью?

Гофлиферантъ испугался и подумалъ:

«Амалия сердится и говоритъ поэтому назкимъ голосомъ. Она спроситъ: что ты смотришься въ зеркало, какъ молодая дѣвушка? Зачѣмъ ты для этого тратишь электричество, которое стоитъ такъ дорого?»

Гофлиферантъ погасилъ свѣтъ, и поспѣшилъ въ комнату. Но къ его ужасу и негодованью на порогѣ встрѣтилъ его господинъ ратманъ Вильгельмъ Шницеръ, въ домашней курткѣ и въ туфляхъ, такой же толстый и такой же красный, какъ и гофлиферантъ.

Гофлиферантъ воскликнулъ:

— Господинъ ратманъ!

Ратманъ воскликнулъ:

— Господинъ гофлиферантъ!

И оба они воскликнули одновременно:

— Какъ вы сюда попали?

И оба ответили одновременно:

— Я у себя дома!

И опять оба в одно время воскликнули:

— Это — мой домъ!

И в это время в души их обоих закрались мрачные подворья. Гофлиферантъ воскликнулъ:

— Моя Амалия!

Ратманъ воскликнулъ в тот же мигъ:

— Моя Берга!

— Вы идете отъ моей Амалии! — говорилъ гофлиферантъ.

— Вы идете къ моей Бергъ! — говорилъ ратманъ.

И оба они воскликнули одновременно:

— Не употребляйте имени вашей несчастной почтенной супруги, которую вы обманываете съ чужою женою.

— Прошу васъ удалиться изъ моего дома! — воскликнули оба они одновременно.

И наконецъ свѣтъ истины озарилъ голову гофлиферанта, — надъ головою ратмана онъ увидѣлъ люстру. Такая же точно люстра, какъ и у гофлиферанта, но лампочки заключены не въ шарообразные футляры льдистаго стекла, какъ у гофлиферанта, а въ футляры многогранные, хотя стекло такое же точно.

Гофлиферантъ въ ужасѣ воскликнулъ:

— Какъ я сюда попалъ!

Ратманъ отвѣчалъ:

— Я не знаю, какъ вы сюда попали, господинъ гофлиферантъ. Но я бы желалъ знать, какъ вы сюда попали, и что вы здѣсь ищете въ такое позднее ночное время.

Гофлиферантъ говорилъ весь красный отъ пива и отъ смущения:

— Я отворилъ дверь моимъ собственнымъ ключомъ! Я думаю что я на Альбрехтштрассе номеръ семь.

Ратманъ отвѣчалъ:

— Вы на Альбертштрассе номеръ семь, господинъ гофлиферантъ, и вы отворили мою дверь своимъ ключомъ. Я не буду удивляться, если окажется, что мой замокъ сломанъ.

Гофлиферантъ спросилъ:

— Но почему же вы это думаете?

Ратманъ отвѣчалъ:

— Мой замокъ имѣеть свой ключъ, и чужимъ ключомъ онъ не можетъ быть безъ поврежденія отворямъ.

Гофлиферантъ подумалъ, что ратманъ слишкомъ мрачно смотритъ на положеніе вещей. Необходимо провѣрить это немедленно, чтобы потомъ ратманъ не вдумалъ говорить о томъ, чего не было. Гофлиферантъ сказалъ:

— Мы должны это посмотреть, господинъ ратманъ.

Ратманъ запальчиво отвѣтилъ:

— Мы это посмотримъ сейчасъ же, господинъ гофлиферантъ.

Оба отправились въ переднюю, и тамъ безъ труда убѣдились въ томъ, что замокъ сломанъ. Ратманъ сердито поглядѣлъ на гофлиферанта, и воскликнулъ:

— Господинъ гофлиферантъ!

Гофлиферантъ пожалъ плечами, развелъ руками, и сказалъ:

— Я очень извиняюсь, господинъ ратманъ, за поврежденіе вашего замка, произведенное мною безъ умысла, и я уплачу, что слѣдуетъ за починку замка.

— Хорошо, — сказала ратманъ. — Но мы должны это обсудить. Пожалуйте въ мою гостиную, господинъ гофлиферантъ.

Вошли опять въ гостиную. Послышался за дверью тревожный голосъ Берты Шпицеръ:

— Вспомните, съ кѣмъ ты разговариваешь такъ поодио?

Ратманъ отвѣчалъ:

— Не беспокойся, Берта, это господинъ гофлиферантъ Шлейфъ. У насъ съ нимъ дѣловое сообщаніе.

— Въ такой необъяснимый часъ?—съ удивленіемъ спросила Берта.

— Дѣла всегда дѣла—сказалъ ратманъ.—Иди, Берта, черезъ десять минутъ я вернусь къ тебѣ.

За дверью послышалась удаляющіеся шаги Берты. Ратманъ повернулся къ гофлиферанту, и, указывая ему на кресло, сказалъ:

— Итакъ, господинъ гофлиферантъ?

Гофлиферантъ сѣлъ на указанное кресло, и, утирая платкомъ выступившій отъ волненія потъ, говорилъ:

— Я пришлю завтра къ вамъ спесаря...

Ратманъ перебилъ его.

— Извините, господинъ гофлиферантъ, но это очень неудобно, чтобы вы чинили замки въ моемъ домѣ. Это подастъ поводъ къ разнымъ несприятнымъ слухамъ. Да и къ чему вамъ беспокоиться? Я сдѣлаю это самъ, а вы ушлите мнѣ сейчасъ въ возмѣщеніе моихъ убытковъ нѣкоторую сумму денегъ.

Гофлиферантъ отвѣчалъ:

— Въ вечернее время я не ношу съ собою лишнихъ денегъ. Въ моемъ кошелькѣ находится сорокъ пфениговъ, но этого, я думаю, мало за починку такого хорошаго замка.

Ратманъ сказалъ спокойно:

— Вы дадите мнѣ вексель.

Гофлиферантъ вспыхнулъ съ удивленіемъ:

— Вексель! На такую сумму! Я завтра же пришлю вамъ, что слѣдуетъ.

— Я желаю имѣть пятьсотъ марокъ,—невозможно сказалъ ратманъ.

Онъ сѣлъ противъ гофлиферанта, сложилъ руки на животъ, и спокойно смотрѣлъ на своего незнакомаго гостя.

— Господинъ ратманъ! — воскликнула гофлиферантъ.

Ратманъ говорилъ:

— Я сказалъ Бертъ: дѣло. Что же я скажу, если она спроситъ: что же тебѣ дало это дѣло, за которымъ ты липалъ себя ночного отдыха?

Гофлиферантъ растерянно говорилъ:

— Это невозможно, господинъ ратманъ!

Ратманъ сказалъ рѣшительно:

— Господинъ гофлиферантъ, я могъ бы сдѣлать большой скандалъ. Но я его не дѣлаю изъ уваженія къ вамъ.

Гофлиферантъ понялъ, что споръ безполезенъ. Онъ бросилъ на ратмана негодующій взглядъ, и сказалъ съ тихою злобою:

— Давайте бумагу, я пишу вамъ съ нарисова марокъ.

— Пятьсотъ, господинъ гофлиферантъ.

Пришлось гофлиферанту писать повелѣнъ на пятьсотъ марокъ.

III.

На другой день, когда Карль сидѣлъ въ своей конторѣ, ему сказалъ конторскій мальчикъ въ курточкѣ съ бронзовыми пуговками и съ узкими галунчиками:

— Господинъ Шлейфъ, къ вамъ пришелъ мальчикъ отъ господина гофлиферанта Шлейфа.

Карль взялъ съ ясеневаго пенъка надъ конторкою котелокъ, и вышелъ на улицу, гдѣ его ожидалъ другой мальчикъ съ такими же галунчиками и пуговками. Карль на

дѣла. Вотъ только, мальчикъ опять фуражку съ галунами помянулъ и сказалъ:

— Добрый день,—господинъ Шлейфъ.

Карль сказалъ:

— Добрый день, Фрицхенъ. Что скажешь?

Фрицхенъ отвѣчалъ:

— Господинъ гофлиферантъ проситъ васъ пожаловать вечеромъ въ девять часовъ въ кафе господина Баумвальда.

Карль подумалъ, поглядѣлъ для чего-то на часы, কিছু взглянулъ вдоль улицы, и наконецъ сказалъ:

— Скажи господину гофлиферанту, что я приду.

Мальчикъ опять поклонился, надѣлъ фуражку, и пошелъ въ Каршлагцу спорою походкою хорошаго посланнаго мальчика, не тихо и не скоро, не останавливаясь передъ витринами хорошихъ магазиновъ съ хорошими и дешевыми товарами. Карль же вернулся въ контору къ своей конторкѣ. Онъ думалъ:

«Гофлиферанту понравилось пить мое пиво. Хорошо, пусть пьетъ, мнѣ не жалко, я могу сдѣлать экономію на другомъ. Но я бы хотѣлъ, чтобы мои деньги и мое время не пропали даромъ и чтобы гофлиферантъ согласился на мой бракъ съ Гульдю. Онъ долженъ понять, что я имѣю свой расчетъ въ жизни и что хорошая жена полезна для хозяйства, чѣмъ хорошее приданое, которое можно все растратить на прихоти избалованной въ богатствѣ жены».

IV.

Вечеромъ въ кафе Карль усердно хвалилъ Гульдю. Гофлиферантъ молчалъ. Когда третья кружка подходила къ концу, гофлиферантъ сказалъ:

— Госпожа Гульда Кюнеръ—хорошая дѣвушка, и она получила хорошее мѣсто въ городѣ.

И замолчалъ. Карлъ еще ревностиѣе продолжалъ хвалить свою возлюбленную.

Допивая четвертую кружку, гофлиферантъ сказалъ:

— Вчера я должно шель домой, и по дорогѣ успѣлъ подумалъ о многомъ. Я, гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ, заблудился и пошелъ не по настоящей дорогѣ. Я долго думалъ и понялъ, что всякъ человѣкъ можетъ одинъ разъ въ жизни сдѣлать ошибку, только надо, чтобы ему было чѣмъ заплатить за эту ошибку.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, я еще не сдѣлалъ ошибки.

Гофлиферантъ возразилъ:

— Нѣтъ, Карлъ, ты сдѣлалъ ошибку уже тогда, когда влюбился въ бѣдную дѣвушку. И вторую ошибку ты сдѣлалъ, когда ты далъ ей надежду на бракъ съ тобою. Но у тебя, Карлъ, будетъ чѣмъ заплатить за твои ошибки, — я рѣшилъ дать мое согласіе на твой бракъ съ Гульдю.

Карлъ всталъ. Онъ думалъ:

«О, мои расходы не прошли даромъ!»

И воскликнулъ:

— Касснеръ, еще одну кружку господину гофлиферанту, и одну также мнѣ!

Гофлиферантъ говорилъ:

— У Гульды Кюнеръ нѣтъ денегъ, но я на свой счетъ сошью ей все, что надо для молодой дѣвушки выходящей замужъ. Скажи ей, Карлъ, пусть она завтра же идетъ къ госпожѣ Пельцеръ — я уже сказалъ, чтобы госпожа Пельцеръ сняла съ нея мѣрку для бѣлья. И оттуда пусть она идетъ къ госпожѣ Шварцъ, которая сошьетъ ей платье, и къ господину Крогеру, который сдѣлаетъ ей башмаки. И потомъ пусть она идетъ въ мою контору, гдѣ ей дадутъ еще триста марокъ на прочие мелкіе расходы.

Карль прослезился и воскликнул:
— Благодарю вас очень, дядя, очень благодарю.
Господь Богъ вознаградитъ васъ за ваше великодушие и
за вашу щедрость!
— О!— воскликнулъ гофлиферантъ— я платилъ за
мою ошибку, а буду платить за твою ошибку; мои клиен-
ты въ некультурной Россіи заплатятъ за наши ошибки.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Правда сердца	5
Обручальное	27
Таня и Ричард	33
Три лампы	41
Сердце сердцу	51
Сны и траур	65
Визит	79
Незамораживающий мальчик	87
Дядя и внучка	103
Тихий зной	113
Сыть вечный	129
Красивая женщина	141
Возвращение	151
Надежда воскресения	159
Неутомимость	165
День встречи	179
Ошибка Гейнхеймента	199

„Московское Книгоиздательство“

Москва, 1-я Мясанская, д. 5, кв. 20. Телефон 18-48.

1

„ЗЕМЛЯ“

- СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.** Леонидъ Андреевъ.—Проклятие завтра. Шоловь Ашъ.—Грѣхъ. Иванъ Бунинъ.—Тѣнь плащя. А. Купринъ.—Суламиевъ. А. Серапионовъ.—Дочь. А. Федоровъ.—Цетля и др.
- СБОРНИКЪ ВТОРОЙ.** М. Арцыбашевъ.—Рабочій Шевыревъ. Иванъ Бунинъ.—Небо и Земля, мистеря. Байрона. Борисъ Зайцевъ.—Спокойствя. Н. Крашенинниковъ.—Медлительныя комнаты. Н. Олигеръ.—Бѣлые листки. А. Федоровъ.—Король Мустанговъ.
- СБОРНИКЪ ТРЕТИЙ.** В. Башкинъ.—Липы шумѣли. А. Купринъ.—Яма. Н. Олигеръ.—Осенняя гвсья. Федоръ Сологубъ.—Старый домъ.
- СБОРНИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ** (Освобожденъ отъ ареста). М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты, ром., ч. I. Шоловь Ашъ.—Земля. Евгений Чириковъ.—Помъ жочергннхъ.
- СБОРНИКЪ ПЯТЫЙ** (Наложень арестъ Моск. Ком. по дѣл. печати). В. Винниченко.—Честность съ собой. Евгений Чириковъ.—Лѣсныя тайны.
- СБОРНИКЪ ШЕСТОЙ.** С. Юшкевичъ.—«Мизогеге». И. Сагъ.—Музыка къ драмѣ «Мизогеге». А. Кипень.—Мга. Н. Крашенинниковъ.—Жизнь Игнатя Ильича. А. Купринъ.—Гранатовый браслетъ.
- СБОРНИКЪ СЕДЬМОЙ.** М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты. (Продолжене). Л. Азманъ.—Послѣ буня. Евгений Чириковъ.—Шахматы.
- СБОРНИКЪ ВОСЬМОЙ**—У послѣдней черты. (Окончане). Федоръ Сологубъ.—Звѣрный бытъ. Евгений Чириковъ.—Утро жизни. Саша Черный.—Первое знакомство.
- СБОРНИКЪ ДЕВЯТЫЙ.** М. Арцыбашевъ.—Силыге смерти. В. Винниченко.—На вѣсахъ жизни.
- СБОРНИКЪ ДЕСЯТЫЙ.** М. Арцыбашевъ.—Деревянный чурбанъ.—Семень Юшкевичъ.—Вышла изъ круга. Федоръ Сологубъ.—Дымъ и пелель, ч. I.
- СБОРНИКЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.** Леонидъ Андреевъ.—Профессоръ Стородинъ. М. Арцыбашевъ.—О ревности. Федоръ Сологубъ.—Дымъ и пелель. (Оконч.)
- СБОРНИКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.** М. Арцыбашевъ.—Мститель. Н. Крашенинниковъ.—Дѣвственность.
- СБОРНИКЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.** М. Арцыбашевъ.—Ревность (драма) Семень Юшкевичъ.—Леонъ Дрей.
- СБОРНИКЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.** М. Арцыбашевъ.—Рассказъ объ одной пощенинѣ. В. Винниченко.—Завѣты отцовъ. Евгений Чириковъ.—Гиблое мѣсто. А. Федоровъ.—Арабъ.
- СБОРНИКЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.** (Освобожденъ отъ ареста). М. Арцыбашевъ.—Война. Н. Крашенинниковъ.—Плачь Рахили. А. Купринъ.—Яма (часть 2-я).
- СБОРНИКЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.** А. Купринъ.—Яма (окончане). Н. Крашенинниковъ.—Амеля.
- СБОРНИКЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.** М. Арцыбашевъ.—Женщина, стоящая посреди. Евгений Чириковъ.—Волжскя сказки. Иванъ Рукавишниковъ.—Убийство.
- СБОРНИКЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ** (печатается) В. Винниченко.—Хочу! (романъ) и друг.

Подготавливается къ печати сборникъ девятнадцатый.

Обложки работы И. Я. Билибина.

Цѣна сборниковъ I-IV, VI-XVII по 1 р. 50 к. за каждый сборникъ.

А. КУПРИНЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

- Томъ I. Мелокъ. Ночная сѣна. Волотъ. Походъ. Одиночество. Ночлеги. Лѣсная глушь. Домане. Въ циркѣ. На покое. —
- Томъ II. Дымчанинокъ.
- Томъ III. Трусъ. Мирное жите. Корь. Жидовка. Конокралы. Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Обида. Рѣка жизни. Съ улицы. Ашегі. Вечерній гость. Собачье счастье. Убийца. Бриллианты. Бѣлыя ночи. Пустая дача.
- Томъ IV. Гамбринусъ. Прапорщикъ армейскій. Осенние цвѣты. Сентиментальный романъ. На глухарей. Какъ я былъ актеромъ. Черный туманъ. Мелюзга. Изумрудъ. Наталья Давыдовна. Тостъ. Счастье. Демиръ Кая. Искусство.
- Томъ V. На переломѣ (Кадеты). Олеся. Морская болѣзнь. Султанъ.
- Томъ VI. Во славу живымъ и умершимъ. Шутки. Очерки и рассказы.
- Томъ VII. По-семейному. Леночка. Къ славу. Попрыгунья-стрекоза. Блаженный. Славянская душа. Искусшеніе. Чужой хлѣбъ. Сказка. Въ трамваѣ. Лунной ночью. Бѣшеное вино. Королевскій паркъ. Счастливая карта. Психея. Первый встрѣчный. Кустъ сирени. Гранатовый браслетъ.
- Томъ VIII. Врегетъ. Марьяна. Капризъ. Катя. Забытый пошлудъ. Безуми. Страшная минута. Картина Аль-Меса. Въ эфирницѣ. Столѣтникъ. Лолли. Полубогъ. Бѣлый пудель. Слохъ. Въ нѣдрахъ земли. Палачъ. На рѣкѣ. Бѣдливый принцъ. Чудесный докторъ. Надъ землей.
- Томъ IX. (Подготовляется къ печати).
- Томъ X. Жидкое солнце. Черная молнія. Мученикъ моды. Анаева. Кислородъ. Свѣтлый конецъ. Слоновая прогудка. Медь вѣдн. Барбось и Жулка. Бонна. Дѣтскій слѣдъ. Таверъ. Ужасъ. Негласная рѣзня. Дужь вѣки. Оборотень. Кровать. Петровень. Чары. Пятатка. Сны. Локонтъ. Повѣбная сила. По заказу. Легенда. Самобийство. Пасхальныи яйца. Трагика. Зачарованныи глухаръ. Путешественники. О Чеховѣ. Замѣтка о Джекъ Лондонѣ. Аль. 2-е.
- Томъ XI. Капитанъ. Тараканья щель. Марья Ивановна. Въ медѣжьемъ углу. Уларъ. Заклятие. Масленица. въ Финляндіи. Люция. Запечатанные младенцы. Фараоново племя. Нарписсъ. Безъ заглавія. Миллионеръ. Винная бочка. Ежъ. Наше оравданіе. Умеръ смѣхъ. Лазурные берега.

Цѣна каждого тома въ обложкѣ работы М. И. Соломонова—1 р. 50 к.

ДѢТСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Роскошное изданіе со многими иллюстраціями М. И. Соломонова въ текстѣ и на отдѣльных листахъ. Ц. въ обложкѣ 2 р. 25 к., въ изданіи переплетъ по рисунку худож. М. И. Соломонова 3 р. 25 к.

Изданія для народныхъ школъ и библиотекъ:

- БѢЛЫЙ ПУДЕЛЬ. Съ иллюстр. М. И. Соломонова. Ц. 40 к.
СЛОНЪ. Съ иллюстр. М. И. Соломонова. Ц. 25 к.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ЭРТЕЛЯ

въ 7-ми томахъ, около 170 печатныхъ листовъ, съ портретомъ автора (въ перв. томѣ), критико-биографической статьей Ф. Д. Батюшкова и предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого къ роману «Гарденины».

Томъ I.	Записки Степняка. Часть 1-я.	} Цѣна 2 р. 50 к.
II.	» 2-я.	
» III.	Волховская барышня. Минеральные воды.	} Цѣна 1 р. 50 к.
» IV.	Давъ пары. Бабій бунтъ. Жадный мужикъ. Карьера Струмова.	
» V.	Гарденины. Часть 1-я.	} Цѣна 2 р. 50 к.
» VI.	» 2-я.	
» VII.	Смѣна. Въ сумеркахъ. Пятихвны дѣти. Духовидцы. Спецалистъ. Восторгъ. Разговоръ. Ц. 2 руб.	

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Томъ I. РАЗСКАЗЫ. Паша Тумановъ, Куприянъ, Подпрапорщикъ Голдобовъ, Кровь, Бунтъ, Жена, Ужасъ.

Томъ II. РАЗСКАЗЫ. Изъ подвала, Смерть Ланда, Тѣни утра, Кровавое пятно, Изъ записокъ одного человѣка, Богъ.

Томъ III. РАЗСКАЗЫ. Сильнѣ смерти, Деревянный чурбанъ, Мститель, О ревности, Преступленіе доктора Лурье, Разсказъ объ одной пощечинѣ, Романъ маленькой женщины, Злодѣи, Пропасть, Счастье, Записки писателя, О смерти Чехова, Смерть Башкина, О Толстомъ, Отъ малаго ничтожнымъ, По поводу одного преступленія, Частное письмо, Учителя жизни, Эпидемія самоубійствъ, Кольцо Пушкина, Проловъ и жизнь, Самоубійство.

Томъ IV. РАЗСКАЗЫ Человѣческая волна, Миллионы.

Томъ V. РАЗСКАЗЫ, Рабочій Шевыревъ, Сказка стараго прокурора-Стараго исторія, Палата неизлѣжимыхъ, Братья Армаврейскіе, Смѣхъ, Изъ дневника одного замѣчательнаго покойника, Разсказъ о великомъ знаніи.

Томъ VI. У послѣдней черты, Романъ, ч. I.

Томъ VII. У послѣдней черты, Романъ, ч. II.

Томъ VIII. Законъ дикаря, Ревность, Война.

Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

Н. КРАШЕНИННИКОВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Томъ I. МЕЧТЫ о ЖИЗНИ. Лѣсной сторожъ, Меблированная комната, Виолочель, Одицалье, Памятка, Конецъ купца Столѣтова, «Чиникова горь», Тишайшій, Капитанъ Степановъ 2-й, Хуторъ Терехова, Анжелика, Жизнь Игнатія Ильича, Въ чужомъ городѣ, Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. БАРЫШНИ, Романъ, Ц. 1 р. 25 к. (5-е изд.).

Томъ III. СКАЗКА ЛЮБВИ, Повѣсть, Ц. 1 р. 25 к. (изд. 3-е).

Томъ IV. ДѢВСТВЕННОСТЬ, Романъ, Съ предисловіемъ автора. (4-е изд.), Ц. 1 р. 30 к.

Томъ V. НЕВОЗВРАТНОЕ, Изъ вѣшняго времени, Прїѣздъ въ деревню, Окучено озеро, Агая Иванова, Седоръ Не-Клади-Плохотъ, Тетя Анфиса, Кончергинъ, Въ старомъ каретникѣ, Наши праздничныя забавы, Александръ Конюшекъ, Въ сумерки, Съ бреднемъ, Агафоновна, За русскій разговоръ, Петровский полкъ, Старая сокровища, Левъ Григорьевичъ Балычковъ, Губернаторская дочка, Восемь лѣтъ, Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VI. ТѢНИ ЛЮБВИ, Элли, Горе грѣха, «Старый мужъ, грозный мужъ», Послѣ, Сказка про Антона Ивановича, Зеленый домикъ, Баркаррлла, Сильнѣ смерти, Простая исторія, Ночью, Ревизія (Изданіе 2-е) Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VII. ЗЫБЪ ЖИЗНИ, (Подъ солнцемъ Башкири), Изъ головы медвѣдя, Ночлеги, Волтерьянецъ, Послѣ зими, Хауретъ Хайбулла, На землѣ обѣтованной, Башкирскія скачки, Житье-бытье, Смертная легенда, Ахметъ Усманъ, Путь на пастухъ, Свадьба Сафая, Батыръ Малкъ, Гордость Магометова, Пѣсня курайсы (печатается).

Томъ VIII. АМЕЛЯ, Романъ (печатается).

ЕВГЕНИЙ ЧИРИКОВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Томъ I (съ портретомъ автора). РАННЕ ВЪСХОДЫ. Ранне всходы. Едница. Грѣшникъ. Прелатель. Обостренныя отношеня. Бродячій мальчикъ. Лощалка. Коля и Колька. Сосѣдка. Хаврюшка. Дуняшка. Добрый баринъ. Волшебникъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. СТУДЕНТЫ ПРѢХАЛИ. Студенты прѣхали. Gaudeamus igitur. Въ дѣсу. Калигула. На столѣхъ. Съ ночевой. Прогрессъ. Цензоръ. Лунная ночь. Одувачикъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ III. ЧУЖЕСТРАНЦЫ. Чужестранцы. Итальянды. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IV. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ. Въ лошахъ межъ горъ. Фаустъ. Мужъ. Хромой. Капитуляція. Учитель. Ипортилась. Въ сукробахъ. Человѣкъ съ прошлымъ. Чортова жалость. 1 р. 25 к.

Томъ V. МАРЬКА ИЗЪ ЯМЪ. Марька изъ ямъ. Танно счастье. Имениница. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VI. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ. На дворѣ во флигелѣ. Иванъ Миронычъ. Марья Ивановна. Царь природы. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VII. МЯТЕЖНИКИ. Мясодѣйка. Романъ въ кляткѣ. Блудный сытъ. На порукахъ. Въ отставку. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VIII. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДРАМА. Евреи. Мужики. Домъ Кочергиныхъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IX. ДРАМЫ-СКАЗКИ. Колдунья. Лѣсныя тайны. Черная смерть. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ X. ТИХІЙ ОМУТЬ. Въ погонѣ за прогрессомъ. Что такое исправница. Злоба дня. Таланты и поклонники. Обыватель и микробы. Некому заступиться. Въ услуженіи. На свадьбахъ. Вѣлетъ въ посылку дома трудолюбія. Голосъ купца. Про мужиковъ. Объединеніе сословій. Награда къ праздничкамъ. Разговоры. Врагъ внутренний. Юбилей Якова Ивановича. Инциденты. Разлеченія. О вяткѣ и ея эволюціи. Бей его, мерзавца! Доброе имя квартального надзирателя. Дѣло о палкѣ съ надбавшикомъ. Захаръ Петровичъ. Народный театр. Бѣдные дворяне. Обыватель и полиція. Сосуны. Гражданское мужество. Народные просвѣтители. Ученые обыватели. Орловская Коробочка. Бѣда съ мужикомъ! Либеральныя директоръ. О воспитателяхъ. Театръ—школа народа. Подъ глетомъ подозрительности. О родителяхъ и учителяхъ. Посвященіе русскому народу. Что такое—правда. Не суйся, куда не спрашиваютъ! Столпы уѣздного земства. О незамѣтныхъ труженникахъ земства. Гоенне на коню. Футлярные люди. Инженеры сухопутные и др. рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XI. ПЛѢНЪ СТРАСТЕЙ. Плѣнь страстей челоѣческихъ. Сказка жизни. На порогѣ жизни. Товарищи. Соломонъ и Розалія. Передъ смертью. Баба. Сербская республика. Волкъ. Миниатюры. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XII. ЦВѢТЫ ВОСПОМИНАНІИ. Сирень. Тага. Кладъ. На козлахъ. Въ дорогѣ. Лушка. Водяной. На току. Русалка. Сосѣдка. Городокъ. Королевна. Эхо. Осенній сонъ. Сказка. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XIII. Жизнь Тарханова. Романъ. Ч. I-я. ЮНОСТЬ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Жизнь Тарханова. Романъ. Ч. II-я. ИЗГНАНИЕ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XV. Жизнь Тарханова. Романъ. Ч. III-я. ВОЗВРАЩЕНИЕ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XVI. ВОЛЖСКІЯ СКАЗКИ. Волга сказочница. Жена благоѣрная. Невѣсты. Христова. Иринова мольба. Искусство. Дочь неба. Солowej-любоникъ. Молодецкій курагъ. Стенькина кама. Битъ Божій. Дѣвы горы. Святая гора. Сонъ сластолюбивъ. На столѣхъ. Глубое мѣсто. Ц. 1 р. 25 к.

ПОВѢДКА НА БАЛКАНЫ. Замѣтки военнаго корреспондента. Ц. 75 к.

ЭХО ВОЙНЫ. Здѣсь война. Ихъ тайна. Добровольцы. Безъ крыльевъ. Дѣля-Алеша Герой. Чудо. Иванъ въ раю. Сестра. Тамъ я. Въ передовомъ отрядѣ. Свиданіе. Ночь въ обозѣ. Подъ огнемъ. Ц. 1 р.

Обложки работы М. И. Соломонова.

В. ВИННИЧЕНКО.

-СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Томъ I. **МОМЕНТЪ**, Моментъ, Невольникъ красоты, Глушине, Голытьба, Истинно-украинецъ. Нѣчто большее насъ, Кулля, Странное происшествіе.
Томъ II. **КОНТРАСТЫ**, Мелочь. Два эпизода. Записная книжка. Контрасты.
Томъ III. **КРАСОТА и СИЛА**, Федька-Каламидникъ, Красота и сила. Мнимый господинъ, Зина. У молотки, Таинственность, История Акимова злани, Таинственный случай. Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайскій, Кузь и Грыцюнъ.
Томъ IV. **ТАЛИСМАНЪ**, Талисманъ, Хаостатые, Ожидане, Лучъ солнца, Тайна Маленькая тайна. На рабочемъ пунктѣ, История съ Костей. Базаръ.
Томъ V. **НА ВЪСАХЪ ЖИЗНИ**, (Романъ).
Томъ VI. **РАДОСТЬ**, Радость, Олафъ Стефенсонъ, Терень, Обрученіе, Побѣдитель, Цѣпи.
Томъ VII. **БОЖКИ**, Романъ ч. I.
Томъ VIII. **БОЖКИ**, Романъ ч. II.

Цѣна каждаго тома въ обложкѣ работы худ. М. И. Соломонова 1 р. 25 к.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ЯРЫЙ ГОДЪ, Правда сердца, Обручальное, Тайны Ричардъ, Три дамы, Сердце сердцу, Сними трауръ, Визитъ, Незамерзающій мальчикъ, Дѣдъ и внукъ, Тихій зной, Свѣтъ вечерній, Красавица и оспа, Возвращене, Надежда воскресенія, Неутомимость, День встрѣчи, Ошибка гофлиферанта, Ц. 1 р. 25 к.

Подготавливается къ печати собраніе сочиненій Федора Сологуба.

А. М. ФЕДОРОВЪ.

ЗЕМЛЯ (Романъ), Ц. 1 р. 25 к.
ЖАТВА, Удостоена Императорской Академіей Наукъ почетнаго отзыва имени А. С. Пушкина. Содержаніе: Жатва. Король мусанговъ. Актриса. Ледь (Изданіе 2-е), Ц. 1 р. 25 к.
ПРИРОДА (Романъ), Ц. 1 р. 25 к.
БУРУНЫ, Долгъ, На зарѣ, Степанъ Стоговъ, Сказка, Судъ Соломона, Женщина, Съ матерью, Идолъ, Весенній день, Воспитаніе, Пивница, Человѣкъ, Ц. 1 р. 25 к.
СТЕПЬ СКАЗАЛАСЯ (Романъ), Ц. 1 р. 25 к.
КОРОЛЕВА, Королева, Чудо, Птицеловъ, Любовь и смерть, Феноменъ, Змѣя, Чинovníкъ, Коллега, Любовь, Стихи, Ц. 1 р. 25 к.
БАДЕРА, Бадера, Книги, Замокъ слезъ, Гастроль, Счастливчикъ, Признае, Компенсация, Рыбаки, Ц. 1 р. 25 к.
ЕГО ГЛАЗА (Романъ), Ц. 1 р. 25 к.
МОРЕ, (Романъ), Ц. 1 р. 25 к.
СЪ ВОЙНЫ, Ц. 1 р. 50 к.
ЗАРЯ ЖИЗНИ, Романъ, Ц. 1 р. 25 к.
КАМНИ, Романъ, Изд. 3-е, Ц. 1 р. 25 к.

АЛ. БУДИШЕВЪ.

СЪ ГОРЪ ВОДА. Съ горъ вода. На красномъ холмѣ. Въ лѣсной избѣ. Петрушка Рокмболъ. Олуванчикъ. Джикарь. Пари. Благополучиѣ. Портсмеръ. Черная топь. Ц. 1 р. 25 к.

СТРАШНО ЖИТЬ. Страшно жить. Тата. Въ людской. Бѣсъ реваности. Догаъ совѣсти. Страшный фургонъ. Нервы. Въ городѣ. Игнатка. Глюглоу. Голубая жа-рафа. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЮБОВЬ—ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Любовь—преступление. Королева Марго. На другой день. Бѣлая рѣсница. Ролька. Боязнъ ужасовъ. Сонная зѣва. Испушение Саверя. Неладное дѣло. Его оруженосецъ. Я и онъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДАЛИ ТУМАННЪЯ. Дали туманная. Оптимистъ и пессимистъ. Болото. Ху-торокъ. Урокъ. Кольцо. Собачья жизнь. Бурной ночью. Молодой другъ. Нордъ-Остъ. Разбойникъ. Измеряй. Дикарь. Агашка. Доброе дѣло. Письмо. Филдъ. Женки. Епифоркино счастье. Бритва. Среди дымныхъ бугровъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДИКИЙ ВСАДНИКЪ. Дикій всадникъ. Орги. Она. Лучшій другъ. Бѣднѣйшій ПАЖЪ. Бѣднѣйшій пажъ. На палубѣ. Евтшикино дѣло. Въ дѣтской. Гибель. Мишенька Разуваевъ. Была ночь. Солнечные дни. Ц. 1 р. 25 к.

ИЗЛОМЫ ЛЮБВИ. Изломы любви. Безумиѣ ли. Весниѣ зовы. Распря. Уго-лекъ. Поклей. Астра. Гераный бракъ. Разныя понятія. Черный ангель. Лебединая лѣсня. Которая такъ дуахъ. Братъ. Дуракъ. Жертва полемики. Благодатное небо. Счастье. Сюрпризъ. Кто я. Препятствіе. Свѣтлый гость. Въ лѣсу. Смерть. Лѣсная ядилля. Жажда жизни. Ц. 1 р. 25 к.

ХАТА СЪ КРАЮ. Хата съ краю. Приятель. Хамъ. Городъ. Дорогой рубинъ. Малиновка. На страшной доскѣ. Въ неприятной компании. Домикъ въ лѣсу. Ка-тастрофа. Подъ вой Ріона. Лугня. Разбойники. Воронъ. Пастухъ. Смагиль. Фальшивая монета. Капканчики. Бѣлая акация. Дочь клоуна. Ц. 1 р. 25 к.

ЛУННЪЯ СВѢТЬ. Лунный свѣтъ. Пять хлѣбовъ. Сонъ послѣ боя. Лили. Казнива. Одинъ на одинъ. Могло быть. Богатство. Страшная рукопись. Десятая пятница. До востребованія. Какъ поступитъ дѣваушкѣ. Мутными вечеромъ. Каюта № 6. Филдъ. Ц. 1 р. 25 к.

ВЗДОРНЫЕ РАЗСКАЗЫ. Экспро. Злоумышленники. Добился своего. Волчья елка. Странная история. Было на разумѣ. Родинка. Винтъ съ выходящимъ. Пере-удомился. Ничего такого. Самозванецъ. Лучшая. Охота на слона. Новѣйшій изоб-рѣтѣнія. Полноно. Горькая правда. Ученый пудель. Шесть выстрѣловъ. На паро-возѣ. Разсказъ несчастливца. Страшилище. Местъ. Святая душа. Наслѣдственность. Птица-Пима. Такой случай. Кавалеръ Кардильякъ. Весниѣ вечеръ. Средство душъ. Труевъ. Голубые чулки. Все къ лучшему. Ц. 1 р. 25 к.

ЛѢСНЫЕ БРАТЪЯ. Лѣсные братья. Герои. Малытка Жако. Нерушимая стѣна. Ц. 1 р. 25 к.

КРИКЪ ВО ТЪМЪ. Крикъ во тѣмѣ. Въ картофельной ямѣ. Видѣнія одной ночи. Такой случай. На пути. Встрѣча. Въ разгарѣ святокъ. Черный буйволъ. Степные волки. Въ страшной злости. Кошмаръ. Бунтъ ангеловъ. Не герой. Ночь теранія. Кукушкины слезы. Сказка о мужикѣ Ильѣ. Маркъ Бѣшеный. Анна Павловна. Острота зрѣнія. Это гипнозъ? Лицо смерти. Этой ночью. Бѣлый Ванька. (Печатается).

АННА МАРЪ.

НЕВОЗМОЖНОЕ. Невозможное. На волю. Жена. Мертвые листья. Обыч-ное. Вода. Вѣтеръ. Люля Бэкъ. Прѣздъ Риты. Любовь. Дѣвъ. Горѣ. Ой, бѣда! Одинъ день. Вербочки. Дурманъ. Ея сочельникъ. Янина. За вышиваніемъ. На-строения. Подруги. Исповѣдь. Женщина. Признание. Стаканъ кофе. Мертвое. Правда. Ц. 1 р. 25 к.

ИДУЩЕ МИМО. Идущее мимо. Богъ. Лампады незажженныя. Ц. 1 р. 25 к.

ИВАНЪ РУКАВИШНИКОВЪ.

АРКАДЬЕВКА. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
БЛИЗКОЕ и ДАЛЕКОЕ. Эврика. Я, ты, онъ. Ненависть. Романы въ Крыму. Анна. Настораивающій триптихъ. Карма. Бѣлый слонъ. Тиранинъ. Когда пада съѣмъ храма. Ц. 1 р. 25 к.
ПРОКЛЯТЫЙ РОДЪ. Романъ въ 3-хъ частяхъ.
Ч. 1-я. Семья желѣзнаго старика. Ц. 75 к.
Ч. 2-я. Макаровичи. Ц. 1 р. 50 к.
Ч. 3-я. На путяхъ смерти. Ц. 1 р.
СТИХОТВОРЕНІЯ. Ц. 1 р. 25 к.
ТРАГИЧЕСКІЯ СКАЗКИ. Мельница. Монахъ. Царина Перепелуга. Часовникъ. Ц. 1 р. 25 к.
СТО ЛЕПЕСТКОВЪ ЦВѢТКА ЛЮБВИ. Ц. 1 р.

МАРКЪ КРИНИЦКІЙ.

Маскарадъ чувства. Романъ. Изд. 3-е. Ц. 2 р.
Случайная женщина. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
Вами казненный. Романъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
Дорога къ тѣлу. Дорога къ тѣлу. Тамъ за стѣной, Любовь, Мужъ, У гер-
кала. Матерія. Свободная любовь (печатается).
Ангель страха. Ангель страха. Тайна барсука. Настѣлственность Стѣпки.
Тора-Аможе. Ложь, Гуськовъ. Учитель Живаревъ. Неопалимая Кузина. Бѣлыя
смертныя мысли Гуляева, Улица. Корабль (печатается).

ВЛАДИМИРЪ ЛЕНСКІЙ.

ПОДЪ ГНѢЗДОМЪ АИСТА. Подъ гнѣздомъ аиста. Невѣста. Какъ бываеиъ.
Мать. Ц. 1 р. 25 к.
БѢЛЫЙ КРЫЛЬЯ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Цѣна каждой части 25 к.
ЛЮБОВЬ—МЕЧТА. Таникъ. Любовь—мечта. Душа человѣческая. Стран-
ное. Испытаніе. Обреченіе. Воя. Ария. Ц. 1 р. 25 к.
ЗОРИ НОЧНЫЯ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
РАБЫ ЛЮБВИ. Испытаніе. Незнакомка. Душа волосъ. Слабое сердце.
Усталость. Весною. Первоцѣтъ. Весна. Мужъ. Вешній голось. Убитво. При-
ключеніе. Весенній вѣтеръ (печатается).
РѢКА ЖИЗНИ. Старикъ. Ты. Благородный незнакомецъ. Страхъ смерти.
Семейка. Темная осень. Лунатикъ. Собачій хуторъ. Цвѣтникъ. Встрѣча. Деньги.
Призракъ. Миняторы (печатается).
КАТАСТРОФА. Катастрофа. Больница. Докторъ. Смерть Володи. Листо-
падъ. Ганка. День смерти. Надъ озеромъ (печатается).

В. В. БРУСЯНИНЪ.

МУЖЧИНА. Мужчина. Они жили втроемъ. Колясочка. Отець. Изъ вы-
сокоу сквернаго человѣка. Ц. 1 р. 25 к.
ОПУСТОШЕННЫЯ ДУШИ. Опустошенныя души. Мать. На свободѣ. Рыжа-
ковскій густарь. На полѣ жизни. Жизнью пользуется живущій. Мой дядя. Клад-
бищенскіе люди. Кто первый запыль колыбельную пѣсню? Ц. 1 р. 25 к.
КОРАБЛЬ МЕРТВЫХЪ. Корабль мертвыхъ. Бѣлый голубокъ. Вѣчная мо-
гила. Трагическая пустота. Въ дунную ночь. Вѣрный часовой. На бѣлой лошади.
Добрая бабушка. Серебряныя тѣни. На пограничномъ посту. За двонхъ. Старая
война. Поѣздъ мертвецовъ. Кончилась фамилия Вершинныхъ. Корабль рожде-
ственнаго дѣда. Ц. 1 р. 25 к.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

СЛАВЯНСКОЕ ГОРЕ. I. Отъ автора. II. На пороги. I—II. Римъ.—Итальянцы и балканскій вопросъ.—Вѣтская дипломатія и др. Мандль.—Славянская мольба изъ австрійскихъ земель.—III. Скоръ Черной горы I—II. Страна, которой некуда идти.—Неизбѣжность войны.—Князь Николай.—Антивари. и Спица.—Цетинье.—I. Сербское горе I—IX. Агнескя.—Прошлое Австріи въ Боснии и Герцеговинѣ.—Народное настроеніе къ самозащитѣ.—Жалкія роли русской дипломатіи.—Тяжелые дни, когда «погибла Сербія».—Георгій Карагеоргиевичъ.—Вопросы сербско-русскаго единенія и торговли.—V. Македонія и младотурки I—II. Цѣна 1 р. 50 к.

ЭХО: Въ наши дни, Эзопова ягня. Междудумье. Змій, Джигитъ. Отцы и дѣти 1. Отцы и дѣти 2. Евгений Пассекъ 1. Евгений Пассекъ 2. Не тотъ Тойстой. Д. Н. Мамлыгъ-Сибирякъ. Балканская гроза: 1. Наканунѣ. 2. Фердинандъ въодъ Константинопольмъ. 3. Албанскій вопросъ. 4. Живковичъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ЗАБЫТЫЙ СМѢХЪ.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ «Московское Книгоиздательство» выпускаетъ три сборника Александра Амфитеатрова, посвященные русскимъ сатирикамъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

«Въ первомъ десятилѣтніи XX вѣка», говоритъ составитель въ своемъ предисловіи, «русское общество вранулось было къ сатири: отрадное явленіе, постоянно сопровождающее эпохи пробужденія страны отъ гражданской спячки и вѣрный знакъ, что пробужденіе это совершается во-время. Но порывъ оказался безплоднымъ и безсильнымъ. Освободительное движеніе быстро было снято, а контръ-революціонные годы не замедлили уложить пробудившуюся было сатиру опять на подушку безсрочнаго сна. Нѣкоторую же привычку, приобретенную обществомъ, предписано удовлетворять суррогатомъ такъ называемаго безобиднаго юмора. Постѣдній, въ роли поставщика забавностей на хохотъ мимана Пѣтухова и Иванушки-дурочки, чувствуетъ себя сейчасъ весьма недурно: и публика его любить и полиція одобряетъ, такъ что ласковому тедати остается только, ведя себя умненько, двухъ матокъ сосать...»

Въ эти невыгодные для русской сатиры дни невольно обращаешь мысль къ воспоминаніямъ о прошлыхъ ея дняхъ, которые были ея побѣднымъ праздникомъ, когда она была весела и грозна, зла и сильна, талантлива и цѣлесообразна. Когда ея отрицаніе, поистинѣ, «строило разрушеніемъ». Когда ея политическая мысль и темпераментъ поставили русское общество подъ свою повелительную фегуру, и страхъ стать жертвою сатиры перелопачивать самыя дикія и угрымаыя стороны русскаго общественнаго организма на новый ладъ, обтесывая русскую «сновъ» въ культуру и гражданственность».

Поступили въ продажу:

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

I. Отъ составителя. «Поморная музыка». Въмѣсто предисловія. Песны «Поморной музыки». II. В. С. Курочкинъ. III. Г. Н. Жуванъ («Скорбный поэтъ»). IV. Н. С. Курочкинъ. V. В. И. Богдановъ («Власъ Точечкинъ»). VI. Н. I. Кроль. VII. Козьма Прутковъ въ «Искрѣ». Ц. 1 р. 50 к.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ печатается:

I. П. И. Вейнбергъ. II. В. П. Буренинъ. III. Амось Шишкинъ. IV. Владимиръ Тихоновичъ. V. Л. И. Пальминъ. VI. Ломанъ-Гнутъ и стихотворная пародія «Искра». VII. Приложение: Друзья и союзники «поморныхъ»: И. И. Панаевъ, Н. А. Добролюбовъ, П. В. Шумахеръ. Ц. 2 р.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ печатается:

I. Д. Д. Минаевъ. II. Дядя Пахомъ. III. А. Лакида. IV. Позднѣйшіе и второстепенные сотрудники: Стародубскій, Страннолюбскій, Комаровъ, Клеймо и т. д. V. Случайные сотрудники. VI. Приложение: друзья, гости и союзники «Искры»: Чуберъ, Бенедиктовъ, Бернетъ, Грековъ, Половскій, Гербель, Алмазовъ, Мей.

ЗИНАИДА ГИППИУСЪ.

ЧЕРТОВА КУКЛА. Романъ. II. 1 р. 25 к.

РОМАНЪ ЦАРЕВИЧЪ. Романъ. II. 1 р. 25 к.

М. ПРИШВИНЪ.

ЗАВОРОШКА. Манифестъ 17-го октября въ деревнѣ. Какъ я укрѣплялъ тещу Никифора. Поляна и Аграмачъ. Какъ бить съ мужиками. Дубовый долъ. Дружный весна. Тютенкинъ логъ. На свѣтлой землѣ. Адамъ и Ева. Первые земледѣльцы У Чертова озера. Соловки. Спась-чекрякъ. О братьяхъ. Не отъ міра сего. Голубское христіанство. Отъянки на смерть Толстого. Сборная уланя и др. II. 1 р. 25 к.

СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.

УЛИЦА. Повѣсть. II. 75 к.

Готовится къ печати:

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. ВОЛЫНСКАГО.

Томъ I. Леонардо-да-Винчи. Эпоха Возрожденія. Рафаэль Санцо и Микель Анджело. Легенда о Леонардо-да-Винчи. Интермеццо. Демоническое искусство. Апокрифы. Новые материалы: «Джоконда». Мадонна Леонардо-да-Винчи въ Россіи. Рафаэль Санцо и Леонардо-да-Винчи. «Звѣрное безуміе» (Свѣтъ). «Кедры Ливана» (пророки на плафонѣ «Сикстинской Капеллы»). Гимны вонюхи (пророки). Женить Микитчу о Леонардо-да-Винчи. Статья итальянскаго историка Верга о работахъ Волынскаго для института Леонардо-да-Винчи. Умственный гений Леонардо-да-Винчи. Общая исторія Манускриптовъ. Изданіе Французскаго Института. Трактатъ о вѣщахъ. Анагора. Хрестоматическое изданіе Рихтера. Трактатъ о живописи. Атлантический Кодексъ. Вѣдскія Триумфы. Источники и материалы. Анонимное обвиненіе противъ Леонардо-да-Винчи. Историческій указатель. Каталогъ.

Томъ II. Ф. М. Достоевскій. Преступленіе и наказаніе. (Раскольничья). Красота (двойная статья къ разбору «Нікола»). Подробный анализъ «Долова». «Наталья Филипповна», князь Мещининъ, «Рогожинъ», «Царство К...», «Вихрь», «Инфернальная женщина», «Женщина Великаго Гибва», «Федоръ Павловичъ Карамазовъ», «Мита Карамазовъ», «Иванъ Карамазовъ», «Алеша», Монахи. «Книга Великаго Гибва». Разборъ «Бѣсовъ»: Ставрогинъ, Шатовъ, Кирилловъ, Верховенскій-отецъ. Новая волна.

Томъ III. Н. С. Лѣсковъ. «Петербургскіе пожары», «Навѣтъ», Мелкіе рассказы. Романы. Иконописецъ русской литературы.

Томъ IV—VI. Русскіе критики. Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Чернышевскій, Аполлонъ Григорьевъ, Страховъ, Майковъ, Михайловскій, Идейныя бури 60-хъ годовъ. Современныя теченія въ критикѣ.

Томъ VII. Статьи по философіи. Спиноза. Кантъ. Шопенгауеръ. Вундтъ. Карлейль. Ницше. Л. Н. Толстой. Критическія замѣтки о современныхъ русскихъ философахъ. Буддизмъ и христіанство.

Томъ VIII. Борьба за идеализмъ. Что такое идеализмъ. Литературная пѣлотисъ. Западно-европейскіе и русскіе авторы. Полемика. Статьи на темы общественного характера.

Томъ IX. Современная русская литература. Лекціи и статьи.

Томъ X. Театръ, Эстетика театра, Старый и новый репертуаръ. Вѣра Федорова Комиссаржевская.

Томъ XI. Балетъ.

Томъ XII. Автобиографическія замѣтки. Архивъ писателя. Характеристика. Война. Переводы.

Е. КИПЛИНГЪ.

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Переводъ подъ ред. И. Бунина.

Книга первая. Возвращение Ибрая—Могяда предка.—Мостостроители.—На годьѣ.—Рицца съ того свѣта.—Трагикомедія.—Три солдата.—Дѣло рядового.—Среди отверженныхъ.—Лиспетсъ.—Безъ благословенія.—Всѣ мы трое.—Въ шахтъ.

Книга вторая. Въ городской стѣнѣ.—Близнецы.—Въ разливѣ.—Бизеза.—Насильникъ области.—Въ дѣсу.—Молодые сатрапы.—Въ проходѣ.—Пиратъ съ маяка.—На полицейскомъ посту.—Судъ Дунгары.—На краю пропасти.—Ревность арагутага.—Ви-Видди-Вишки.—Бывшій человекъ.—Дочь полка.—Припадокъ рядового Ортериса съ главнымъ карауломъ.—«Любовь женщинъ».—Исчезнувшій полкъ.—Ломъ.

Книга третья. Исторія Мугаммедъ Дина.—Дверь Ста Пеналей.—Въ домѣ Сулгу.—Сасъ, миссъ Югъэль.—Покинутый вѣтви.—Квилверъ.—Королевскій мизъ.—Откуда пошелъ страхъ.—Нашествіе Джунглей.—Рыжія собаки.—Весна идетъ.—Могильщики.—Тумай Слоновой.—Бѣлый тюлень.—Чудо Пурунъ Багата.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Рикки-тикки-тави. Истинное происшествіе. Его Величество король. Казнь Гатимъ Таи. Слонопотъ. Крабъ, который игралъ съ моремъ. Мотылекъ, который топнулъ ногой. Кошка, которая гуляла сама по себѣ. Бѣство Бѣлыхъ гусаръ. Браванщики. Велючая перепелъ. Сурджунъ. Погоня за чудомъ. Привидѣніе. Дети Зодака. Ложный вѣсѣлъ. Гармъ-заожникъ. Новобранная Братія Моуган. Какъ охотится Тигръ-Тигръ.

Обложки работы И. Ф. Билибина. Цѣна: каждого тома 1 р. 50 к.

Ревюардъ Киплингъ съ самыхъ первыхъ дней своего выступленія на литературномъ поприщѣ получалъ почетную извѣстность сначала въ Англіи, а затѣмъ скоро и во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ. Эта извѣстность, съ выходомъ въ свѣтъ каждаго новаго его произведенія, распространялась все шире и шире, что и засвидѣтельствовано присужденіемъ, въ 1908 г. Р. Киплингъ, на международномъ конкурсѣ современныхъ представителей изящной литературы, премии Нобеля.

Не преувеличивая можно сказать, что никто изъ современныхъ писателей не превосшелъ Киплингъ въ яркости рисуемыхъ имъ картинъ и жизненности изображаемыхъ типовъ. Особенно характерными въ этомъ отношеніи являются у него произведенія, темы которыхъ взяты изъ англо-индійской жизни, но ошибочно было бы думать, что интересъ ихъ обуславливается исключительно только тою сказочною для европейца стороной природы Индіи, и быта многочисленнаго населенія ея, которая до Киплингъ почти только и затрогивалась художниками печатнаго слова и кисти. Киплингъ первый заговорилъ объ Индіи реальной, будничной, и потому имѣющей общечеловѣческое значеніе. Въ своихъ произведеніяхъ, на яркомъ фонѣ своеобразной англо-индійской жизни, онъ далъ рядъ глубокихъ психологическихъ анализомъ духовнаго міра туземцевъ. Рядомъ съ этимъ съ неподражаемымъ искусствомъ, съ тонкимъ юморомъ, съ одной стороны, и глубокой правдивостью—съ другой, изобразилъ онъ и типы соотечественниковъ во взаимоотношеніяхъ ихъ съ коренными жителями страны. Подготавливается къ печати книга пятая.

ЛЮБОВЬ

въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX вѣка.

Письма собраны и переведены Анастасіей Чеботаренской. Предисловіе Федора Сокогуба. Обложка С. Ю. Судейкина. Заставки С. Ю. Судейкина и Н. К. Калмакова. Въ собраніе вошли письма: Бодлера, Байрона, Бальзака, Бетховена, Биллскаго, Берне, Ватлера, Волтера, Гамбетты, Гаррибальди, Гейне, Гюге, Грибоѣдова, Гюго, Герцена, Державина, Екатерины II, Ж. Зандъ, Жюковскаго, Ибсена, Клейста, Лассалы, Ланкло, Ленау, Мирабо, Мюссе, Эдгара По, Наполеона I, Огюста, Пушкина, Потемкина, г-жи Роланъ, г-жи Сталь, Вл. Соловьева, Стендаля, А. Толстого, Л. Толстого, Тургенева, Успенскаго, Фихте, Флобера, Чернышевскаго, Шатобриана, Шиллера, Шумана, Эртеля и др. Страницъ 568. Цѣна 2 р.

А. КИРДЕВЪ.

РАЗСКАЗЫ. Томъ I.—Метеорологическая станція. Штормъ. Вѣдь. Зипасныя лафеть. Вирючий островъ. Аграрный вопросъ. На берегу залива. Тиверанъ. Какъ еси на небеси. Мга. Ц. I р. 25 к.

Н. КИСЕЛЕВЪ.

МИРАЖИ. Жестокость. Подъ ольядомъ. Леночка. Мигъ единый. На варъ. Темный домъ. У грани. Ошибка. Амарилдъ. Смерть. Марво. Ц. I р. 25 к.

Н. ОЛИГЕРЪ.

РАЗСКАЗЫ. Ночныя тѣни.—Вишня.—Заповѣдное.—Обреченные.—За што томъ.—Разломъ—Одинъ. Ц. I р. 25 к.

Д. КРАЧКОВСКІЙ.

ЗОЛОТАЯ КАРЕТА. Золотая карета. Знаменитый скульпторъ. Вѣня въ Москвѣ. Ледяная сосулька. Жемчужное ожерелье. Голуба. Розовое перо. Ц. I р. 25 к.

ВЛАДИСЛАВЪ РЕЙМОНТЪ.

ВАМПИРЪ. Авторизованный переводъ Е. Загорскаго. Ц. I р. 25 к.

ЭЛЬЗА ИЕРУЗАЛЕМЪ.

КРАСНЫЙ ДОМЪ. Романъ въ двухъ томахъ. Переводъ подъ редакціей Я. Бермана. Обложка А. М. Арнштама. Цѣна за оба тома I р. 75 к.

АНРИ БЕРНШТЕЙНЪ.

ИЗРАИЛЬ. Драма въ 3-хъ актахъ. Переводъ Н. П. Корединой, съ предисловіемъ Г. А. Рачинскаго. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ МАННЪ.

ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО. Романъ. Переводъ подъ редакціей Г. А. Рачинскаго. Ц. I р. 50 к.
КРУШЕНІЕ СЕМЬИ (Буденброки). Романъ, ч. I. Переводъ Ю. Спасскаго. Ц. I р. 25 к.

РИХАРДЪ АВЕНАРИУСЪ.

О ПРЕДМЕТЪ ПСИХОЛОГИИ.

Переводъ И. Маркова. Ц. 60 к.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВУНДТЪ.

ОЧЕРКИ ПСИХОЛОГИИ.

Переводъ прив.-доц. Моск. унив. Д. Викторова. Ц. 2 р. 50 к.

БЕННО ЭРДМАННЪ.

НАУЧНЫЯ ГИПОТЕЗЫ О ДУШѢ И ТѢЛѢ.

Переводъ Н. Н. Воначь и прив.-доц. Моск. унив. И. Ильина. Ц. 1 р.

В. ИЕРУЗАЛЕМЪ.

УЧЕБНИКЪ ПСИХОЛОГИИ.

Переводъ съ четвертаго изданія подъ редакціей прив.-доц. Моск. унив. Д. В. Викторова.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

Стр. VII—300. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Р. ФАЛЬКЕНБЕРГЪ.

ИСТОРИЯ НОВОЙ ФИЛОСОФИИ.

Переводъ и редакция прив.-доц. Моск. унив. Д. Викторова.

Съ шестого нѣмецкаго пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ изданія. Ц. 3 руб. 75 коп.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

Новый переводъ книги Фалькенберга представляетъ цѣнное приобретение для русской философской литературы. Отсутствие хорошаго перевода этой книги давно уже являлось значительнымъ пробѣломъ въ ряду немногочисленныхъ русскихъ общихъ курсовъ по исторіи новой философіи, а достоинства самаго сочиненія заставляли чувствовать этотъ пробѣлъ съ особенной силой. При значительной ясности и простотѣ изложенія Фалькенбергъ даетъ почти всегда сознаніе того, что излагаемая идея труднѣе, сложнѣе и глубже, чѣмъ она можетъ быть охарактеризована въ изложении; отношеніе его къ чужимъ мыслямъ всегда осторожно, внимательно, вдумчиво, и это даетъ ему возможность уцѣлеть и указать читателю такіе отгѣнки и стороны системъ, которые или не замѣчаются или просто отрицаются менѣе объективными изслѣдователями. Книга Фалькенберга есть прекрасное руководство для начинающихъ. Переводъ выполненъ хорошо, въ философскомъ отношеніи очень точно и ясно. Нѣсколько сдержанный и сухой языкъ нѣмецкаго оригинала вышелъ по-русски болѣе живымъ и изящнымъ...

«Русск. Вѣд.» 17-го ноября 1909 г.

ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДЕТЕЙ.

БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.

Подъ этимъ общимъ заглавиемъ «Московское Книгоиздательство» имѣетъ въ виду издать рядъ наиболее выдающихся сочиненій по дѣтской психологii, принадлежащихъ иностраннымъ авторамъ и до сихъ поръ недоступныхъ знающей части русскихъ читателей.

Цѣль этихъ сочиненій—освѣтить внутреннiй миръ ребенка, прослѣдить развитiе его душевныхъ способностей, уяснить совершающiеся въ немъ процессы, поскольку это достигнуто современною наукою, т. е. дать известныя положительныя знанiя, которыя помогутъ воспитателю понять душевную жизнь ребенка и, слѣдовательно, наиболее целесообразно на нее воздействовать.

Все изданiе составитъ 15 том., въ которые войдутъ слѣд. сочиненiя:

У. Друммондъ. Введенiе въ изученiе ребенка. II. 2 р.

Книга Друммонда представляетъ собою, какъ показываетъ самое заглавiе—«Введенiе въ науку о дѣтяхъ». Въ очень доступной и интересной формѣ авторъ характеризуетъ различные методы изслѣдованiя обѣихъ сторонъ дѣтскаго существа—физической и духовной, не забывая при этомъ указать на предосторожности, которыя необходимы въ этой сложной и тонкой работѣ. Какъ врачъ, авторъ уделяетъ достаточно мѣста изученiю биологическихъ особенностей дѣтскаго психики, но онъ не игнорируетъ и высшихъ проявленiй духа ребенка, становившаяся на выясненiи роли и такого фактора въ жизни дѣтяти, какъ религiя. Въ послѣдней части работы содержится указанiя относительно различныхъ ненормальныхъ проявленiй въ области дѣтской жизни.

Л. А. Колодца. Дѣтскiя игры. Ихъ психологическое и педагогическое значенiе. II. 1 р. 50 к.

Эта работа профессора Палермскаго университета, какъ указываетъ ея подзаголовокъ, разбираетъ одно изъ важнѣйшихъ явленiй дѣтской жизни—игру—съ двухъ точекъ зрѣнiя. Прежде всего здѣсь дѣлается попытка выяснитъ психологическое значенiе игры, прослѣдить ея возникновенiе и развитiе, опредѣлитъ ея роль въ общемъ строѣ душевной жизни ребенка. Затѣмъ игра рассматривается какъ средство воспитанiя, и авторъ, критикуя часто неразумное отношенiе взрослыхъ къ играмъ и игрушкамъ дѣтей, даетъ въ то же время нѣкоторыя цѣнные положительныя совѣты въ этой области. Средняя часть книги—«Игра въ исторii педагогики»—представляетъ собою обзоръ мыслей, высказанныхъ по вопросу объ игрѣ крупнѣйшими мыслителями древняго и новаго времени.

Б. Пэрэ. Нравственное воспитанiе, начиная съ кодыбели. II. 1 р. 50 к.

Терминъ «моральный» берется авторомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ наше понятiе «нравственный», и, благодаря этому, въ этомъ сочиненiи предлагается достаточно материала для характеристики самыхъ разнообразныхъ проявленiй дѣтской психики. Авторъ рассматриваетъ послѣдовательно развитiе воли у ребенка, значенiе повиновенiя, возникновенiе нравственныхъ привычекъ, роль чувствъ (обонянiя, зрѣнiя, слуха, осязанiя, мускульнаго и температурнаго чувства) въ нравственномъ воспитанiи, а затѣмъ переходитъ къ высшимъ (нравственнымъ и безнравственнымъ) формамъ душевной жизни дѣтей. Здѣсь отдѣльныя главы посвящены вопросамъ о гнѣвѣ, страхѣ, инстинктѣ собственности, любви, симпатii къ людямъ и животнымъ, стыдливости, лжи, самолюбию и пр.

М. О. Шп. Роль активности в жизни ребенка. № 1. р. 80 к.

Возстаивая против современной системы воспитания, которая в основном является «спайным», автор стремится показать, что в наше время не имеет для детей собственной ценности. Только благодаря привычке ребенка воплотить усваиваемый материал в различные познания — проявилась эта истинная ценность книги О. Шп. Но способности ребенка к различным действиям относятся к определенной последовательности, и автор выискивает эту последовательность, показывая в то же время, как к ней должно применяться обучение.

А. Чемберлен. Дети. Очерки по эволюции человека. (В двух томах). Ц.на каждого тома 1 р. 50 к.

Подобно Болдуину, и Чемберлен рассматривает развитие ребенка в связи с развитием человеческого рода. Но он подходит к вопросу с иных сторон, и главы его книги трактуют о значении безпомощности в младенческом возрасте, о смысле детского возраста и игры, о дикой, дичи, и детском искусстве, об общих чертах у ребенка и дикаря, у ребенка и преступника, у ребенка и женщины.

Д. Болдуин. Духовное развитие и развитие индивидуума и человеческого рода. (В двух томах). Ц.на каждого тома 1 р. 50 к.

Привести в связь индивидуальное развитие ребенка с развитием человеческого рода, объяснить первое последним — такова задача этой книги. Автор, один из крупнейших современных психологов, рассматривает целый ряд проявлений душевной жизни ребенка — распознавание цветов, зрения (в частности, причины преобладания правой руки), внушаемость, подражание, внимание и т. д. — и пытается установить связи между ними.

С. Холл. Собрание статей по педологии и педагогике. II. 2 р. 50 к.

С. Холл — один из первых и наиболее известных проповедников той истины, что для руководства ребенком необходимо прежде всего изучение его личности. С. Холл сам много страдает как для изучения психологии детства, так и для широкой популяризации знаний в этой области. Им же попользуется большой известностью не только в его родной Америке, но и в Европе (собрание статей Холла существует в немецком переводе), и ознакомление русских читателей с работами Холла нельзя не считать желательным. В настоящей сборнике входят статьи американского психолога, печатавшиеся разрозненно в периодических изданиях и касающиеся различных сторон душевной жизни детей, например, детской лжи, страха и т. д.

Б. Перл. Дети от трех до семи лет. II. 1 р. 50 к.

В настоящей работе автор рассматривает тот период, когда у ребенка воплотилась сознательная жизнь начинает преобладать над жизнью растительную. Здесь разбираются высшие формы умственной деятельности, воображение и отвлеченное мышление, рассматривается развитие памяти и влияние эстетических чувствований и воли. Как во всех своих сочинениях, автор и здесь пользуется многочисленными примерами из детской жизни, иллюстрируя и оживляя ими свое изложение.

Д. Болдуин. Духовное развитие с социологической и этической точки зрения. (В двух томах). Ц.на каждого тома 1 р. 50 к.

Это сочинение удостоено премии Датского Королевского Академией докладу Г. Гейфдинга. Здесь автор, опираясь на значительной степени на выводы предшествующей своей работы, старается показать, как складывается в ребенка социальное существо, благодаря влияниям окружающей среды. Поставленные и разрешаемые здесь вопросы находятся в тесной связи с важнейшими вопросами воспитания, и таким образом книга Болдуина наряду с научной ценностью приобретает также большое практическое значение.

Печатается:

М. Шининь. Ранняя п. развития ребенка. (Въ двухъ томахъ).

Это—одна изъ немногихъ работъ, гдѣ вдумчивый психологъ излагаетъ свои систематически наблюдаемыя надъ жизнью ребенка. Миссъ Шининь слѣдила изо дня въ день за развитиемъ своей племянницы, начиная со дня рождения—последней до трехлѣтняго возраста. Близость къ ребенку и естественное пристрастіе къ нему уравновѣшивались здѣсь серьезною научною подготовкою, которая заставляла автора строго отдѣлять дѣйствительные факты отъ того, что обычно склонны видѣть въ ребенкѣ любящие взрослые. Въ этой объективности, которая учитъ познавать и понимать постепенно усложняющиеся процессы, происходящіе въ душѣ безсознательнаго вначалѣ, а затѣмъ лишь лепечущаго дитяти,—главное значеніе книги.

Печатается:

С. Холль. Ранняя юность.

Вопросу о переходномъ или критическомъ возрастѣ посвящена эта работа, представляющая собою сжатое изложеніе (мѣстами измѣненное и дополненное) большого двухтомнаго труда того же автора. Сознвая всю важность этого возраста, требующаго особаго вниманія со стороны воспитателя, авторъ не ограничивается однимъ лишь сообщеніемъ чисто научныхъ данныхъ, но присоединяетъ къ нимъ практическіе выводы, вытекающіе для педагога изъ научныхъ положеній. Одну изъ главъ авторъ посвящаетъ специально дѣвочкамъ и ихъ развитію въ тотъ періодъ, когда въ нихъ начинается формироваться женщина. Какъ и О'Ши, Холль настоятельно рекомендуетъ уделять много вниманія физическимъ упражненіямъ, и этотъ походъ противъ современнаго, преимущественно словеснаго обученія, составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ его книги.

Принимается подписка.

Полная цѣна на 15 томовъ—22 р. 50 к. безъ переплета.

Условія уплаты: при подпискѣ на изданіе—задатокъ 1 р. 50 к. и при полученіи
каждаго тома—по 1 р. 40 к. Доставка и пересылка за счетъ издательства.

Печатается:

РЕНЭ ДЕКАРТЪ.

ПРАВИЛА ДЛЯ РУКОВОДСТВА УМА.

Переводъ съ латинскаго М. С. Марковой подъ редакціей прив.-доц. Имп. Моск.
Унив. Д. В. Викторова.

Печатается:

ДЖЭМСЪ ЭНЖЕЛЛЪ.

ПСИХОЛОГІЯ.

Переводъ съ англ. подъ ред. прив.-доц. Д. В. Викторова. Ц. 1 р. 25 к.

Печатается:

Д. М. БОЛДУИНЪ.

ИСТОРІЯ НОВОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ подъ ред. прив.-доц. А. П. Болтунова.

1. 25 R

V 48

92534

364

M